
Наследие падших
Первая книга
18+
ICRAIN

Julie CRain

Наследия Падших. Книга первая

«Автор»
2026

CRain J.

Наследия Падших. Книга первая / J. CRain — «Автор», 2026

Падшие боги рвутся из заточения, а старые клятвы требуют крови. Джулии предстоит узнать, кем была ее мать, почему ее скрывали тридцать лет и что за чувства связывают ее с человеком, которого она пыталась забыть.«Наследие Падших» — это история о любви, которая пережила века, о семейных тайнах и о девушке, которой предстоит решить судьбу миров.

© CRain J., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Цена Спасения 5
ГЛАВА 1. НАСЛЕДНИЦА 9
ГЛАВА 2. ШЁПОТ ИЗ БЕЗДНЫ 19
ГЛАВА 3. ТЕ, КОГО ОСТАВИЛИ ВО ТЬМЕ 25
ГЛАВА 4. ЦЕНА СТАРОГО ДОЛГА 34
ГЛАВА 5. ПО ТУ СТОРОНУ ПОРТАЛА 37
ГЛАВА 6. ПЛЕННИК МИЛОСЕРДИЯ 41
ГЛАВА 7. ТО, ЧЕМУ НЕЛЬЗЯ НАУЧИТЬСЯ 54
ГЛАВА 8. ТО, ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ДВЕРЬЮ. 62
ГЛАВА 9. МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ЛОЖЬЮ. 67
ГЛАВА 10. ГОЛОС ЗА СТЕКЛОМ 72
ГЛАВА 11. ЦЕНА ДЕСЯТИ ЛЕТ 78
ГЛАВА 12. ТО, О ЧЁМ МОЛЧАТ. 91
ГЛАВА 13. ЧУЖОЕ МЕСТО РЯДОМ. 95
Г 106
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Julie CRain
Наследия Падших. Книга первая

Пролог. Цена Спасения

Лес молчал.

Ни птичьего крика, ни шороха зверей в пожухлой траве. Даже ветер, обычно гулявший между вековыми деревьями, этой ночью стих. Казалось, сама природа затаила дыхание, ожидая чего-то страшного.

Лишь луна пробивалась сквозь переплетение ветвей, серебряным светом освещая узкую лесную тропу.

По ней шла женщина.

Её платье было испачкано землёй, подол разорван, а спутанные волосы прилипли к влажному от пота лицу. На руках она несла младенца, укутанного в светлое одеяло. Девочка спала, не подозревая, что её появление на свет уже изменило судьбы многих людей.

Добравшись до старого дуба, женщина остановилась. Его могучие корни выступали из земли, словно пальцы древнего великана. Она осторожно опустила люльку на широкий пень и присела рядом.

Некоторое время Ламия просто смотрела на дочь.

Маленькое личико было безмятежным. Тонкая прядь волос касалась щеки, крошечные пальцы сжимали край одеяла.

Ламия провела ладонью по детской щеке.

— Прости меня, маленькая…

Голос дрогнул.

Она наклонилась и поцеловала девочку в лоб.

— Я всегда буду с тобой. Даже если однажды ты перестанешь помнить моё имя.

Вдалеке мелькнул свет.

Ламия резко подняла голову.

Между деревьями показались огни факелов. Они приближались, разрезая темноту неровными полосами. Женщина поднялась и крепче прижала ребёнка к груди.

Наконец из-за деревьев вышел мужчина.

Высокий, широкоплечий, в дорожных доспехах, покрытых пылью и следами долгого пути. Через его щёку тянулся старый шрам. Длинные белоснежные волосы растрепал ветер, а в глазах застыло беспокойство, исчезнувшее в тот миг, когда он увидел её.

— Ламия…

— Алистер!

Она бросилась к нему.

Мужчина поймал её в объятия и крепко прижал к себе. На мгновение закрыл глаза, словно только теперь позволил себе поверить, что она действительно перед ним.

— Я думал, что не успею, — произнёс он. — Ты ранена?

— Нет. Со мной всё в порядке.

— Не лги мне.

Он осторожно отстранился, осматривая её лицо, плечи и руки. Ламия попыталась улыбнуться, но улыбка получилась едва заметной.

— Сейчас это неважно.

— Для меня важно всё, что касается тебя.

Алистер перевёл взгляд на ребёнка.

Суровые черты его лица смягчились. Он протянул руку и осторожно коснулся крошечной ладони девочки.

— Какая же она маленькая…

Ламия опустила глаза.

— Она ещё ничего не знает.

— И не должна. По крайней мере, пока.

Мужчина снова посмотрел на женщину.

— Я подготовил убежище за пределами королевства. Там нас не станут искать. Можем отправиться туда этой же ночью. Людей достаточно, чтобы обеспечить нам безопасность.

— Алистер…

— Мы начнём всё сначала. Ты, я и наша дочь.

Последние слова прозвучали почти как клятва.

Ламия промолчала.

Алистер заметил перемену в её лице. Его рука медленно опустилась.

— Что случилось?

Она отвернулась.

— Мы не можем уйти вместе.

Несколько мгновений мужчина молчал, словно не сразу понял услышанное.

— Что?

— Ты должен забрать её и уехать.

— Нет.

— Выслушай меня.

— Я сказал нет, Ламия.

Голос Алистера оставался негромким, но в нём появилась такая сдержанная ярость, что стоявшие неподалёку воины невольно переглянулись.

Ламия взяла его за руку.

— Если мы уйдём вместе, нас найдут. И тогда она не спасётся.

— Я не позволю никому отнять у меня семью.

— Ты не сможешь сражаться со всеми сразу.

— Значит, буду сражаться по очереди.

На мгновение в глазах Ламии появилась печальная улыбка.

Когда-то именно за это она его и полюбила. За упрямство, за нежелание отступать, за непоколебимую веру в то, что любую судьбу можно изменить, если достаточно сильно бороться.

Но теперь это упрямство могло стоить им слишком дорого.

— Ты уже всё решила, — произнёс Алистер.

Ламия опустила взгляд.

— Да.

— Поэтому ты позвала меня сюда? Чтобы попрощаться?

Она не ответила.

Алистер долго смотрел на неё. В его глазах смешались тревога, недоверие и боль.

— Скажи мне, кто угрожает ей.

— Это ничего не изменит.

— Тогда скажи, кто заставил тебя сделать такой выбор.

— Алистер…

— Я хочу знать правду.

Ламия закрыла глаза.

Ей хотелось рассказать ему всё. Объяснить, почему другого пути не осталось, почему она должна исчезнуть и почему даже любовь к нему теперь стала опасностью.

Но некоторые тайны, однажды произнесённые вслух, уже невозможно вернуть обратно.

— Ты должен забрать её, — повторила она. — И не позволить никому узнать правду.

— Какую правду?

Ламия промолчала.

Вместо ответа она осторожно вложила младенца в его руки.

Алистер принял девочку с неожиданной для такого сильного мужчины бережностью. Поддержал её голову, поправил одеяло и посмотрел на маленькое лицо.

— Я буду рядом, — прошептал он. — Обещаю.

Ламия коснулась его щеки.

— Береги её.

— А ты?

Она отвела взгляд.

— Я задержу их.

— Нет. Мы найдём другой путь.

— Другого пути больше нет.

— Тогда я останусь с тобой.

— И погубишь всё, ради чего мы сейчас боремся.

Он хотел возразить, но Ламия поднялась на носки и поцеловала его.

Поцелуй длился всего несколько мгновений, однако в нём уместилось всё, что они не успели сказать друг другу. Не осталось обещаний скорой встречи или уверенности в том, что однажды всё станет прежним. Только любовь, которую они не сумели уберечь от надвигающейся беды.

Когда Ламия отстранилась, Алистер попытался удержать её за руку.

— Не уходи.

Она задержала на нём взгляд.

— Прости меня.

Затем достала из внутреннего кармана небольшой мешочек. На ладонь высыпалась розовая пыль, едва заметно мерцавшая в лунном свете.

Алистер нахмурился.

— Ламия, что это?

Она не ответила.

— Посмотри на меня. Что ты собираешься сделать?

Ламия подняла руку и подула на пыль.

Мельчайшие частицы поднялись в воздух, окутывая лицо мужчины.

На мгновение лес словно потерял очертания. Алистер моргнул, попытался сделать шаг вперёд, но тело перестало слушаться. Взгляд затуманился, а окружающие звуки стали отдалёнными.

— Ламия…

Она уже отступала в темноту.

— Не ищи меня, — прошептала женщина.

И исчезла между деревьями.

Алистер попытался последовать за ней, но ноги подкосились. Он опустился на одно колено, продолжая смотреть туда, где только что стояла любимая.

— Ламия…

Ответом стала тишина.

Из-за деревьев вышел командующий.

— Милорд?

Алистер не сразу отозвался. Он крепко прижимал ребёнка к груди и смотрел в темноту.

— Приготовить отряд. Мы возвращаемся в Хэдэб.

Командующий перевёл взгляд на младенца.

— А ребёнок?

Алистер опустил голову.

Девочка мирно спала, словно ничего не произошло.

— Она едет со мной.

Дорога до Хэдэба заняла остаток ночи.

Алистер почти не выпускал дочь из рук. Даже во время остановок, когда воины меняли лошадей, он оставался возле люльки. Несколько раз пытался уснуть, но просыпался от малейшего движения девочки.

В его голове не находилось места ни для сна, ни для спокойствия.

Он не знал, что ждёт их впереди.

Не знал, когда снова увидит Ламию.

И не понимал, почему женщина, которую он любил, решила оставить ему столько вопросов вместо объяснений.

Перед самым рассветом его взгляд упал на кулон, лежавший поверх детского одеяла.

Подвеска была изготовлена из тёмного металла и украшена мелкими драгоценными камнями. В центре находилась тонкая спираль, внутри которой поблёскивал крошечный чёрный камень.

Алистер нахмурился.

Этот знак он знал.

Печать Ламии.

Когда-то она использовала её на древних свитках, хранившихся в закрытой части королевских архивов. Знак был связан с магией, о которой даже старейшие магистры предпочитали не говорить вслух.

Мужчина осторожно коснулся подвески.

Камень отозвался слабым теплом.

— Что же ты оставила мне? — тихо произнёс он.

Девочка шевельнулась во сне и высвободила из-под одеяла крошечную ладонь.

Алистер коснулся её пальцев.

За горизонтом поднималось солнце. Впереди, над туманной равниной, уже проступали башни Хэдэба.

Он ещё не знал, что этой ночью вместе с ребёнком в его жизнь вошла тайна, способная однажды разрушить не только его королевство, но и всё, что он считал своим миром.

Не знал, что оставленный Ламией кулон хранит куда больше, чем память о прошлом.

И не знал, что женщина, которую он любил, уже сделала свой последний ход.

ГЛАВА 1. НАСЛЕДНИЦА

Шестнадцать лет спустя.

Над башнями Хэдэба сгущались грозовые тучи.

Ветер гнал по небу тяжёлые облака, заставляя королевские знамёна биться о древки. За крепостными стенами перекатывался гром, а вспышки молний выхватывали из темноты острые шпили дворца. Вскоре сумрак вновь поглощал очертания башен.

Казалось, сама природа предупреждала о приближении беды.

Но за толстыми стенами королевской резиденции никто не спешил прислушиваться к её предупреждениям.

В покоях наследницы царило привычное оживление. В воздухе смешивались ароматы роз, горячего воска и дорогих благовоний. На серебряном подносе остывал завтрак, возле зеркала поблёскивали украшения, а посреди комнаты одиноко стояла туфелька, которую её владелица, по всей видимости, сочла ненужной.

Селария расположилась на широкой оттоманке, окружённая шёлковыми подушками. Длинные чёрные волосы свободно спадали на плечи, подчёркивая светлую кожу, а голубые глаза с откровенным безразличием следили за служанкой, которая уже несколько минут пыталась привлечь её внимание.

— Миледи, прошу вас, хотя бы выслушайте меня!

Катрин стояла возле двери, нервно сцепив руки.

Селария продолжала рассматривать ногти.

— Посол из Эльфийских Лесов ожидает вас в Серебряном салоне. Он прибыл ещё утром. Если лорд Алистер узнает, что вы снова отказались от встречи…

— Пусть узнает.

Катрин осеклась.

— Миледи?

— Я сказала: пусть узнает.

Селария потянулась за бокалом с ягодным напитком и сделала небольшой глоток.

Ей было шестнадцать. С самого детства она привыкла к тому, что любое желание исполнялось прежде, чем успевало превратиться в требование. Лучшие учителя, дорогие наряды, изысканные блюда и слуги, готовые исполнить даже самые нелепые прихоти, составляли привычный порядок её жизни.

Она редко задумывалась о том, сколько чужих усилий стояло за её беззаботностью. Ещё реже — о том, что за пределами дворцовых стен люди жили совершенно иначе.

— Но это дипломатическая встреча, — осторожно напомнила Катрин.

Селария наконец подняла глаза.

— Ты когда-нибудь замечала, что произносишь слово «дипломатическая» так, будто оно должно заставить меня умереть от восторга?

— Простите, миледи.

— Мне скучно. А этот эльф, насколько я помню, способен часами рассуждать о том, как правильно обрезать ветви древних деревьев. Пусть беседует с Геральдом. Они наверняка найдут общий язык.

— Посол приехал именно к вам.

— Значит, ему придётся научиться ждать.

Девушка снова отпила из бокала и поморщилась.

— Тёплый. И принеси мне гранатовый шербет из Тальмира. Только проследи, чтобы лёд был в форме звёзд. В прошлый раз мне принесли какие-то бесформенные куски. Я до сих пор считаю это оскорблением.

Катрин едва заметно вздохнула.

— Разумеется, миледи.

Она уже направилась к выходу, когда Селария добавила:

— И пусть новая горничная придёт расчёсывать мне волосы. Та, что вчера перепутала ленты.

— Её зовут Элин.

— Я не спрашивала её имя.

Катрин остановилась.

— Возможно, стоит проявить к девушке немного снисхождения. Она совсем недавно поступила на службу.

Селария медленно повернула голову.

— Ты сейчас учишь меня, как обращаться с моими слугами?

— Нет, миледи. Я бы никогда не посмела.

— Вот и хорошо.

Катрин поклонилась и вышла.

Селария ещё некоторое время смотрела ей вслед, затем поставила бокал на столик.

Покои она покинула почти через час.

В серебристо-сером платье с тонкой вышивкой по подолу, с аккуратно собранными волосами и изящной цепочкой на шее девушка выглядела настоящей наследницей королевства. Слуги поспешно освобождали ей дорогу, едва завидев в коридоре.

Дворец принадлежал её отцу. Однажды он станет её дворцом. Вместе с ним ей достанутся земли, армии, богатства и власть.

Селария никогда не сомневалась, что рождена для этого.

У поворота она заметила приоткрытую дверь малого совета. Из помещения доносился голос Геральда.

— Положение у Чёрных Врат ухудшается. Разведчики сообщают о новых отрядах нежити. Если барьер продолжит слабеть, мы не сможем удерживать восточные рубежи.

Селария замедлила шаг.

Война. Опять война.

Подобные разговоры она слышала десятки раз. Взрослые собирались за закрытыми дверями, обсуждали тревожные вести, произносили мрачные слова, а затем отец снова отправлялся на границу.

Ей никогда не нравилось, когда Алистера не было дома.

Но это ещё не означало, что она собиралась интересоваться его военными делами.

— Вы недооцениваете происходящее, Геральд, — произнёс незнакомый голос. — Барьер не просто ослабевает.

— Тогда объясните, что именно происходит, мастер Элиан.

— Его структура меняется. Кто-то переписывает саму природу заклинания.

— Такое невозможно.

— Именно поэтому мы до сих пор не понимаем, с чем столкнулись.

Послышались шаги.

Селария поспешно отступила, однако было поздно. Дверь распахнулась.

На пороге стоял Геральд. Его массивная фигура почти полностью заслоняла проход, а золотистые глаза остановились на наследнице.

— Леди Селария.

— Я просто проходила.

— Разумеется.

— И вообще, дверь была открыта.

Геральд чуть склонил голову.

— Я не собирался обвинять вас в шпионаже.

— А я не шпионила!

— Тогда мы оба можем считать этот вопрос закрытым.

Селария недовольно поджала губы.

Геральд служил Алистеру много лет, прошёл с ним через войны и дворцовые интриги. Титул наследницы не заставлял его относиться к девушке с тем почтением, которого она ожидала.

— Кстати, — произнёс он, — ваш отец возвращается.

Селария мгновенно забыла о ссоре.

— Когда?

— Завтра, к заходу солнца.

— Правда?

— Разве я когда-нибудь сообщал вам ложные сведения?

На лице девушки появилась искренняя улыбка.

— Почему мне никто не сказал раньше?

— Возможно, потому, что вы не покидали своих покоев последние два дня.

— Я была занята.

— Несомненно.

Селария проигнорировала замечание.

— Он привезёт подарки?

Геральд устало прикрыл глаза.

— Полагаю, после нескольких месяцев на границе ваш отец в первую очередь пожелает увидеть дочь.

— Ну конечно. Но подарок тоже не помешает.

Из зала вышла мадам Морель — наставница Селарии, женщина с безупречной осанкой и выражением лица, которое почти никогда не менялось.

— Миледи, надеюсь, вы помните, что возвращение короля предполагает не только семейную встречу, но и официальный приём.

— Бал! — оживилась Селария.

— Приём, — терпеливо поправила наставница.

— Можно совместить.

— Ваши уроки придворного этикета ещё не завершены.

— Мадам, я уже шестнадцать лет живу во дворце. Сколько ещё мне нужно учиться правильно держать бокал?

— Судя по тому, как вы держите его сейчас, ещё несколько лет.

Геральд отвернулся, скрывая улыбку.

— Вы обе невыносимы! — возмутилась Селария.

Она направилась к лестнице, но до гардеробной так и не дошла.

За тяжёлым гобеленом в западном коридоре находился узкий проход, о котором знали немногие. Когда-то его использовали слуги, чтобы незаметно перемещаться между этажами дворца.

Селария иногда приходила сюда, когда хотела побыть одна.

В глубине прохода стояла небольшая шкатулка из потемневшего серебра.

Девушка опустилась на колени и открыла крышку.

Внутри лежали несколько старых вещей: тонкая детская перчатка, сломанный гребень с эльфийским узором и кулон с чёрным камнем в центре спирали.

Селария осторожно взяла подвеску.

Камень был тёплым. Он оставался таким даже в самые холодные зимние дни.

Отец говорил, что кулон принадлежал её матери. Но больше ничего не рассказывал.

Селария не знала, как выглядела женщина, подарившая ей жизнь. Не знала, почему та исчезла и почему Алистер каждый раз менял тему, стоило дочери заговорить о прошлом.

Иногда ей казалось, что отец просто не хочет вспоминать.

Иногда — что он скрывает нечто гораздо более страшное.

Она провела пальцем по краю подвески.

— Почему ты оставила меня?

Ответа, разумеется, не последовало.

Селария вернула кулон в шкатулку и закрыла крышку. Когда она вышла из потайного прохода, на её лице уже не осталось следов задумчивости.

Наследница не должна показывать слабость.

По крайней мере, так она считала.

Утро следующего дня началось во дворце задолго до восхода солнца.

Слуги расставляли цветы в парадных залах, повара отдавали последние распоряжения кухонной прислуге, а портные в спешке завершали работу над нарядами для вечернего приёма.

Возвращение короля всегда становилось событием для всего Хэдэба.

Но сегодня дворец готовился к нему с особенным волнением.

Алистер отсутствовал несколько месяцев. За это время на восточных рубежах обострилась ситуация, несколько приграничных поселений оказались под угрозой, а вести о происходящем за Чёрными Вратами становились всё тревожнее.

Селария предпочитала об этом не думать.

В её покоях царил беспорядок. На кровати лежали три платья, на кресле — ещё два. Служанки перемещались между гардеробной и спальней, а сама наследница стояла перед зеркалом, прикладывая к волосам очередную драгоценную заколку.

— Нет, эта слишком простая.

Катрин осторожно забрала украшение.

— Миледи, это сапфиры из королевской сокровищницы.

— Я знаю, что это сапфиры. Я не слепая.

— Разумеется.

Селария взяла другую заколку, украшенную мелкими бриллиантами.

— Вот эта подойдёт.

— Очень красиво, миледи.

— Наконец-то ты сказала что-то разумное.

Девушка повернулась к зеркалу.

Сегодня ей хотелось выглядеть безупречно. Не ради придворных и даже не ради гостей, которые должны были собраться вечером. Она хотела, чтобы отец увидел её и понял, как сильно она изменилась за время его отсутствия.

Хотя сама Селария никогда бы не призналась в этом вслух.

К полудню над Хэдэбом раздался звук королевских рогов.

Селария, находившаяся в малом саду, резко подняла голову.

— Они вернулись!

Она бросилась к выходу, едва не столкнув с дорожки садовника.

На внутреннем дворе выстраивались воины. Их доспехи были покрыты дорожной пылью, на плащах виднелись следы долгого похода. Некоторые держались с трудом, другие помогали товарищам спешиться.

В центре процессии ехал Алистер.

Он выглядел старше, чем во время своего последнего отъезда. Лицо осунулось, на виске появилась тонкая седая прядь, а взгляд оставался настороженным даже теперь, когда вокруг него находились стены родного дворца.

Едва конь остановился, Селария выбежала на ступени.

— Отец!

Алистер обернулся. На его лице появилась настоящая улыбка.

— Селария!

Он спешился и поймал дочь в объятия.

— Ты вернулся!

— Как видишь.

— Почему не предупредил, что прибудешь раньше?

— Хотел сделать тебе сюрприз.

— У тебя получилось!

Она крепко обняла его, а затем отстранилась, внимательно рассматривая лицо.

— Ты похудел.

— Возможно.

— И выглядишь ужасно.

Алистер тихо рассмеялся.

— Рад узнать, что моя дочь по-прежнему умеет поддерживать боевой дух.

— Я серьёзно. Тебе нужно больше отдыхать.

— Постараюсь.

Селария улыбнулась.

— Ты привёз мне подарок?

Король посмотрел на неё с притворной строгостью.

— Не прошло и минуты, а ты уже спрашиваешь о подарках.

— Я скучала по тебе. Но это не отменяет подарков.

Алистер покачал головой.

— Ничего не меняется.

— Вообще-то меняется. Я стала старше.

— Это я заметил.

Он провёл ладонью по её волосам.

На несколько секунд между ними воцарилась тишина, в которой не было ни королевских обязанностей, ни тревожных донесений, ни угроз за пределами крепости.

Только отец и дочь.

— Я тоже скучал по тебе, — наконец произнёс Алистер.

Селария снова обняла его.

Позднее король принимал доклады в своих покоях.

Геральд стоял возле письменного стола, раскладывая карты восточных земель. Рядом находился Элиан — высокий магистр с внимательным взглядом и привычкой подолгу молчать перед ответом.

— Сколько поселений потеряно? — спросил Алистер.

— Три, — ответил Геральд. — Ещё два остаются под угрозой.

Король провёл пальцем по карте.

— А Чёрные Врата?

Элиан переглянулся с Геральдом.

— Барьер продолжает меняться.

— Ты говорил об этом в последнем донесении.

— Тогда изменения были едва заметны. Теперь они стали значительно сильнее.

— Что именно происходит?

Элиан подошёл к столу.

— Защитная структура создавалась, чтобы удерживать то, что находится по ту сторону Врат. Но теперь магия ведёт себя иначе. Она реагирует на присутствие чего-то, чего прежде там не было.

— На кого-то?

— Возможно.

Алистер выпрямился.

— Ты хочешь сказать, что за Вратами появился новый противник?

— Я хочу сказать, что пока не могу утверждать ничего определённого.

Король нахмурился.

— Мне нужны ответы, Элиан. Не предположения.

— Тогда мне потребуется время.

Геральд положил ладонь на край карты.

— Есть ещё кое-что. Несколько разведчиков утверждают, что видели свет в старых руинах к северу от заставы. Тот же свет появлялся перед последним нападением.

— Почему я узнаю об этом только сейчас?

— Мы ждали подтверждения.

Алистер посмотрел на него.

— В следующий раз сообщайте мне обо всём, что касается Чёрных Врат. Даже если сведения окажутся ложными.

— Будет исполнено, мой король.

Король снова взглянул на карту.

Несколько месяцев назад он покинул Хэдэб, рассчитывая решить проблему на границе до того, как она перерастёт в полномасштабную угрозу.

Теперь становилось ясно: происходящее гораздо сложнее обычного вторжения.

— Соберите Совет. Завтра на рассвете.

— А сегодняшний приём? — уточнил Геральд.

Алистер устало провёл ладонью по лицу.

— Сегодня я хочу провести вечер с дочерью.

К вечеру дворец преобразился.

В Большом зале зажгли сотни свечей. Золотые канделябры отражались в высоких зеркалах, вдоль стен расположились музыканты. За окнами продолжал греметь гром, но внутри царила праздничная атмосфера.

Селария стояла у подножия лестницы.

Она выбрала серебристое платье с тонкой вышивкой на талии. Тёмные волосы свободно спадали по спине, а сапфировая подвеска подчёркивала цвет глаз.

Когда Алистер появился на верхней площадке, девушка подняла голову.

— Ну как? — спросила она, делая небольшой поворот.

Король внимательно осмотрел её.

— Прекрасно.

— Только прекрасно?

— Ты хочешь, чтобы я написал об этом королевский указ?

— Было бы неплохо.

Алистер рассмеялся и подал ей руку.

— Позволь пригласить тебя на первый танец.

Селария вложила ладонь в его руку.

Музыканты заиграли.

На некоторое время тревоги остались за пределами зала. Король кружился с дочерью среди гостей, а Селария рассказывала ему о дворцовых происшествиях, новых платьях и очередном споре с мадам Морель.

Алистер слушал.

Но иногда его взгляд невольно возвращался к окнам.

За стеклом сверкала молния.

— Отец?

Он посмотрел на дочь.

— Что?

— Ты опять думаешь о войне?

Алистер помолчал.

— Привычка.

— Сегодня ты дома. Можешь хотя бы на один вечер забыть обо всём остальном.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты права.

И на этот раз действительно постарался оставить тревоги позади.

Однако далеко на востоке, за Чёрными Вратами, древний барьер вновь вспыхнул холодным светом.

И что-то по ту сторону ответило ему.

Праздник оборвался внезапно.

В разгар вечера к королю подошёл один из стражников и что-то прошептал ему на ухо. Алистер сразу перестал улыбаться.

— Где он?

— В северном крыле, милорд. Прибыл несколько минут назад.

Король посмотрел на дочь.

— Селария, мне нужно отлучиться.

— Но мы ещё не закончили танец.

— Я вернусь.

— Ты всегда так говоришь.

Он не ответил. Лишь коротко коснулся её плеча и направился к выходу.

Через несколько минут двери зала распахнулись снова.

Алистер вернулся, но теперь рядом с ним шёл незнакомец в тёмном плаще. Его запястья были обмотаны ремнями, украшенными небольшими камнями, испускавшими тусклое свечение.

Когда мужчина поднял голову, один из камней на его руке вспыхнул.

Селария невольно коснулась собственного кулона.

Чёрный камень отозвался едва заметным теплом.

Она нахмурилась.

Показалось.

Алистер остановился посреди зала.

— Приём отменяется.

Музыканты замерли. Среди гостей прокатился удивлённый шёпот.

— Папа? — Селария шагнула вперёд. — Но мы же…

— Господа совета, прошу следовать за мной.

Король даже не взглянул на праздничное убранство.

— Но я готовилась весь день! — воскликнула девушка.

Алистер повернул голову.

— Селария.

Всего одно слово, произнесённое негромко, заставило её замолчать.

— Сейчас не время.

— А когда будет время? Ты обещал, что мы проведём вечер вместе!

В глазах короля мелькнула усталость.

— Завтра.

— Ты всегда говоришь «завтра»!

Несколько придворных поспешно отвели взгляды.

Алистер не стал продолжать разговор.

— Кай, проводи наследницу в покои. И никого не впускай без моего разрешения.

— Да, милорд.

Селария побледнела от возмущения.

— Ты выставляешь меня из собственного приёма?

— Я отменил приём.

— Из-за него?

Она указала на незнакомца.

Тот стоял неподвижно, словно происходящее его совершенно не касалось.

— Он даже не представился!

— Его зовут мастер Элиан. Этого достаточно.

— Для тебя, может быть!

Алистер посмотрел на дочь. В его взгляде на мгновение промелькнуло сожаление, но оно быстро исчезло за привычной королевской сдержанностью.

— Совет ждёт.

Он отвернулся.

Селария осталась стоять посреди зала. Ей казалось, что все присутствующие смотрят только на неё. Ещё несколько минут назад она представляла этот вечер совершенно иначе. Теперь платье, украшения и тщательно подготовленный приём казались нелепыми.

Кай приблизился.

— Миледи, прошу.

— Не смей ко мне прикасаться.

— Я и не собирался.

— Я ненавижу этот дворец!

Кай посмотрел на неё спокойно.

— Это чувство пройдёт.

— А ты откуда знаешь?!

— Потому что вы говорите это каждый раз, когда вам что-то запрещают.

Селария хотела ответить, но не нашла подходящих слов. Она резко развернулась и направилась к дверям.

В покоях наследница сорвала диадему и бросила её на кровать.

— Ненавижу!

Она сняла с шеи ожерелье и швырнула его на туалетный столик. Украшение ударилось о мрамор, несколько камней рассыпались по поверхности.

— Он даже не обнял меня! Представляешь, Катрин? Даже не спросил, как я!

Служанка стояла возле двери, не решаясь вмешаться.

— А этот человек! Кто он вообще такой? Почему из-за него отец отменил мой приём?

— Возможно, дело действительно серьёзное, миледи.

— Не защищай его!

Катрин опустила голову.

Селария подошла к окну. За стеклом начинался дождь. Капли стекали по витражу, размывая огни внутреннего двора.

Она вдруг вспомнила о кулоне.

Подойдя к шкатулке, девушка достала подвеску.

Чёрный камень тихо пульсировал в её ладони.

— Хотя бы ты не бросаешь меня, — прошептала она.

И в эту минуту перед нами была уже не наследница великого королевства, не избалованная дочь, привыкшая получать желаемое.

Просто девушка, которая ждала отца.

В это же время в глубине дворца начинался Совет.

На длинном столе лежала карта восточных рубежей. Возле Чёрных Врат горели красные отметки — места, где защитные руны уже начали угасать.

Алистер стоял во главе стола.

Элиан положил перед ним небольшой кристалл. Тот был почти чёрным, а внутри двигались тонкие багровые прожилки.

— Это образец, извлечённый из внешнего слоя барьера, — объяснил магистр. — За последние сутки его структура изменилась.

Геральд наклонился над кристаллом.

— Каким образом?

— Он больше не подчиняется первоначальному заклинанию. Его структура переписывается изнутри.

— Кто способен на такое? — спросил Алистер.

Элиан поднял глаза.

— Тот, кто знает устройство нашей защиты и обладает силой, достаточной, чтобы изменить её основу.

— Сколько у нас времени?

— Десять дней. Возможно, меньше.

— Что произойдёт, когда срок истечёт?

Элиан помолчал.

— Барьер не рухнет. Это было бы слишком просто.

Он коснулся кристалла.

Тот вспыхнул. На его поверхности проступило отражение человеческого лица. Затем черты исказились, превратились в неестественную гримасу и исчезли.

— Он обратится против тех, кого должен защищать.

В комнате воцарилась тишина.

— Вы хотите сказать, что наши собственные защитные чары начнут убивать нас? — спросил один из советников.

— Хуже. Они будут использовать наши силы, наши образы и наши воспоминания.

Геральд выпрямился.

— Значит, нам предстоит сражаться с собственными отражениями?

— Если повезёт, — ответил Элиан.

Алистер посмотрел на карту.

— Что вам нужно?

— Доступ к закрытым архивам. И разрешение изучить старые записи о Тартаре.

— Вы его получите.

— Есть ещё одна проблема.

Король поднял голову.

Элиан впервые за весь разговор отвёл взгляд от кристалла.

— Изменение затрагивает не только барьер. Оно распространяется на всё, что долго находилось рядом с ним. Камни, землю, магические источники… живые существа.

Геральд нахмурился.

— Людей тоже?

— Да.

Алистер медленно обернулся к окну.

Где-то в другом крыле дворца находилась Селария.

Его дочь.

Его наследница.

Он не знал, что представления двора о происхождении наследницы были ложными. Не знал, что его настоящая дочь находится далеко от дворца. И не подозревал, какую роль в этой тайне однажды сыграет маленький чёрный кулон.

— У нас десять дней, — произнёс он наконец. — Используйте каждую минуту.

За окнами Хэдэба сверкнула молния.

А глубоко под древними стенами что-то ответило ей глухим ударом.

Кристалл на столе треснул.

Из его чёрной глубины донёсся шёпот:

— Слишком поздно.

ГЛАВА 2. ШЁПОТ ИЗ БЕЗДНЫ

Гроза не утихала.

За окнами дворца вспыхивали молнии, освещая башни Хэдэба и мокрые крыши внутренних галерей. В зале Совета ещё горели свечи, но большинство советников уже покинули помещение.

Алистер остался с Элианом и Геральдом.

На столе лежал расколотый кристалл.

— Ты уверен, что это не просто реакция на инверсию? — спросил король.

Элиан осторожно коснулся края образца.

— Нет. В момент разрушения я почувствовал чужое присутствие.

— Чьё?

— Не знаю. Но оно осознавало, что мы наблюдаем за ним.

Геральд нахмурился.

— Значит, нас уже заметили.

— Возможно, — ответил магистр. — И если это действительно та сила, о которой я думаю, она гораздо ближе, чем мы предполагаем.

Алистер посмотрел на расколотый кристалл.

— Завтра Совет получит все сведения. До тех пор никто не должен покидать дворец без сопровождения.

— А наследница? — спросил Геральд.

Король помолчал.

— За ней будут следить.

— Она не станет этому рада.

— Мне не нужно, чтобы она радовалась. Мне нужно, чтобы она оставалась в безопасности.

Геральд хотел что-то возразить, но передумал.

В покоях наследницы было тихо.

Селария стояла перед зеркалом, не снимая праздничного платья. На туалетном столике лежали украшения, которые ещё утром казались ей прекрасными. Теперь они вызывали лишь раздражение.

Отец вернулся.

Но вместо того чтобы провести вечер с дочерью, он отменил приём, заперся с советниками и даже не попытался объяснить ей происходящее.

Селария сняла с шеи ожерелье и положила его на стол.

— Ненавижу, — произнесла она почти беззвучно.

— Миледи, может быть, вам принести горячего чая? — осторожно спросила Катрин.

— Уйди.

— Но вы ничего не ели с полудня.

— Я сказала, уйди!

Катрин поклонилась и поспешила к двери.

— И закрой её!

Дверь захлопнулась.

Селария осталась одна.

Она подошла к окну и посмотрела на внутренний двор. Стражники сменяли друг друга у ворот. В соседнем крыле горели окна — там всё ещё продолжалось совещание.

У всех были дела. Обязанности. Секреты.

И только она должна была ждать.

— Прекрасно. Пусть занимаются своими делами.

Она сняла диадему и положила рядом с украшениями. Затем коснулась кулона.

Тёмный камень в центре спирали был тёплым, как всегда.

— Хоть ты не исчезаешь, — прошептала Селария.

Внезапно пламя в камине дрогнуло.

Одна свеча погасла.

Затем другая.

Селария обернулась.

В комнате стало холодно. Не так, как бывает зимой, когда ветер проникает сквозь неплотно закрытые окна. Это был иной холод — глубокий, проникающий под кожу.

— Катрин?

Ответа не последовало.

Девушка сделала шаг к двери.

И услышала голос.

«Как больно, когда тебя не замечают…»

Селария застыла.

Голос был женским. Тихим, почти ласковым. Он звучал так близко, будто кто-то стоял прямо за её спиной.

Девушка медленно обернулась.

Никого.

— Кто здесь?

«Не бойся. Я не причиню тебе вреда».

— Покажись!

«Какое знакомое требование. Люди всегда хотят видеть то, чего не способны понять».

Селария отступила от зеркала.

— Если это чья-то шутка, я прикажу вас казнить.

Раздался тихий смешок.

«Ты так часто угрожаешь тем, кто слабее тебя. И всё же, когда тебе самой больно, рядом не оказывается никого».

Селария стиснула зубы.

— Замолчи.

«Сегодня ты ждала отца. Выбирала платье. Украшения. Представляла, как он посмотрит на тебя и улыбнётся. Но он даже не подошёл».

— Он занят.

«Разумеется. У него всегда есть дела поважнее».

— Он защищает королевство!

«А кто защитит тебя, дитя?»

Селария не ответила.

Голос стал мягче.

«Я знаю, каково это — быть оставленной. Знать, что твоё место должно принадлежать тебе, но видеть, как другие распоряжаются твоей судьбой».

В камине вспыхнуло пламя.

На этот раз в нём проступило женское лицо. Красивое, незнакомое, с глазами цвета тёмного рубина.

Селария резко отшатнулась.

— Кто ты?

«Когда-то меня называли многими именами. Но те, кто ещё помнит меня, предпочитают не произносить их вслух».

Лицо в огне исчезло.

«Ноксит».

Имя прозвучало так, словно стены комнаты повторили его вслед за голосом.

— Богиня?

«Когда-то. До того, как другие боги решили, что мои желания слишком опасны для этого мира».

Селария медленно опустилась на край кровати.

— Чего ты хочешь?

«Пока? Ничего».

— Никто не приходит просто так.

«Какая проницательность. Возможно, в тебе всё-таки есть нечто большее, чем капризы и дорогие платья».

Селария вспыхнула.

— Я не капризная!

«Нет? Тогда почему ты так отчаянно стараешься доказать всем, что достойна любви?»

Эти слова заставили её замолчать.

Ноксит не торопилась продолжать. Она словно знала, что тишина подействует сильнее любого заклинания.

«Скажи мне, Селария… ты когда-нибудь задумывалась, почему отец так редко говорит о твоей матери?»

Девушка подняла голову.

— Не твоё дело.

«А ты знаешь, кем она была?»

— Она умерла.

«Так тебе сказали?»

Селария вскочила.

— Что ты пытаешься сказать?

«Ничего. Я лишь задаю вопросы. Разве это преступление?»

На туалетном столике сами собой сдвинулись кольца. Одно упало на пол.

Селария посмотрела на украшения.

— Ты знаешь мою мать?

«Я знаю гораздо больше, чем ты можешь представить».

Голос сделался почти шёпотом.

«Я знаю, как она любила украшения. Как снимала кольца перед сном и раскладывала их на подоконнике. Как раздражалась, если кто-нибудь переставлял их местами. Знаю, что она не любила запах горькой полыни и всегда открывала окна, даже зимой».

Селария побледнела.

Она никогда не слышала этих историй. Ни от Алистера, ни от придворных, ни от наставницы.

— Откуда тебе это известно?

«У прошлого много дверей, дитя. И некоторые из них никогда не запирались».

Селария подошла к окну.

— Если ты знаешь мою мать, расскажи, как её звали.

В голосе Ноксит появилась насмешка.

«Имена… Как люди цепляются за них. Будто имя способно вернуть того, кого потеряли».

— Ответь!

«Я могу дать тебе гораздо больше, чем воспоминания о женщине, которую ты никогда не знала».

Селария обернулась.

— Что именно?

«Власть».

Одно слово.

Но оно прозвучало так, словно за ним открылась бездонная пропасть.

«Не ту, которую отец позволяет тебе иметь. Не титул, который однажды может перейти к кому-то другому. Настоящую силу. Такую, перед которой склоняются короли и замолкают боги».

Селария почувствовала, как учащается её сердцебиение.

— И что ты хочешь взамен?

«Пока ничего, кроме внимания».

— Ты лжёшь.

Ноксит засмеялась.

«Мне нравится твоя осторожность. Не теряй её. Она может однажды спасти тебе жизнь».

Селария смотрела на огонь.

— Почему именно я?

На этот раз ответ последовал не сразу.

«Потому что ты одинока. Потому что тебя недооценивают. Потому что ты хочешь большего, чем тебе готовы дать».

— Это не ответ.

«Хорошо. Тогда вот тебе другой: потому что ты находишься в месте, где мне нужна дверь».

Селария похолодела.

— Какая дверь?

«Та, которую однажды откроешь сама».

В воздухе что-то изменилось.

Тени у стен вытянулись и поползли к центру комнаты. Селария почувствовала давление в висках. Казалось, чужое присутствие осторожно касалось её мыслей, перебирало воспоминания, искало слабое место.

Она схватилась за голову.

— Прекрати!

«Я ещё ничего не сделала, дитя».

— Уходи!

«Ты хочешь, чтобы тебя боялись. Чтобы отец наконец увидел, насколько ты сильна. Чтобы никто больше не мог отвернуться от тебя».

— Замолчи!

«Я могу помочь».

Перед глазами Селарии вспыхнули образы: Алистер, стоящий на троне; придворные, склоняющие головы; Геральд, который больше не смеет смотреть на неё с усталым снисхождением.

Она увидела себя в короне.

И почувствовала, как сладко отзывается внутри это видение.

Но вместе с ним пришёл другой образ.

Она стояла перед зеркалом, а её отражение улыбалось чужой улыбкой.

Селария отшатнулась.

— Нет.

«Что?»

— Я сказала — нет!

Она сжала кулон.

Камень обжёг ладонь.

Боль оказалась настоящей, резкой, возвращающей её в собственное тело. Селария собрала всю волю и оттолкнула чужое присутствие.

Тени вздрогнули.

Пламя в камине взметнулось к потолку.

Затем всё исчезло.

Девушка опустилась на колени, тяжело дыша. На ладони остался красный след от кулона.

— Я…

«Любопытно».

Голос Ноксит звучал теперь далеко, словно доносился из глубины колодца.

«Ты не так слаба, как я предполагала».

Селария подняла голову.

— Я не позволю тебе управлять мной.

«Конечно. Пока не позволишь».

— Я сама решаю, кем быть.

«Вот поэтому я и выбрала тебя для разговора».

В голосе богини больше не было прежней ласковости.

«Запомни, Селария: я умею ждать. И однажды ты сама позовёшь меня».

Последняя свеча погасла.

Наступила темнота.

Кай стоял возле дверей покоев наследницы.

Он не слышал разговора. Не видел теней и не знал, что происходило внутри. Но в какой-то момент воздух в коридоре стал невыносимо тяжёлым.

Магические руны на его наручах вспыхнули.

Кай положил руку на рукоять меча.

— Что за…

Из-под двери вытекла тонкая полоска тёмного дыма. Она скользнула по каменному полу, коснулась сапога стража и исчезла.

Кай отступил на шаг.

Он знал этот запах.

Не дым. Не сера. Не магический пепел.

Запах чего-то древнего, что слишком долго оставалось запертым.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Селария. Лицо её было бледным, волосы растрепались, а в глазах ещё сохранялся страх.

Кай внимательно посмотрел на неё.

— Миледи?

— Что?

— С вами всё в порядке?

— Разумеется.

Она попыталась пройти мимо него, но он заметил красный след на её ладони.

— Вы ранены.

Селария быстро спрятала руку.

— Это не твоё дело.

— Я обязан сообщать королю обо всём, что может угрожать его семье.

— Тогда сообщи ему, что его дочь устала от бесконечных запретов и надзора.

Она прошла по коридору, не оглядываясь.

Кай проводил её взглядом.

Когда дверь за ней закрылась, он достал из-за пояса небольшой металлический амулет. Его поверхность была покрыта защитными символами.

Один из них почернел.

Кай медленно сжал амулет в ладони.

— Этого не может быть…

Он посмотрел в сторону зала Совета.

Ему следовало немедленно доложить Алистеру.

Но прежде нужно было понять, что именно произошло.

Потому что угроза, которую все искали у Чёрных Врат, уже проникла во дворец.

И, возможно, она давно ждала своего часа.

В глубине Тартара не существовало ни рассвета, ни заката.

Там, где даже пламя не отбрасывало света, Ноксит открыла глаза.

Её тело всё ещё оставалось пленённым. Цепи, сотканные из древних божественных клятв, удерживали её в бездне. Но теперь одна из них едва заметно дрогнула.

Богиня провела пальцами по холодному металлу.

Цепь отозвалась глухим звоном.

— Какая упрямая девочка…

На губах Ноксит появилась улыбка.

— И как же долго ты будешь сопротивляться, когда узнаешь, что весь твой мир построен на лжи?

Она закрыла глаза.

Впервые за многие столетия Ноксит почувствовала нечто, похожее на надежду.

— Спи пока, маленькая наследница. Тебе ещё предстоит узнать, кому принадлежит твоё место.

Где-то далеко, за пределами Тартара, чёрный кристалл на столе Алистера покрылся новой трещиной.

Время продолжало идти.

До завершения инверсии оставалось десять дней.

И Ноксит больше не собиралась ждать в полной тишине.

ГЛАВА 3. ТЕ, КОГО ОСТАВИЛИ ВО ТЬМЕ

Зал Призыва находился глубоко под дворцом, за тремя рядами запечатанных ворот.

Его не отмечали ни на одной из королевских карт. Даже большинство придворных магов не подозревали о существовании этого места. Лишь избранные знали дорогу сюда — те, чьи имена пережили несколько эпох, а поступки однажды изменили ход истории.

Здесь не было окон.

Стены из чёрного базальта уходили высоко вверх и терялись в темноте. По камню струились древние руны, мерцавшие тусклым багровым светом. Их сияние напоминало кровеносные сосуды огромного существа, погребённого под землёй.

В центре зала находился круг призыва. Его поверхность была испещрена символами, значение которых давно утратили даже самые старые архивы Хэдэба.

Алистер вошёл последним.

Он снял дорожные доспехи, оставив лишь тёмный камзол. Белоснежные волосы свободно падали на плечи, а лицо казалось непривычно суровым.

Он не любил созывать Совет без крайней необходимости. Каждый присутствующий обладал собственной волей, собственными интересами и достаточной силой, чтобы при желании уничтожить небольшое королевство.

Собрать их в одном помещении означало рискнуть гораздо большим, чем дипломатическим спокойствием.

— Начнём, — произнёс король.

Двери за его спиной бесшумно закрылись.

В зале находились те, кому Алистер доверял защиту Хэдэба.

Не все они были его союзниками по убеждениям. Некоторые подчинились обстоятельствам, другие — старым договорам, третьи предпочитали сохранять равновесие, пока оно приносило им выгоду.

Но сегодня их объединяла одна угроза.

Первым заговорил Малгрот.

Демон был огромен. Его тело напоминало груду тёмно-багровых камней, собранных в подобие человеческой фигуры. Из узких щелей вместо глаз пробивался красный свет, а при каждом вдохе в воздухе распространялся запах серы.

— Я видел, что происходит у Чёрных Врат, — прогремел он. — Мои отряды теряют бойцов каждый час. Нежить выходит из разломов, а защитные руны гаснут одна за другой. Дай мне разрешение вывести легионы. Я уничтожу всё, что осмелится пересечь границу.

— Ты уничтожишь и то, что должно удерживать границу, — отозвался Скорн.

В отличие от Малгрота, он был высок и почти изящен. Его кожа отливала цветом воронёной стали, а из висков назад загибались тонкие рога. В длинных пальцах демон вращал три прозрачных клинка.

— Твоя привычка решать каждую проблему грубой силой однажды оставит нас без половины мира.

— А твоя привычка рассуждать оставит нас без второй половины! — рявкнул Малгрот.

Скорн улыбнулся.

— По крайней мере, у меня будет возможность насладиться этим зрелищем.

— Достаточно, — произнёс Алистер.

Его голос не был громким, но оба демона замолчали.

Рядом с ними находился Шепот.

Его истинную форму никто не мог описать одинаково. Иногда он принимал очертания высокого существа, закутанного в тёмную ткань, иногда становился бесформенной тенью, пол-

зущей по стенам. Лица у него не было. Лишь в глубине капюшона временами появлялись две бледные точки.

Шепот редко пользовался голосом. Большую часть мыслей он передавал непосредственно в сознание собеседников.

Сейчас его присутствие ощущалось особенно сильно.

«Малгрот не ошибается в одном. Промедление опасно. Но причина происходящего находится не там, где вы ищете».

— Объясни, — потребовал Алистер.

Шепот приблизился к кристаллу.

«Это не обычное разрушение. Барьер изменяет собственную структуру. Защитная магия становится враждебной по отношению к тем, кого должна оберегать. То, что прежде отражало угрозу, начинает её притягивать».

— Инверсия, — произнёс мастер Элиан.

«Да».

Кассиэль, стоявший неподалёку, поднял голову.

Он был ангелом, хотя от прежнего небесного величия в нём осталось немногое. Его сизые крылья были стянуты тонкими цепями. Не пленническими — добровольными. Он сам надел эти оковы после того, как покинул Небеса.

— В небесных анналах есть упоминание о подобном явлении, — сказал он. — Оно называлось Падением Отражения. Тогда целые города уничтожили себя, не осознавая, что сражаются с собственными защитниками.

— И как это остановили? — спросил Геральд.

Кассиэль посмотрел на него.

— Никак. Те земли исчезли.

На несколько секунд в зале воцарилась тишина.

Алистер подошёл к столу.

— Значит, старые методы не помогут.

— Не помогут, — подтвердил Элиан. — Любая попытка усилить барьер может ускорить его превращение.

— Тогда мы должны найти источник, — произнёс Ионафиль.

Ангел стоял неподвижно, сложив за спиной крылья, напоминавшие изломанные мечи. Его серебряные глаза были лишены зрачков. В отличие от Кассиэля, в нём не осталось почти ничего от прежней небесной мягкости.

— Если существует воля, направляющая инверсию, её необходимо уничтожить. Остальное не имеет значения.

— Ты говоришь так, будто уничтожить божество проще, чем закрыть дверь, — заметила Фэйра.

Она стояла рядом с Дагором. Её длинные волосы были переплетены живыми ветвями омелы, а зелёные глаза казались отражением древнего леса.

— Земля уже чувствует заражение. Корни чернеют, источники высыхают. Я слышу их боль даже здесь, под камнем.

— Земля всегда стонет, когда кто-то начинает войну, — буркнул Дагор.

Он опирался на посох из чёрного тиса. На его щеках темнели спиралевидные шрамы, уходившие под ворот одежды.

— Но в этот раз она не просто страдает, — продолжила Фэйра. — Она забывает, чем была.

Алистер посмотрел на неё.

— Что ты предлагаешь?

— Найти способ очистить заражённые линии силы. Не сжечь их, не разорвать, а вернуть им первоначальную природу.

Дагор ударил посохом о пол.

— Слишком мягко! Скверну нужно выжечь. Чистым огнём. Иначе она вернётся.

— Огонь не всегда очищает, — произнесла Арвен.

Её силуэт был почти неотличим от теней у стены. В волосах, напоминавших переплетение хвои, мерцали крошечные огоньки. Она редко говорила, но когда это происходило, даже самые воинственные существа предпочитали слушать.

— Иногда огонь лишь оставляет пепел.

Рядом с ней стоял Боргин — страж железного дерева. Его массивное тело было покрыто доспехами из каменной коры, а в глазницах горел зеленоватый свет.

— Тогда создадим оружие, которого не существует в их расчётах, — прогремел он. — Если враг отражает наши действия, нужно ударить тем, что невозможно отразить.

Скорн усмехнулся.

— И что же это будет? Твоя невероятная мудрость?

Боргин повернул к нему голову.

— Если понадобится, я использую даже её.

Несколько присутствующих тихо рассмеялись.

Даже Алистер позволил себе едва заметную улыбку.

Но она быстро исчезла.

— Мы спорим о способах борьбы, не понимая природы противника, — произнёс он. — Это ошибка. Пока мы будем пытаться уничтожить инверсию, она станет использовать наши действия против нас.

Он коснулся кристалла.

Багровые прожилки внутри него пришли в движение.

— Элиан, что произойдёт, если барьер завершит перестройку?

Архивариус опустил глаза.

— Граница между мирами перестанет существовать в прежнем виде. Существа, находящиеся за ней, смогут проникать внутрь. Но хуже другое: защитные печати начнут воспринимать живых существ как угрозу. Ни один обитатель Хэдэба не будет в безопасности.

— Даже те, кто не владеет магией? — спросил Геральд.

— Особенно они. Им будет нечем сопротивляться.

Алистер выпрямился.

— Сколько у нас времени?

— Десять дней, если расчёты верны. Возможно, меньше.

— Значит, у нас нет права на ошибку.

— Именно, — ответил Элиан.

Алистер обошёл стол и остановился у карты.

На ней были обозначены границы Хэдэба, Чёрные Врата, восточные гарнизоны и соседние территории.

За пределами королевства, в стороне от основных дорог, располагалась обширная область, обозначенная серым цветом.

Теньмир.

— Есть ещё одна проблема, — произнёс Алистер.

Геральд проследил за его взглядом.

— Теньмир?

— Инверсия распространяется по линиям силы. А Теньмир лежит на пересечении нескольких древних потоков. Если заражение достигнет его глубин, мы получим второй источник нестабильности.

— Тогда нужно предупредить их, — сказал Геральд.

Ионафиль повернул голову.

— Теньмир не входит в наш Договор. Мы не обязаны вмешиваться в его внутренние дела.

— Я не спрашивал, обязаны ли мы, — ответил Геральд.

— Их земли находятся вне нашей защиты. Это было решено задолго до основания Хэдэба.

— Решено кем? — спросил Геральд.

Ионафиль не ответил.

— Большинство тех, кто живёт там, не выбирали своей судьбы, — продолжил страж. — Они родились в тени. Никогда не видели солнца. Не знают, что такое безопасная дорога или чистая вода. И теперь мы собираемся оставить их умирать только потому, что однажды кто-то провёл линию на карте?

— Ты предлагаешь ослабить защиту Хэдэба ради существ, которые не принадлежат нашему королевству? — спросил Кассиэль.

— Я предлагаю не делать вид, будто их жизни ничего не значат.

— Мы не можем спасти всех, — холодно произнёс Ионафиль.

— Тогда хотя бы не называйте это справедливостью.

В голосе Геральда появилась такая сталь, что даже Малгрот перестал шевелиться.

Фэйра опустила ладонь на карту.

— Земля Теньмира больна давно. Но она ещё жива. В её глубинах сохранились древние корни, которые помнят времена до Великого Раскола. Если мы потеряем их, то лишимся знаний, которых больше нет ни в одном архиве.

— Знаний о чём? — спросил Алистер.

— О природе переходов между мирами. О том, как первые существа научились существовать между светом и тьмой, не уничтожая друг друга.

Шепот медленно повернулся к ней.

«Это может оказаться полезным».

— Тогда тем более нужно действовать, — сказал Геральд.

Алистер долго смотрел на карту.

Он знал Теньмир. Когда-то давно, ещё до основания Хэдэба, ему доводилось проходить через его пепельные долины. Тогда он видел лишь бесплодные земли, разрушенные поселения и существ, которым не нашлось места ни среди демонов, ни среди ангелов.

Он помнил старого демона, потерявшего крылья в первой Войне Падения.

Тот не просил золота, защиты или власти.

Он спросил только одно: есть ли на новой земле место, где можно жить в тишине?

Алистер тогда ответил, что строит крепость, а не убежище.

Теперь он снова смотрел на Теньмир — и впервые за долгое время видел не территорию, а собственную ошибку.

— Мы не можем отправить туда армию, — произнёс он. — Но можем открыть короткий проход.

Кассиэль насторожился.

— Портал?

— Нестабильный. Достаточно, чтобы небольшая группа пересекла границу.

— Это опасно, — заметил Элиан. — Любое вмешательство в линии силы может ускорить инверсию.

— Я знаю.

— И проход может привлечь внимание тех, кто находится по ту сторону.

— Я знаю и это.

Геральд шагнул вперёд.

— Я отправлюсь.

Алистер посмотрел на него.

— Ты ещё не знаешь, что именно придётся делать.

— Зато знаю, куда идти.

— Геральд…

— Там есть те, кто когда-то спас мне жизнь.

Его голос стал тише.

— После битвы у Разорванного Небосвода я остался один. Раненый, без сил, с кровью, которая медленно превращалась в пепел. Я мог умереть в тех долинах. Но жители Теньмира нашли меня. Они не знали, кто я. Не знали, что служу тебе. Не знали, что за мою голову когда-то обещали целое состояние.

Он сделал паузу.

— Они просто дали мне воду и место у очага.

Малгрот отвёл взгляд.

— Ты хочешь вернуться за ними?

— Я хочу, чтобы они получили шанс выжить.

— Даже если это будет стоить тебе жизни? — спросил Алистер.

Геральд посмотрел прямо ему в глаза.

— Особенно если это будет стоить мне жизни.

Совет завершился спустя час.

Большинство участников разошлись, унося с собой новые поручения. Малгрот отправился к восточным гарнизонам, Скорн — изучать древние записи о защитных печатях. Фэйра и Дагор должны были связаться с хранителями земли, а Кассиэль получил разрешение открыть закрытые небесные анналы.

Алистер остался в Зале Призыва.

Он стоял возле карты, когда дверь снова открылась.

Геральд вошёл без сопровождения.

— Ты забыл что-то? — спросил Алистер.

— Да.

Страж остановился напротив него.

— Я хочу, чтобы ты отправился со мной.

Алистер нахмурился.

— В Теньмир?

— Да.

— Сейчас?

— Сейчас.

— У меня нет времени на прогулки.

— Это не прогулка.

Геральд подошёл ближе.

— Ты слишком долго смотришь на Теньмир как на удобную буферную зону. Я хочу, чтобы ты увидел его таким, какой он есть.

— Я знаю, что там происходит.

— Нет. Ты знаешь цифры из докладов. Количество поселений, запасы продовольствия, численность населения. Но ты не знаешь, как пахнет их голод. Не видел детей, которые никогда не пробовали свежего хлеба. Не слышал, как старики рассказывают о солнце, которого сами не видели.

Алистер молчал.

— Там живут существа, — продолжил Геральд. — Демоны, которые больше не хотят воевать. Ангелы с обрубленными крыльями, которые лечат детей. Люди, рождённые в вечных

сумерках. Они ссорятся, влюбляются, растят детей, теряют близких. Они не думают о великих договорах. Они хотят дожить до следующего утра.

Он опустил глаза.

— И я не хочу снова оставить их.

Алистер отвернулся.

— Если я исчезну, Совет начнёт задавать вопросы.

— Скажешь, что проверяешь место открытия портала.

— Это будет правдой лишь отчасти.

— Иногда этого достаточно.

Алистер посмотрел на друга.

Геральд стоял спокойно, не пытаясь давить на него. Но в его взгляде было то, чего Алистер давно не видел: не военная решимость и не служебная преданность.

Совесть.

— Один час, — наконец сказал король.

Геральд кивнул.

— Один час.

— Без свиты. Без знаков отличия. И никому ни слова.

— Договорились.

Они покинули дворец через старый подземный тоннель.

Дорога была узкой и сырой. Каменные стены покрывала плесень, а в некоторых местах потолок осыпался, обнажая древние металлические балки. Тоннель использовали ещё до основания Хэдэба, когда между мирами существовали открытые переходы.

Алистер шёл следом за Геральдом.

С каждым шагом воздух становился холоднее.

Вскоре впереди показалось слабое серебристое свечение.

— Граница, — произнёс Геральд.

Он достал из-за пояса небольшой камень и положил его на ладонь.

Камень треснул.

Перед ними возникла тонкая вертикальная линия света. Сначала она была едва заметна, затем расширилась, открывая вид на другую сторону.

Теньмир.

Алистер переступил порог и остановился.

Воспоминания его обманывали.

Здесь не было привычной темноты. Было что-то хуже.

Небо висело низко, затянутое тяжёлыми серыми облаками. На горизонте не виднелось солнца, лишь бледный свет, происхождение которого невозможно было определить.

Земля была покрыта пеплом и тёмным мхом. Между камнями пробивались редкие растения, а вдали виднелись покосившиеся дома, сложенные из серого камня и древесных костей.

Над поселением поднимался тонкий дым.

Алистер остановился.

— Здесь живут люди?

— И не только люди, — ответил Геральд.

Они направились к ближайшим домам.

На узкой улице играли дети. Один мальчик был совсем маленьким, с короткими тёмными волосами и необычно светлыми глазами. На его спине виднелись два коротких крыла, одно из которых было повреждено.

Рядом с ним сидела девочка с маленькими рожками. Она пыталась починить деревянную игрушку.

Дети заметили незнакомцев и замолчали.

Мальчик поднялся.

— Вы из Хэдэба?

Геральд присел перед ним.

— А если да?

— Тогда вы принесли хлеб?

Вопрос прозвучал так просто, что Алистер не сразу нашёлся с ответом.

Геральд достал из сумки небольшой свёрток.

— Сегодня принесли.

Мальчик осторожно взял хлеб. Он не стал есть сразу. Вместо этого разломил его пополам и отдал девочке.

Та улыбнулась.

Алистер смотрел на них, не произнося ни слова.

— Они давно не видели свежего хлеба? — спросил он.

— Несколько недель.

— Почему?

Геральд посмотрел на него.

— Потому что торговые пути закрыты. Потому что у них нет ресурсов. Потому что Хэдэб защищает собственные границы и не считает нужным тратить силы на тех, кто находится за ними.

Алистер опустил взгляд.

В этот момент из одного дома вышла пожилая женщина. Её лицо было покрыто глубокими морщинами, а на шее висел небольшой амулет из корней и костей.

Она остановилась, увидев Геральда.

— Ты вернулся.

Страж улыбнулся.

— Я обещал.

Женщина подошла и коснулась его руки.

— Мы думали, ты забыл дорогу.

— Я помню её.

Она посмотрела на Алистера.

— А это кто?

Геральд помедлил.

— Старый друг.

Женщина кивнула, будто этого было достаточно.

— Тогда заходите. У нас есть горячая вода. Еды мало, но на двоих найдётся.

Алистер посмотрел на неё.

Он привык, что перед ним склоняются. Привык к страху, почтению, ненависти и лести.

Но эта женщина не знала его титула.

Она не пыталась угадать его желания.

Она просто предлагала незнакомцу войти в дом.

И почему-то именно это оказалось тяжелее любых обвинений.

— Благодарю, — ответил Алистер.

Женщина улыбнулась и направилась к двери.

Геральд задержался рядом.

— Теперь ты понимаешь?

Алистер не ответил сразу.

Он смотрел на детей, которые делили хлеб. На женщину, открывавшую дверь. На дым, поднимавшийся над бедными домами.

— Понимаю, — наконец сказал он.

Но в его голосе не было уверенности.

Он понимал, что Теньмир нуждается в помощи. Однако ещё не знал, какую цену придётся заплатить за попытку его спасти.

Когда они вернулись в Хэдэб, Алистер остановился перед входом в Зал Призыва.

— Геральд.

— Да?

— Мы не оставим их.

Страж посмотрел на него.

— Ты уверен?

— Нет. Но это больше не имеет значения.

Алистер вошёл в зал и направился к столу.

На его поверхности лежала небольшая пластина из чёрного металла. Она была покрыта символами, которые не использовали ни ангелы, ни демоны Хэдэба.

Это был единственный предмет, оставшийся от давнего договора с Вильгельмом.

Первым Падшим.

Королём-Скитальцем.

Существом, которое когда-то отвернулось от Тартара и создало собственное королевство за пределами привычного течения времени.

Алистер долго смотрел на пластину.

Он не любил обращаться к Вильгельму за помощью. Их отношения никогда не были простыми. Слишком многое связывало их в прошлом, и слишком многое осталось невысказанным.

Но сейчас выбора почти не было.

Он положил ладонь на металл.

Символы вспыхнули серебряным светом.

— Вильгельм, — произнёс Алистер. — Если ты меня слышишь, нам необходимо поговорить.

Пластина осталась неподвижной.

Алистер уже собирался убрать руку, когда по её поверхности пробежала тонкая трещина света.

Затем раздался голос — спокойный, низкий, с едва заметной усмешкой:

— Неужели ты наконец решил вспомнить, что у тебя есть старые друзья?

Алистер закрыл глаза.

— Мне нужна твоя помощь.

— Как неожиданно.

— Речь идёт о барьере между мирами.

На другом конце канала повисла пауза.

— Продолжай.

— Кто-то изменяет его структуру. Если процесс завершится, последствия затронут не только Хэдэб.

— Насколько серьёзно?

— Достаточно, чтобы я обратился к тебе.

Послышался тихий смешок.

— Значит, действительно серьёзно.

Алистер сжал пластину.

— Ты сможешь прибыть в Хэдэб?

— Возможно. Но прежде я хотел бы узнать, что именно ты скрываешь на этот раз.

— Ничего.

— Алистер, — голос Вильгельма стал чуть холоднее. — Мы знакомы слишком давно, чтобы ты мог рассчитывать на такую простую ложь.

Алистер посмотрел на кристалл, лежавший в центре стола.
— Я расскажу тебе всё при встрече.
— Тогда, полагаю, мне придётся приехать.
Свет на пластине погас.
Алистер медленно опустил руку.
Геральд, стоявший у двери, спросил:
— Он согласился?
— Он заинтересовался.
— Это одно и то же?
— С Вильгельмом — никогда.
Алистер отвернулся от стола.
Где-то далеко, за пределами Хэдэба, Первый Падший уже получил сообщение.
И хотя Алистер пока не знал, когда именно тот прибудет, одно было несомненно:
Старые времена возвращались.
И вместе с ними — долги, которые никто не сумел забыть.

ГЛАВА 4. ЦЕНА СТАРОГО ДОЛГА

Вильгельм прибыл в Хэдэб на следующий вечер.

Портал открылся посреди внутреннего двора. Из серебристого разлома вышел высокий мужчина в длинном чёрном плаще. Тёмные волосы свободно спадали на плечи, а разноцветные глаза — один фиолетовый, другой серебрянный — холодно осмотрели встречавших его стражников.

От него веяло силой, которой не требовалось подтверждение. Тени скользили у его ног, словно дворцовый свет был для них нежелательным гостем.

— Король Вильгельм, — поприветствовал его Геральд.

— Неужели меня здесь ещё помнят?

— Вас трудно забыть.

— Надеюсь, не только по хорошим причинам.

Геральд не ответил.

Вильгельм усмехнулся и направился к дворцу.

Алистер ждал его в закрытом зале. Когда двери распахнулись, он поднялся из кресла.

— Давно не виделись.

— Достаточно давно, чтобы я успел надеяться, что ты больше не станешь меня беспокоить.

— Рад, что ты всё ещё в хорошем настроении.

— А я рад, что у тебя всё ещё хватает наглости обращаться ко мне за помощью.

Вильгельм снял перчатки и бросил их на стол.

— Итак, что случилось?

Алистер рассказал о барьере, Чёрных Вратах и заражённых линиях силы. Вильгельм слушал, не перебивая. Иногда он задавал короткие вопросы, уточняя детали, но его лицо оставалось непроницаемым.

Когда Алистер закончил, демон медленно откинулся на спинку кресла.

— Неприятно.

— Это всё, что ты можешь сказать?

— А ты ожидал, что я начну оплакивать твои проблемы?

— Я ожидал, что ты поймёшь серьёзность происходящего.

— Я прекрасно её понимаю. Именно поэтому ещё не ушёл.

Алистер выдержал паузу.

— Мне нужна твоя помощь.

Вильгельм посмотрел на него поверх сцепленных пальцев.

— Разумеется. Ты ведь не стал бы приглашать меня на ужин.

— Я помню, что ты сделал для меня и Ламии.

Улыбка медленно исчезла с лица демона.

— Не произноси её имя так, словно мы с тобой старые приятели, которые вспоминают приятные времена.

— Я не забыл, как ты помог нам бежать.

— А я не забыл Эльдорад.

Вильгельм поднялся и подошёл к окну.

— Знаешь, что я помню лучше всего? Не крики, не огонь и даже не разрушенные башни. Я помню, как ждал твою армию.

Алистер молчал.

— Я знал, что ты придёшь. Ты обещал. Я держал город столько, сколько мог, потому что верил, что твои войска успеют. Но когда ты появился на горизонте, спасать было уже некого.

— Я не мог знать, что Эльбрийцы нападут так быстро.

— Конечно. Ты всегда находишь разумное объяснение.

Вильгельм повернулся.

— Моя невеста погибла. Моё королевство исчезло. А ты опоздал.

— Я не был виноват в её смерти.

— Я знаю.

Ответ прозвучал совершенно спокойно.

— И именно поэтому ты до сих пор живёшь с чистой совестью, не так ли?

— Не смей говорить, будто мне было всё равно.

— Мне плевать, что ты чувствовал. Твои чувства не вернули мне ничего.

Алистер сжал челюсть.

— И всё же спустя годы ты помог нам с Ламией.

— Не путай мои решения с милосердием. Тогда у меня были собственные причины.

— Ты рисковал всем.

— А теперь, похоже, пришло время напомнить тебе об этом.

Вильгельм вернулся к столу и остановился напротив Алистера.

— У тебя есть дочь.

— Есть.

— Селария.

Алистер насторожился.

— При чём здесь она?

— Я хочу, чтобы ты отдал мне её руку.

Несколько секунд Алистер смотрел на него, словно не был уверен, что правильно расслышал.

— Повтори.

— Не заставляй меня произносить одну и ту же фразу дважды.

— Ты хочешь жениться на Селарии?

Вильгельм усмехнулся.

— Мне не нужна твоя дочь из-за её красоты или характера. Не льсти себе, Алистер. Я не приехал сюда в поисках невесты.

— Ей шестнадцать, — произнёс Алистер. — Ты прекрасно знаешь, сколько ей лет.

— Знаю. И не собираюсь сейчас на ней жениться.

Вильгельм произнёс это так буднично, словно обсуждал дату очередного заседания Совета.

— Я не намерен связывать себя браком с ребёнком. Меня не интересуют девочки, Алистер. Если этот союз когда-нибудь состоится, то только тогда, когда Селария станет взрослой и сможет сама осознанно решить, готова ли принять подобное предложение.

— Ты говоришь о ней так, словно её согласие — всего лишь формальность.

— Не путай моё требование с обещанием принуждать её. Я хочу получить твоё согласие на будущий союз. А невесту, которая не способна самостоятельно сделать выбор, мне не нужно.

Алистер медленно выпрямился.

— Ты собираешься использовать её, чтобы отомстить мне?

— А ты быстро соображаешь, когда дело касается семьи.

— Селария не имеет отношения к Эльдораду.

— Как и ты, по твоим собственным словам, не имел отношения к гибели моей жены. И всё же мы почему-то снова обсуждаем последствия твоего опоздания.

— Я не позволю тебе распоряжаться её жизнью.

— А я пока ничего не сделал. Всего лишь предложил сделку.

— Это не предложение. Ты пытаешься купить человека.

Вильгельм чуть склонил голову.

— Любопытно слышать подобные слова от короля, который привык заключать договоры чужими жизнями.

— Селария — моя дочь.

— Тогда ты должен знать, что именно я сейчас у тебя прошу.

Алистер шагнул к нему.

— Я не стану принуждать её к браку. Ни ради Хэдэба, ни ради тебя, ни ради старых долгов.

На этот раз Вильгельм не усмехнулся.

— Посмотрим, насколько твои принципы окажутся крепкими, когда Чёрные Врата распахнутся.

— Ты угрожаешь мне?

— Я объясняю тебе положение вещей. Мне нужна помощь твоего королевства. Тебе нужна моя сила. А у меня есть условие.

— И если я откажусь?

Вильгельм надел перчатки.

— Тогда я отправлюсь домой. И, возможно, впервые за долгие годы ты узнаешь, каково это — ждать помощи, которая так и не придёт.

Он направился к выходу.

У самых дверей остановился.

— Передай Селарии мои поздравления. Ей выпала честь стать предметом переговоров двух королей.

— Она не предмет, Вильгельм.

Демон обернулся. В его разноцветных глазах мелькнуло холодное веселье.

— Тогда пусть сама придёт и скажет мне это.

Двери закрылись.

Алистер остался один.

Он знал, что Вильгельм не шутил. И знал ещё кое-что: демон прекрасно понимал, какую боль причиняет этим требованием.

На этот раз он не собирался просить прощения.

Он собирался получить то, чего хотел.

И Алистер впервые за долгое время почувствовал, что прошлое настигло его гораздо раньше, чем он был готов.

ГЛАВА 5. ПО ТУ СТОРОНУ ПОРТАЛА

Вильгельм не любил пользоваться чужими дорогами.

Особенно теми, происхождение которых было старше памяти большинства ныне живущих королей. Но на этот раз выбора почти не оставалось. После разговора с Алистером он хотел как можно скорее покинуть Хэдэб и вернуться в Элдорад. Ему не хотелось задерживаться в месте, где каждый второй считал своим долгом заглянуть ему в глаза и попытаться угадать, что скрывается за его молчанием.

Он остановился перед древним порталом, расположенным за пределами города.

Каменная арка была покрыта тонкими знаками, едва различимыми в сумерках. Когда-то подобные переходы соединяли королевства, позволяя пересекать огромные расстояния за несколько мгновений. Теперь многие из них давно бездействовали, а некоторые и вовсе исчезли.

Вильгельм положил ладонь на холодный камень.

Тьма отозвалась не сразу.

Обычно она подчинялась ему мгновенно, поднималась из-под ног, обвивала пальцы и заполняла пространство вокруг. Но теперь между его волей и магией словно возникла невидимая преграда.

Он нахмурился.

— Не заставляй меня повторять.

Тёмные нити наконец скользнули по его руке. Знаки на арке вспыхнули тусклым светом, и пространство внутри портала дрогнуло.

Вильгельм шагнул вперёд.

На мгновение мир исчез.

Он ожидал привычного ощущения перехода, короткого давления в груди, а затем — знакомого воздуха Элдорада. Вместо этого его окружила густая, вязкая тишина.

Что-то пошло не так.

Переход словно зацепился за него, не желая отпускать. Пространство сжалось, а магия, которую он направил в портал, внезапно потянула в обратную сторону.

Вильгельм резко попытался разорвать связь.

Поздно.

Его выбросило из перехода с такой силой, что он пролетел несколько шагов и ударился о землю. Влажная почва смягчила падение лишь отчасти. Боль отозвалась в плече и боку, заставив его на несколько мгновений замереть.

Он медленно поднял голову.

Над ним шумели высокие деревья.

Лес.

Незнакомый.

Вильгельм приподнялся на локте и огляделся. Между стволами лежал густой туман. В воздухе чувствовался запах сырой земли, мха и чего-то ещё — едва уловимого, неприятного.

Магия.

Но не его.

Он попытался подняться.

Тело подчинилось с опозданием. Сначала напряглись пальцы, затем рука, и лишь спустя несколько мучительно долгих мгновений он смог приподняться на колено. Казалось, каждое движение проходило сквозь невидимую толщу воды.

Вильгельм стиснул зубы.

— Прекрасно.

Он провёл ладонью по земле, призывая тени. Они появились, но неохотно: тонкие, неровные полосы, которые тут же рассыпались, словно их удерживала чужая сила.

Его взгляд стал холоднее.

Это не было обычным повреждением портала. Кто-то изменил саму структуру перехода — или магия, нарушившая границы между мирами, добралась и до древних дорог.

Вильгельм поднялся на ноги.

Медленно. С заметным усилием.

Он терпеть не мог слабость. Особенно собственную.

Сделав несколько шагов, он остановился возле дерева и прислонился к стволу. Рана на боку давала о себе знать, а плечо почти не слушалось. Но сильнее физической боли его раздражало другое: магия продолжала ускользать.

Он поднял руку, пытаясь создать небольшой теневой знак.

На ладони вспыхнула тёмная искра.

И погасла.

— Кто бы ты ни был, — тихо произнёс он, обращаясь к пустому лесу, — надеюсь, у тебя хватит ума не показываться мне на глаза.

Ответом стал треск ветки.

Вильгельм повернул голову.

Между деревьями кто-то двигался.

Сначала он заметил силуэты. Три фигуры медленно выходили из тумана, не пытаясь скрыть своего присутствия. Их движения были осторожными, но уверенными. На одежде виднелись знаки Эльбрии.

Эльбрийцы.

Вильгельм выпрямился, насколько позволяла рана.

— Вот теперь день действительно испорчен.

Один из незнакомцев сделал шаг вперёд.

— Король Элдорада.

Вильгельм чуть склонил голову.

— Как приятно. Меня ещё узнают.

— Ты далеко от своих владений.

— А ты слишком близко ко мне подошёл.

Эльбриец не отреагировал на предупреждение.

— Нам приказано доставить тебя. И то, что ты забрал из архивов, тоже.

Вильгельм медленно повернул голову. На его губах появилась едва заметная усмешка.

— Как трогательно. Неужели граф наконец вспомнил о своей пропаже?

— Ты знаешь, о чём я говорю.

— Разумеется. Просто хотел убедиться, что у вашего господина не начались провалы в памяти.

— Отдай то, что принадлежит ему, и, возможно, останешься жив.

Вильгельм тихо рассмеялся.

— Передай своему господину: если он так дорожит этой вещью, ему следовало лучше выбирать тех, кому поручает свои дела.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться.

— А ты не в том положении, чтобы диктовать мне условия.

Его взгляд стал холоднее.

— Но если вы так настойчиво желаете получить своё, попробуйте забрать это сами.

Он попытался призвать тени. На этот раз магия отозвалась, но с опозданием. Тёмная полоса скользнула по земле, едва задев ноги ближайшего противника.

Эльбриец заметил это.

Его взгляд изменился.

— Портал лишил тебя силы.

— Не льсти себе. Ты пока даже не заслужил права узнать, сколько у меня осталось.

Второй эльбриец двинулся сбоку.

Вильгельм успел заметить движение, но тело снова подвело его. Он уклонился не так быстро, как хотел, и удар пришёлся по раненому плечу. Боль вспыхнула настолько резко, что на мгновение потемнело в глазах.

Он отступил на шаг.

— Осторожнее, — произнёс он сквозь зубы. — Ещё немного, и я начну думать, что вы действительно опасны.

Первый противник бросился вперёд.

Вильгельм резко выбросил руку. Тень поднялась из-под ног эльбрийца и на мгновение сковала его движение. Этого хватило, чтобы столкнуть нападавшего с траектории удара.

Но удержать заклинание он не смог.

Тьма рассыпалась.

Трое против одного.

И магия, которая едва слушалась его.

Вильгельм прекрасно понимал своё положение. Отступать было необходимо, но показывать это противникам он не собирался.

Он направился глубже в лес, стараясь держать между собой и преследователями деревья. Каждый шаг давался всё тяжелее. Ноги словно наливались свинцом, а собственная тень двигалась с небольшим запозданием.

Он чувствовал, как чужая магия продолжает воздействовать на него.

Это было хуже ранения.

Гораздо хуже.

— Неужели великий Владыка теней решил прогуляться? — донёсся голос одного из эльбрийцев.

Вильгельм не обернулся.

— Продолжай говорить. Возможно, это последние слова, которые тебе позволят произнести.

Он свернул между двумя старыми деревьями и попытался создать заслон. Заклинание получилось слабым, но всё же подняло перед преследователями завесу из густого мрака.

Несколько секунд тишины.

Затем послышались голоса.

Они не собирались отступать.

Вильгельм остановился, тяжело выдохнул и прижал ладонь к боку. На пальцах осталась кровь.

— Настойчивые идиоты.

Он двинулся дальше.

Лес постепенно становился гуще. Ветки цеплялись за одежду, корни выступали из земли, а туман скрывал дорогу. Вильгельм уже не мог определить, насколько далеко ушёл от места перехода.

Но эльбрийцы не отставали.

Иногда он слышал их шаги за спиной. Иногда — голоса, которые внезапно раздавались совсем рядом. Они словно знали, куда направляться, и это беспокоило его сильнее, чем их численное преимущество.

Значит, они не случайно оказались здесь.

Значит, ждали.

Вильгельм остановился возле поваленного дерева и прикрыл глаза на мгновение. Ему требовалось время, чтобы восстановить хотя бы часть магии. Совсем немного — и он сумеет развернуть тени так, как привык.

Но лес не собирался давать ему эту возможность.

Из тумана донёсся шорох.

Он открыл глаза.

Один из эльбрийцев уже обходил его справа.

Вильгельм резко выпрямился, хотя тело отозвалось болью.

— Что ж, — произнёс он, глядя на приближающуюся фигуру. — Похоже, разговор затянется.

Тень под его ногами дрогнула.

На этот раз она не поднялась.

Вильгельм медленно опустил руку.

Он впервые за долгое время оказался в месте, где не мог рассчитывать на привычную силу. И это обстоятельство приводило его в ярость.

Но сдаваться он не собирался.

Даже если придётся пройти через весь этот проклятый лес.

Даже если каждый шаг будет даваться с трудом.

Он ещё не закончил.

И уж точно не собирался становиться чьим-то пленником.

ГЛАВА 6. ПЛЕННИК МИЛОСЕРДИЯ

— Торин, я иду в Хэдэб.

Джулия произнесла это спокойно, словно собиралась ненадолго прогуляться, а не отправиться туда, где в последние недели бесследно исчезали жители Теньмира.

Торин не сразу поднял голову. Он сидел за столом и точил старый охотничий топор. Камень мерно скользил по металлу.

— Нет.

— Ты даже не спросил зачем.

— Потому что знаю. И ответ всё равно будет тем же.

Джулия скрестила руки на груди.

— Эльбрийцы похитили ещё троих.

Торин остановился.

— Кого?

— Шептунов теней и болотных духов. Двое пропали возле нижних кварталов, третьего видели у старого тракта. Следы ведут в сторону Хэдэба.

— И ты решила отправиться туда одна?

— Я решила, что не стану сидеть сложа руки, пока они забирают наших.

В дверях появилась Лира. В руках она держала ступку, от которой пахло горькими травами.

— Джулия…

— Только не начинай. Я знаю, что ты скажешь.

— Тогда мне не придётся тратить слова, — спокойно ответила Лира.

Она поставила ступку на стол и посмотрела на девушку. Джулия знала этот взгляд с детства: так тётя смотрела всякий раз, когда та собиралась сделать что-нибудь опасное и уже успела всё для себя решить.

За шестнадцать лет Джулия многому научилась. Торин обучил её владеть оружием, читать следы и сохранять хладнокровие. Лира — разбираться в травах, распознавать яды и помнить, что не каждую опасность можно победить силой.

Они дали ей дом. И теперь Джулия считала, что должна защищать его.

— Я не прошу разрешения, — сказала она уже спокойнее. — Я прошу вас мне доверять.

Торин отложил точильный камень.

— Доверие не означает, что я должен спокойно смотреть, как ты лезешь в пасть зверю.

— А если зверь уже стоит у нашего порога?

Торин тяжело выдохнул.

— Не вступай в бой, если можешь обойтись без него. Не преследуй тех, кого не видишь. И не геройствуй.

— Я никогда не геройствую.

— Именно это меня и беспокоит.

Лира протянула ей небольшой мешочек.

— Противоядие. И запомни: не всякая рана оставляет след на коже. Некоторые яды действуют глубже, чем ты можешь заметить.

Джулия взяла мешочек и коротко обняла тётю.

— Я вернусь до темноты.

— Не обещай того, чего не можешь знать. Просто будь осторожна.

Девушка накинула плащ и поправила ремень походного мешка. На поясе висел нож с изумрудной рукоятью. Торин передал его ей ещё в детстве, сказав, что эта вещь принадлежала человеку, которому он был обязан жизнью.

Джулия коснулась гравировки у основания клинка.

Древние буквы складывались в короткую надпись:

«Моему сыну».

Когда-то она спросила Торина, почему на ноже написаны такие слова. Он лишь ответил, что старые вещи порой хранят чужие истории.

Больше он ничего не объяснил.

Джулия не стала настаивать.

— До вечера, — бросила она и вышла.

Лес встретил её влажным холодом и привычной тишиной.

Теньмир никогда не был по-настоящему тёмным. Даже после захода солнца между деревьями сохранялось серебристое сияние. Оно скользило по корням, цеплялось за листья и отражалось в неподвижной воде ручьёв.

Здесь тени не скрывали мир — они были его частью.

Джулия двигалась быстро и бесшумно. Она знала каждую тропу в этой части леса и умела различать следы там, где обычный путник заметил бы лишь примятую траву.

Следы обнаружились возле старого каменного моста.

Пятеро наёмников сопровождали пленника — болотного духа, заключённого в зачарованные оковы. Его полупрозрачная фигура то расплывалась, то вновь собиралась в подобие человеческого тела. Из-под капюшона пробивалось слабое зеленоватое свечение.

Джулия присела за поваленным стволом.

Эльбрийцы.

Она уже сталкивалась с ними. Они приходили в Теньмир с картами, договорами и красивыми словами о порядке. Сначала предлагали торговлю, потом требовали подчинения. А тех, кто отказывался, объявляли угрозой.

Для них не существовало разницы между свободным духом и существом, которое можно было использовать в своих целях.

Один из наёмников дёрнул пленника за цепь. Болотный дух болезненно вздрогнул.

Джулия больше не стала ждать.

Нападение оказалось стремительным. Прежде чем охранники успели скоординировать действия, один из них уже потерял сознание, другой лишился оружия. Остальные подняли тревогу.

Раздался арбалетный выстрел. Джулия укрылась за камнем, а затем бросила на землю небольшую склянку. Воздух заволокло едким дымом.

Через несколько минут всё было кончено.

Девушка подошла к пленнику и освободила его от зачарованных пут. Магические нити вспыхнули и рассыпались бледными искрами.

Дух медленно выпрямился.

— Ты свободен, — сказала Джулия.

Он посмотрел на неё пустыми светящимися глазами, словно не сразу понял смысл её слов. Затем склонил голову и растворился в тумане.

Джулия убрала нож. Следовало проверить окрестности и возвращаться домой. Торин наверняка уже начал сердиться.

Но лес позади неё ответил сухим треском.

Кто-то бежал.

Не крался и не пытался скрыть следы — именно бежал, отчаянно, словно за ним двигалась сама смерть.

Джулия резко обернулась и выхватила нож.

Из зарослей вырвался высокий силуэт. Незнакомец сделал ещё несколько шагов, споткнулся и рухнул на колени.

Джулия не приблизилась сразу.

Она почувствовала его присутствие раньше, чем успела рассмотреть лицо. Аура незнакомца была тяжёлой и странной. В ней переплетались холод и жар, словно внутри одного существа столкнулись силы, которым не следовало сосуществовать.

Демон.

Но его магия ощущалась необычно. Будто что-то мешало ей проявиться полностью, скрывая истинную силу за плотной завесой.

Незнакомец поднял голову.

Он оказался очень высоким и неестественно бледным. Чёрные волосы, спутанные и испачканные грязью, падали на лицо. Дорогая одежда была разорвана, серебряная вышивка местами почернела от крови.

Но прежде всего Джулия заметила его глаза. Правый был прозрачным, холодным, гиацинтово-синим; левый отливал золотистым янтарём, словно в глубине радужки тлел крошечный огонь.

Через лицо проходил длинный шрам — от виска, через переносицу и скулу до самого уголка губ. Края раны слабо мерцали, меняя оттенок от ледяной синевы до тусклого золота.

Незнакомец попытался что-то сказать, но изо рта выступила чёрная кровь.

— Не двигайся, — приказала Джулия.

Он хотел возразить, однако вместо этого завалился набок.

Девушка присела рядом и проверила его дыхание.

Жив. Пока.

Из глубины леса донёсся глухой гул, затем голоса.

Погоня.

Джулия выругалась себе под нос. Она могла оставить незнакомца здесь. Могла даже решить, что он представляет угрозу. Но перед ней лежал тяжело раненный демон, которого, судя по всему, пытались убить не первый час.

— Ну и зачем ты мне понадобился? — пробормотала она.

Ответа не последовало.

Она подхватила его под мышки. Незнакомец оказался тяжелее, чем выглядел. Джулия стиснула зубы и потащила его к узкой тропе, ведущей к скрытой пещере. Этим убежищем она и Торин пользовались ещё до того, как она научилась самостоятельно ходить. О нём знали немногие.

Крики за спиной становились громче.

Джулия ускорила шаг.

В пещере было сухо и почти не чувствовался ветер. Она уложила незнакомца на плащ, развела костёр и зажгла две масляные лампы.

При свете стало ясно, насколько тяжело он ранен.

На боку темнела глубокая рана. Кожа вокруг неё приобрела синеватый оттенок, а под поверхностью проступили тонкие тёмные прожилки.

Джулия наклонилась ближе.

— Серебро…

На лезвии ножа остался чёрный след.

Отравленное эльбрийское серебро.

Проклятье.

Такое оружие предназначалось не для обычной охоты. Оно подавляло магическую природу существа и постепенно разрушало то, что поддерживало его жизнь. Даже сильный демон мог не пережить подобного ранения.

Джулия достала из мешка маленький роговой сосуд с мазью Лиры. Сначала требовалось остановить распространение отравы.

Она помнила наставления тёти: действовать быстро, но не подвергать себя опасности без необходимости. С эльбрийским серебром всё было сложнее, чем с обычными ядами.

Джулия осторожно обработала рану приготовленным Лирой составом, стараясь не допустить соприкосновения отравы с собственной кожей.

Незнакомец застонал.

Его веки дрогнули.

Когда он наконец открыл глаза, первым, что увидел, была рыжеволосая девушка, склонившаяся над ним.

Он попытался приподняться.

— Лежи, — резко сказала Джулия.

— Где…

— В пещере. Вдали от тех, кто пытался тебя убить.

Он перевёл взгляд на собственный бок и поморщился.

— Что ты делаешь?

— Спасаю тебе жизнь. Хотя начинаю сомневаться, стоило ли.

Джулия достала противоядие. Паста была густой, почти чёрной, с резким запахом полыни и горького корня.

Она набрала немного на палец и наклонилась к его лицу.

Незнакомец мгновенно отпрянул.

— Что это?

— Противоядие.

— Откуда мне знать, что ты не пытаешься меня отравить?

Джулия посмотрела на него с недоумением.

— Если бы я хотела тебя убить, мне не пришлось бы два часа вытаскивать тебя из леса.

— Возможно, ты предпочитаешь, чтобы жертва сначала пришла в себя. Так гораздо интереснее.

— У тебя удивительный талант раздражать тех, кто пытается тебе помочь.

Он попробовал отодвинуться, но тут же застонал от боли.

— Не двигайся. Средство нужно принять сейчас. Если не сделаешь этого, яд продолжит разрушать твою магию.

— Ты уверена, что оно подействует?

— Нет. Но другого у меня нет.

Он несколько секунд смотрел на неё. В его взгляде не было ни благодарности, ни доверия. Только настороженность и раздражение от того, что собственное тело больше не подчинялось ему.

— Прекрасно. Значит, мне предлагают выбор между смертью и неизвестной смесью трав.

— Можешь отказаться.

— Как великодушно.

Он всё-таки подчинился.

Джулия дала ему противоядие и помогла устроиться удобнее. Через некоторое время дыхание незнакомца стало ровнее. Тёмные прожилки вокруг раны перестали распространяться, а синеватое свечение ослабло.

Девушка откинулась на пятки.

— Вот. Теперь постарайся не мешать мне тебя лечить.

— Ты всегда разговариваешь с ранеными в таком тоне?

— Только с теми, кто спорит, когда едва может дышать.

— Тогда мне, пожалуй, повезло, что я ещё способен спорить.

Она принялась собирать использованные ткани. Незнакомец наблюдал за ней, уже не пытаясь подняться.

— Как тебя зовут? — спросила Джулия.

Он помедлил.

— Вильгельм.

Только имя. Ни титула, ни рода, ни объяснений.

— Джулия.

— Ты живёшь здесь?

— Неподалёку.

— И часто подбираешь раненых демонов в лесу?

— Только по особым случаям.

— Надеюсь, я не нарушил твою привычную скучную жизнь.

— Пока ты её только усложнил.

Вильгельм чуть приподнял уголок губ.

— Рад, что смог внести разнообразие.

Джулия посмотрела на него с нескрываемым раздражением.

— За тобой охотились эльбрийцы. Почему?

— Долг.

— Невыплаченный?

— Неприятная вещь. Особенно если кредитор располагает собственной армией.

— И ты решил, что лучший способ расплатиться — позволить себя пронзить серебряным клинком?

— Я не планировал именно такой исход.

— А какой планировал?

Вильгельм вздохнул, стараясь устроиться удобнее.

— Я коллекционер. Собираю редкие книги, артефакты и сведения, которые не найти в обычных архивах. Иногда работаю с эльбрийской знатью. Один граф попросил меня достать кое-что из старых архивов Хэдэба. Я выполнил заказ. Когда пришло время платить, граф решил, что ему выгоднее избавиться от посредника.

— И забрать то, что ты нашёл?

— Именно.

— Значит, ты работал на богатых, а потом тебя ограбили ещё более богатые.

— Если выразить это так, моя история звучит несколько менее благородно.

— А она должна звучать благородно?

Он тихо усмехнулся.

— Пожалуй, нет.

Джулия подбросила в костёр несколько сухих веток.

— И что же ты украл?

— Это уже другой разговор.

— Разумеется.

Она не стала настаивать. Пока он оставался слишком слабым, чтобы представлять серьёзную угрозу, но доверять ему Джулия не собиралась.

Вильгельм внимательно изучал её лицо.

— Ты сразу поняла, что я демон.

— Да.

— И всё равно вытащила меня из леса.

— Ты был ранен.

— Это не ответ.

Джулия пожала плечами.

— А что я должна была сделать? Оставить тебя умирать?

— Большинство предпочло бы именно это.

— Значит, тебе встречались не самые хорошие люди.

Вильгельм задержал на ней взгляд.

Он привык к страху, поклонению и ненависти, тщательно скрытой за учтивыми улыбками. Знал, как смотрят на власть, как оценивают силу и как даже союзники ищут выгоду в чужой слабости.

Но эта девушка не пыталась ни угодить ему, ни унизить. Она просто считала его раненым существом, которому требовалась помощь.

Это не вызывало доверия. Скорее — подозрение.

Милосердие редко оказывалось бескорыстным. А если всё-таки было таким, то зачастую становилось ещё опаснее.

— Эльбрийцы считают, что имеют право решать, кому позволено жить на этой земле, — сказала Джулия, глядя на огонь. — Они приходят в Теньмир, хватают духов, ломают старые договоры и называют это наведением порядка. Если ты им помешал, значит, у нас с тобой есть кое-что общее.

— Ты защищаешь Теньмир?

— Я защищаю свой дом.

— Откуда такая привязанность?

— Потому что здесь моя семья.

Вильгельм чуть повернул голову.

— Они знают, что ты так рискуешь?

— Знают. И именно поэтому я стараюсь не заставлять их волноваться без необходимости.

— Судя по тому, что ты рассказала, получается не всегда.

— Не всегда, — признала Джулия.

Он некоторое время молчал.

— Ты говоришь о свободе так, будто она стоит любой цены.

— А разве нет?

— Иногда цена оказывается слишком высокой.

— Это решать не тебе.

В её ответе не было детской бравады. Только убеждённость, которую не хотелось проверять на прочность.

— Скажи, Джулия, ты всегда была такой упрямой?

— Нет. Иногда я бываю невыносимой.

— Это заметно.

Она бросила в него сухую веточку. Вильгельм поймал её одной рукой.

— Осторожнее. Я всё ещё ранен.

— А я всё ещё могу сделать хуже.

— Угрожаешь демону, который едва не умер у тебя на руках? Какое гостеприимство.

— Ты ещё не видел, как я встречаю тех, кто приходит без приглашения.

Вильгельм усмехнулся.

— Начинаю понимать, почему твои близкие так беспокоятся о тебе.

— Ты их даже не знаешь.

— Но уже могу им посочувствовать.

Джулия покачала головой и вернулась к ножу.

Вильгельм отвернулся. Её поведение по-прежнему казалось ему странным. Она не пыталась произвести впечатление, не искала одобрения и не задавала вопросов о его силе. Более того, временами разговаривала с ним так, будто перед ней был обычный путник, а не демон, чья природа могла оказаться куда опаснее, чем она предполагала.

Это раздражало.

И всё же он продолжал наблюдать.

Позже разговор вернулся к эльбрийцам.

— Они не просто охотятся на духов, — сказал Вильгельм. — Их интересует нечто большее. Я слышал разговоры о старых разломах. О местах, где границы миров истончаются.

Джулия перестала точить нож.

— Что им нужно?

— Доступ. Возможность проникать туда, куда прежде они не могли попасть. Возможно, они хотят закрепиться в Теньмире так же, как закрепились в Хэдэбе.

— Для чего?

— Власть редко довольствуется тем, что уже имеет.

Она медленно убрала нож в ножны.

— Значит, они собираются построить здесь свои стены.

— Похоже на то.

— Тогда им придётся сначала пройти через нас.

Вильгельм посмотрел на неё внимательнее.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Прекрасно.

— Ты даже не знаешь, с кем связалась.

— А ты не знаешь, в чей дом пытаешься войти.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Вильгельм тихо рассмеялся.

— Самоуверенная девчонка.

— А ты слишком много о себе думаешь.

— Обычно мне хватает оснований.

— Тогда тебе будет полезно иногда сомневаться.

— Я предпочитаю оставлять сомнения тем, кто не способен принимать решения.

— И как, помогает?

— Пока я жив.

— Судя по твоему состоянию, не всегда.

Его взгляд стал холоднее.

На мгновение в пещере словно изменился сам воздух. Огонь в костре пригнулся, а тени на стенах вытянулись и замерли.

Джулия подняла голову.

Вильгельм тоже заметил перемену. Его пальцы медленно сжались. Магия откликнулась на раздражение, но тут же оборвалась, словно наткнулась на невидимую преграду. Отравленное серебро ещё не отпустило его полностью.

Он поморщился.

— Похоже, твоё лекарство не так хорошо справляется со своей работой.

— Оно делает всё, что может. А вот ты, кажется, не умеешь спокойно сидеть на месте.

— Не люблю, когда мне указывают, что делать.

— Придётся привыкнуть. Пока ты здесь, я буду решать, когда тебе можно вставать.

— Какая честь.

Он посмотрел на неё с явным раздражением, но спорить не стал.

Джулия же невольно задумалась о том, что только что произошло. Она почувствовала всплеск силы, однако он оказался необычным — слишком тяжёлым, чтобы принадлежать обычному демону, и слишком странным, чтобы уверенно определить его природу.

Впрочем, сейчас важнее было другое: Вильгельм всё ещё не восстановился.

На следующее утро он поднялся на ноги.

Движение далось ему непросто, но он сумел удержаться. Высокая фигура почти заслонила вход в пещеру.

Джулия, раскладывавшая у стены собранные вещи, бросила на него короткий взгляд.

— Сядь.

— Доброе утро и тебе.

— Я серьёзно.

— Как предусмотрительно. А я уже решил, что ты просто соскучилась по моему обществу.

— Не льсти себе. Ты едва стоишь.

— Стоять я умею.

Он сделал шаг и едва заметно качнулся.

Джулия молча посмотрела на него.

Вильгельм выпрямился.

— Ни слова.

— Я ещё ничего не сказала.

— Но уже собиралась.

Она усмехнулась.

— У тебя, оказывается, есть способность читать мысли.

— Нет. Просто ты слишком предсказуема.

Он опёрся рукой о стену и некоторое время молчал. Затем произнёс:

— Я могу помочь тебе, Джулия.

— Чем?

— Знаниями. Я знаю, как устроены эльбрийские дворы, как мыслят их лорды, кому они платят и кого боятся. Знаю, какие сведения они ищут и почему разломы стали для них так важны.

— А взамен?

— Временное убежище. Возможность остаться здесь, пока я не разберусь с последствиями своей… неудачной сделки.

— И всё?

Вильгельм помолчал.

— И возможность узнать Теньмир не по чужим рассказам. Я хочу понять, чем живёт этот мир.

— Зачем?

— Любопытство. Неужели это такая редкость?

— У тебя странные увлечения.

— А у тебя странное представление о гостеприимстве.

Джулия внимательно изучала его лицо. В его словах было что-то необычное. Он говорил о мирах так, словно видел их рождение и гибель. И всё же в голосе не слышалось ни хвастовства, ни желания произвести впечатление.

Она протянула руку.

— Хорошо. Союзники.

Вильгельм посмотрел на её ладонь.

— На каких условиях?

— Один промах — и ты уходишь. Одна ложь — и я перестаю считать тебя союзником. Если приведёшь сюда погоню, Торин сам решит, что с тобой делать.

— Суровые правила.

— Зато понятные.

Он пожал её руку. Его пальцы были холодными, а хватка — неожиданно крепкой.

— Договорились.

— Тогда первое испытание: дойдёшь до моего дома.

— Я уже вполне способен ходить.

— Ты едва не упал, пока произносил эту фразу.

— Это было стратегическое колебание.

— Конечно.

Джулия собрала вещи и закинула мешок на плечо.

— Пойдём. Мне нужно предупредить домашних, что я привела гостя.

— Надеюсь, они гостеприимнее тебя.

— Не рассчитывай.

Она вышла из пещеры первой.

К вечеру лес окрасился в серебристо-фиолетовые тона.

Джулия шла впереди, уверенно выбирая дорогу между корнями и камнями. Вильгельм держался рядом, иногда опираясь на неё, когда рана напоминала о себе. Он был слишком горд, чтобы попросить о помощи, но девушка не собиралась делать вид, что не замечает его состояния.

— Расскажи мне о Теньмире, — попросил он.

— Что именно?

— Всё, что считаешь важным.

Джулия на мгновение задумалась.

— Здесь есть серебристые папоротники. Ночью они светятся, если рядом проходит призрачный олень. Есть подземные ключи, вода в которых заживляет раны, но может забрать воспоминание. На севере живут существа, которые умеют разговаривать с ветром. А в старых лесах иногда слышны голоса тех, кто давно ушёл.

— Звучит как сказка.

— Только потому, что ты привык к историям, в которых всё заканчивается победой короля.

— Не все мои истории заканчиваются победой.

— Тогда, может, тебе стоит чаще слушать тех, кто в них живёт.

Вильгельм посмотрел на неё. В её словах не было желания поучать. Она просто говорила то, что считала очевидным.

Они вышли на поляну, когда последние лучи света растворялись между деревьями.

Впереди стояла небольшая хижина. Из трубы поднимался тонкий дым, а в окне мерцал тёплый оранжевый свет.

Джулия остановилась.

— Вот мы и дома.

Вильгельм посмотрел на хижину. Ничего величественного, ничего роскошного: камень, дерево, старая крыша, узкие окна.

Он видел дворцы, перед которыми меркли королевские резиденции, залы, где решения о судьбах целых народов принимались за одним столом, и крепости, построенные на костях проигравших. Но эта хижина не походила ни на одно из тех мест.

Здесь не было показной роскоши. Не было стражи, готовой исполнить приказ. Не было людей, которые заранее угадывали желания хозяина.

И всё же в окне горел свет.

Вильгельм задержал на нём взгляд. Не потому, что почувствовал внезапную привязанность к чужому дому. Просто подобная картина была ему непривычна. Он слишком давно оценивал жилища по их защите, расположению и возможностям обороны, чтобы сразу понять, что именно привлекло его внимание.

Он перевёл взгляд на Джулию.

Её смелость вызывала уважение, а поступок в лесу — признательность. Но он не путал эти чувства с чем-то иным. Перед ним была незнакомка, которая по необъяснимой причине решила вмешаться в чужую судьбу.

И он пока не знал, была ли это доброта или очередная загадка.

Джулия поправила ремень на плече и откинула тяжёлую кожаную занавесь.

Внутри пахло хлебом, дымом и сушёными травами.

Лира сидела у стола, перебирая коренья. Услышав шаги, она подняла голову.

— Вернулась.

Её взгляд скользнул по Джулии, задержался на незнакомце и остановился на повязке, скрывавшей его рану.

— Кто это?

— Его зовут Вильгельм. Я нашла его в лесу. Эльбрийцы пытались убить его отравленным серебром.

— И ты привела его сюда?

— Ему нужна помощь. А он может знать кое-что о том, что происходит на границе.

Лира посмотрела на девушку. В её глазах мелькнуло беспокойство.

— Джулия, ты ведь понимаешь, что приводишь в дом совершенно незнакомого нам демона?

— Понимаю.

— И всё же решила, что это необходимо?

— Да.

Лира перевела взгляд на гостя.

Вильгельм стоял спокойно, хотя было заметно, что каждый шаг давался ему с трудом. Женщина почувствовала его силу. Она была древней и сложной, не похожей на ту, с которой ей приходилось сталкиваться прежде. Однако Лира не позволила удивлению отразиться на лице.

— Покажите рану, — сказала она.

— Джулия уже обработала её.

— Я вижу. Но мне нужно убедиться, что яд не распространился дальше.

Вильгельм посмотрел на Джулию, затем снова на Лиру.

— Полагаю, спорить бесполезно?

— В этом доме — да, — ответила Лира.

Вильгельм чуть приподнял бровь.

— Начинаю замечать сходство.

— Между кем?

— Между вами и вашей дочерью.

Лира на мгновение замерла, но тут же продолжила готовить чистые ткани.

— Тогда вам придётся привыкнуть к нашему характеру.

Из соседней комнаты послышался скрип металла. Торин, занимавшийся старой ловушкой, поднял голову.

Он увидел незнакомца и медленно выпрямился. Его зелёные глаза внимательно изучили высокую фигуру, дорогую одежду, бледное лицо и шрам, пересекавший черты.

— Кто это?

Джулия подошла к нему.

— Отец, это Вильгельм. Я нашла его в лесу. Он был ранен.

Торин не ответил сразу. Он продолжал смотреть на незнакомца.

— Эльбрийцы?

— Да, — ответила Джулия. — Отравленное серебро.

— Ты уверена, что он не привёл их за собой?

— Когда я его нашла, он едва держался на ногах. Я не заметила никого поблизости.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Торин медленно перевёл взгляд на дочь.

— И ты решила привести его в наш дом.

— Да.

В комнате повисла тишина.

Лира поднялась из-за стола, но вмешиваться не стала. Она знала этот взгляд Торина. Сейчас он не сердился — оценивал опасность. И чем спокойнее выглядел, тем серьёзнее было его решение.

Вильгельм выдержал его взгляд.

— Меня зовут Вильгельм. Я благодарен вашей дочери за спасение. Не стану просить вас доверять мне без причины.

— Разумно, — хмыкнул Торин. — Потому что я и не собирался.

Джулия закатила глаза.

— Отец…

— Молчи. Я разговариваю с гостем.

Торин сделал шаг вперёд.

— Правила простые. Не приноси беду к нашему порогу. Не лги под этой крышей. И когда оклемаешься, будешь помогать по хозяйству. У нас не гостиница.

Вильгельм слегка склонил голову.

— Согласен.

— И ещё. Если узнаю, что ты использовал Джулию или подверг её опасности, никакие твои объяснения тебе не помогут.

— Я понял.

Торин несколько секунд смотрел на него, затем коротко кивнул.

— Место найдётся.

Джулия выдохнула.

— Спасибо.

— Благодари, когда он не устроит нам неприятностей.

— Я всё слышу, — заметил Вильгельм.

— На это и расчёт, — ответил Торин и вернулся к своей ловушке.

Лира указала гостю на свободное место возле очага.

— Садитесь. Мне нужно осмотреть рану.

Вильгельм опустился на скамью. Лира осторожно сняла повязку. Увидев тёмные прожилки вокруг раны, она нахмурилась.

— Чем вы её обрабатывали? — спросила она Джулию.

— Твоей мазью и противоядием из рогового сосуда.

— Сколько раз?

— Один раз в пещере. Потом больше не пришлось.

Лира внимательно осмотрела повреждённую кожу.

— Хорошо, что ты не стала использовать обычные травы. Эльбрийское серебро реагирует не со всякой магией. Некоторые составы могут только ускорить распространение яда.

Она взяла со стола чистую ткань и приготовленную мазь.

— Сейчас я обработаю края раны. Вам придётся немного потерпеть.

— Мне доводилось терпеть и худшее.

— Возможно. Но это не повод отказываться от помощи.

Вильгельм ничего не ответил.

Лира работала молча. Её движения были точными и уверенными. Она не задавала лишних вопросов и не пыталась выведать, кем был её пациент. Пока ей было достаточно знать, что яд остановлен, но не выведен полностью.

Закончив перевязку, она отступила.

— Сегодня вам нужен покой. Завтра посмотрим, как подействует лекарство.

— Благодарю.

— Поблагодарите, когда сможете самостоятельно подняться.

Вильгельм едва заметно усмехнулся.

— В этом доме, кажется, никто не верит в мои способности.

— В этом доме верят тому, что видят, — ответила Лира.

Она вернулась к столу.

Джулия тем временем достала из шкафа чистое одеяло.

— Вильгельм, пойдём. Я покажу тебе комнату.

Торин поднял голову.

— Какую комнату?

— Мою.

— А ты где будешь спать?

— Здесь. У камина.

— Джулия…

— Отец, ему нужно отдохнуть. А у меня есть тёплые шкуры.

Торин хотел возразить, но посмотрел на дочь и понял, что решение уже принято.

— Делай как знаешь. Только не жалуйся завтра, что у тебя затекла спина.

— Не буду.

Она повернулась к Вильгельму.

— Идём. Пока отец не передумал.

Он поднялся, осторожно опираясь на стену.

— Я не могу занять твою комнату.

— Можешь. Я уже сказала.

— Ты не обязана…

— Знаю. Но я так решила.

Вильгельм помедлил.

Он не привык принимать подобные предложения. Не потому, что считал себя недостойным чужой доброты, — скорее, потому, что давно усвоил: за любую уступку рано или поздно приходится платить. Особенно если её предлагают без объяснений.

Он не доверял бескорыстным поступкам. Не верил в милосердие, которое ничего не требует взамен. И уж точно не собирался менять свои убеждения из-за одной девушки, вытащившей его из леса.

— Не думай, что я теперь обязан тебе жизнью, — произнёс он.

Джулия удивлённо посмотрела на него.

— Я и не просила.

— Хорошо.

— Но если испачкаешь всё кровью, будешь сам отстирывать. Я недавно меняла покрывало.

Вильгельм медленно перевёл на неё взгляд.

— Ты только что предложила мне свою комнату и беспокоишься о покрывале?

— Именно.

— Поразительная расстановка приоритетов.

— Привыкай.

Он едва заметно усмехнулся.

— Постараюсь.

Джулия повела его к небольшой комнате в конце коридора. Там стояла узкая кровать, деревянный сундук и столик у окна. На подоконнике лежали несколько камней необычной формы, а на стене висела старая карта Теньмира.

— Здесь не роскошно, — сказала она. — Но тепло. Если понадобится вода, кувшин у двери. Если что-то будет нужно, позови Лиру.

— А ты?

— Я буду у очага.

— Джулия…

Она обернулась.

— Что?

Вильгельм задержал на ней взгляд.

— Ты доверяешь слишком легко.

— Я тебе не доверяю. Я дала тебе шанс. Не путай.

— Удобное различие.

— Для меня — вполне.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой.

Вильгельм остался один.

Он медленно опустился на кровать и посмотрел в окно. За стеклом темнел лес, а вдалеке мерцали огни, которые прежде он счёл бы незначительными точками на карте.

Из соседней комнаты доносился негромкий разговор. Торин что-то ворчливо говорил Джулии, та отвечала ему, а Лира время от времени вставляла спокойные замечания.

Обычный семейный вечер.

Ничего особенного.

Но для Вильгельма этот звук оказался странно непривычным. Он не испытывал умиления и не собирался искать в чужом доме то, чего, по его мнению, не существовало. Он просто давно не слышал, чтобы кто-то разговаривал так свободно, не опасаясь чужого присутствия.

Он прикрыл глаза.

Перед внутренним взором снова возникла сцена в лесу: девушка с рыжими волосами, ножом в руке и совершенно неуместным спокойствием. Она почувствовала его природу, поняла, что перед ней демон, и всё равно приблизилась.

Почему?

Он мог бы поверить в случайность, если бы не ощущение, которое возникло при первой встрече. Её присутствие оставило в его восприятии странный след. Не похожий ни на одну известную ему силу.

Вильгельм нахмурился.

Он ещё выяснит, что именно почувствовал.

Но не сейчас.

Сейчас ему требовалось восстановить силы, понять, насколько далеко от погони он успел уйти, и решить, что делать дальше. Временное убежище оказалось полезным. Семья Джулии, несмотря на настороженность, позволила ему остаться. Девушка же, сама того не понимая, дала ему возможность выиграть время.

Он не собирался принимать это за дружбу.

И уж тем более — за доверие.

Вильгельм повернулся на бок и наконец позволил себе закрыть глаза.

В доме, где его не спрашивали о титулах и не требовали клятв, ему пока не нужно было ни от кого бежать.

Пока что.

ГЛАВА 7. ТО, ЧЕМУ НЕЛЬЗЯ НАУЧИТЬСЯ

Вильгельм проснулся от тишины.

Не той, что царила в Эльдораде, — холодной, безупречной, подчинённой воле хозяина. Здесь тишина была живой. За окном шелестели ветви, в очаге потрескивали угли, а где-то под половицами возилась мышь.

Он некоторое время лежал неподвижно, прислушиваясь к непривычным звукам.

В этом доме от него ничего не требовали. Никто не ждал доклада, не приносил донесений и не пытался воспользоваться его слабостью. По крайней мере, пока.

Вильгельм осторожно поднялся. Рана на боку отозвалась тупой болью. Он поморщился, поправил повязку и оглядел комнату.

Скромная обстановка почти не изменилась с вечера: деревянная кровать, сундук у стены, потемневшие половицы. Под потолком висели пучки сушёных трав, на полке стояли склянки и лежали несколько ножей. Рядом с ними покоилась странная птичья кость.

На стене висел детский рисунок, сделанный углём. Небольшой дом, дерево и три фигуры: две большие и одна маленькая между ними.

Вильгельм задержал на нём взгляд.

— Трогательно, — пробормотал он.

Он не знал, кто нарисовал картинку, но предполагал, что маленькая фигура изображала Джулию.

Девочка выросла здесь. И, судя по тому, как уверенно она держалась в этом доме, он был для неё не просто местом, где можно переночевать. Здесь находилось всё, что она считала своим.

Странная привычка — так привязываться к одному месту.

Вильгельм оделся и вышел в общую комнату.

В доме уже пахло хлебом и дымом. Лира стояла у стола, перебирая небольшие склянки. Рядом остывал чайник, а на деревянной доске лежала свежая буханка.

— Проснулся? — спросила она. — Садись. Отвар на столе.

Вильгельм опустился на лавку и посмотрел на глиняную кружку. От тёмной жидкости исходил резкий травяной запах.

— Что это?

— То, что поможет тебе восстановиться.

— Звучит угрожающе.

— На вкус ещё хуже.

Он приподнял бровь, но всё-таки отпил. Горечь мгновенно разлилась по языку.

— Вы пытаетесь меня отравить?

— Если бы пыталась, ты бы уже не задавал вопросов.

Вильгельм усмехнулся.

— Убедительно.

— Допивай. Яд эльбрийского серебра ещё не полностью вышел из твоего организма.

— Я заметил.

— Тогда не стоит делать вид, будто ты совершенно здоров.

Он поставил кружку на стол.

— Вы всегда так заботитесь о незнакомцах?

— Только о тех, кого Джулия притащила в дом.

— Значит, мне повезло.

— Не обольщайся. Больной гость создаёт больше хлопот, чем пользы.

Вильгельм с лёгкой усмешкой посмотрел на неё.

— Вы совсем меня не боитесь?

Лира наконец повернулась. В её взгляде не было ни страха, ни подобострастия — только спокойная внимательность.

— Страх редко помогает разобраться в человеке.

— И вы уже разобрались во мне?

— Нет. Но я знаю Джулию. Она не станет приводить в дом того, кто намеренно причинит нам вред.

Лира помолчала, затем добавила:

— Хотя это не значит, что я доверяю тебе безоговорочно.

— А я и не просил доверия.

— Вот и прекрасно. Значит, мы друг друга поняли.

Вильгельм усмехнулся и допил отвар.

В этот момент в комнату вошла Джулия. Рыжие волосы были заплетены в длинную косу, на плечах лежала тёплая накидка.

— Доброе утро.

— Смотря для кого, — отозвался Вильгельм.

Джулия посмотрела на пустую кружку перед ним.

— Уже успел испортить Лире настроение?

— Напротив. Мы прекрасно поладили. Она даже угостила меня своим фирменным зельем.

— Это отвар, — поправила Лира.

— Разумеется. Не хотел обидеть твоё искусство.

Джулия села за стол.

— Не обращай на него внимания, тётушка. Он просто не привык, что с ним разговаривают без страха.

Вильгельм медленно повернул к ней голову.

— Осторожнее, малявка. Тебе ещё может понадобиться моя помощь.

— Не сомневаюсь. Особенно если ты продолжишь пить всё, что тебе предлагают.

— Я задал вопрос.

— И всё равно выпил.

— Любопытство иногда полезно.

— В твоём случае оно явно уступает самоуверенности.

Лира поставила перед Джулией тарелку с сыром и покачала головой.

— Вы оба слишком разговорчивы для такого раннего утра.

Девушка потянулась за хлебом.

— Джулия, ты сегодня собиралась к старому пограничному створу? — спросила Лира.

— Да. Хочу проверить, не появились ли новые следы эльбрийцев.

— Тогда возьми мазь. И не задерживайся до темноты.

— Хорошо.

— После недавних нападений лес стал беспокойнее. Не забывай об осторожности.

— Помню, тётушка.

Вильгельм перевёл взгляд с одной на другую.

— Полагаю, мне стоит уточнить, куда именно вы собираетесь?

— К границе, — ответила Джулия. — Мы говорили об этом вчера. Ты обещал помочь разобраться, что эльбрийцы ищут возле разлома.

— Я обещал помочь с поисками. Но не помню, чтобы соглашался на прогулку по лесу.

— Это не прогулка.

— Тем хуже.

Джулия посмотрела на него поверх кружки.

— Ты идёшь?

Вильгельм откинулся на спинку лавки.

— Раз уж ты так настойчиво напоминаешь о моём обещании…

— Я просто не хочу, чтобы ты потом говорил, будто тебя заставили.

— Какая предусмотрительность.

— Учусь у лучших.

На губах Вильгельма появилась усмешка.

— Сомневаюсь, что у тебя получится.

— Не переживай. Я не собираюсь становиться такой же невыносимой.

Лира скрыла улыбку и занялась посудой.

Когда завтрак закончился, Джулия поднялась.

— Я соберу вещи. Встретимся у двери.

— Не торопись, — бросил Вильгельм. — Я не собираюсь убегать.

— От тебя можно ожидать чего угодно.

Она скрылась в коридоре.

Вильгельм поднялся следом, но Лира остановила его взглядом.

— Тебе не стоит перенапрягаться.

— Я вполне способен пройтись по лесу.

— Я говорю не о прогулке. Яд ещё не полностью вышел из твоего организма. И если ты снова воспользуешься магией так, как вчера, последствия могут оказаться неприятными.

— Поверьте, я переживал вещи куда хуже.

— Не сомневаюсь. Но мне не хотелось бы объяснять Джулии, почему её новый знакомый снова оказался на пороге смерти.

Вильгельм ничего не ответил.

Через несколько минут Джулия вернулась с походным мешком, флягой и ножом с изумрудной рукоятью на поясе.

Нара поднялась с места, словно только этого и ждала.

— Она тоже пойдёт? — спросил Вильгельм.

— Конечно.

Он посмотрел на огромную чёрную собаку.

— Надеюсь, она не считает меня завтраком.

— Если бы считала, ты бы уже это заметил.

— Обнадёживает.

Джулия поправила ремень мешка.

— Готов?

— Я был готов ещё до того, как ты научилась завязывать собственные ботинки.

— Тогда постарайся не отставать.

Она направилась к двери. Вильгельм покачал головой и последовал за ней.

Дорога к старому пограничному створу проходила через густую часть леса.

Сначала тропинка была широкой и хорошо заметной, но вскоре деревья сомкнулись над головами путников. Стволы покрывал серебристый мох, а между корнями мерцали крошечные голубые огоньки.

Нара бежала впереди, время от времени останавливаясь, чтобы принюхаться.

Вильгельм шёл рядом с Джулией. Он старался не показывать, что рана мешает ему двигаться, но девушка замечала, как иногда он переносит вес на здоровую сторону.

— Если больно, можем остановиться, — сказала она.

— Как великодушно.

— Я серьёзно.

— А я серьёзно говорю, что могу идти.

Джулия некоторое время молчала, затем перевела взгляд на его повязку.

— Лира сказала, что яд ещё действует.

— Лира слишком много говорит.

— Она просто беспокоится.

— Тогда ей стоит найти себе другое занятие.

— Ты всегда так отвечаешь тем, кто пытается тебе помочь?

Вильгельм посмотрел на неё.

— А ты всегда задаёшь столько вопросов?

— Только когда рядом кто-то упорно делает вид, что с ним всё в порядке.

Он усмехнулся, но спорить не стал.

Вскоре Нара остановилась возле поваленного дерева. Собака принюхалась к коре, затем обошла ствол и вернулась к хозяйке.

Джулия присела рядом.

— Посмотри.

На коре виднелась тонкая серебристая полоса. Она почти сливалась с мхом, но под определённым углом отражала свет.

Вильгельм подошёл ближе.

— Не трогай.

— Я и не собиралась.

Он провёл рукой над отметиной. Воздух едва заметно дрогнул.

— Магическая метка.

— Эльбрийская?

— Похоже на их работу. Но сделана недавно.

Джулия внимательно осмотрела ствол.

— Здесь ещё одна.

Она указала на почти незаметный знак у корня дерева. Вильгельм присел и сравнил обе отметины.

— Они не просто обозначают дорогу. Эти метки искажают направление.

— Поэтому мы можем ходить кругами?

— Именно.

Джулия посмотрела на лесную тропу.

— Значит, эльбрийцы не хотели, чтобы кто-то добрался до створа.

— Или хотели выиграть время, пока их работа остаётся незамеченной.

— Можно обойти метки?

Вильгельм поднялся.

— Можно. Но лучше не касаться их. Пойдём по старому руслу ручья. Оно должно вывести нас к каменной арке.

Джулия кивнула и сверилась с направлением. На этот раз она не стала спорить и первой свернула с тропы.

Через некоторое время деревья расступились.

Перед ними открылся старый пограничный створ — каменная арка, почти полностью оплетённая корнями. Когда-то здесь проходила граница между Теньмиром и соседними землями. Теперь часть кладки обрушилась, а над аркой мерцала тонкая трещина в воздухе.

Разлом.

Он выглядел как узкая вертикальная полоса света, окружённая тёмными завихрениями. Внутри иногда мелькали обрывки чужого пространства, словно кто-то пытался заглянуть из другого мира.

Джулия остановилась.

— Вот он.

Вильгельм подошёл ближе, но не стал пересекать линию старых камней.

— Давно он открыт?

— Несколько лет. Сначала был почти незаметен. Потом начал расширяться.

— И никто не пытался его закрыть?

— Хранители пробовали. Но заклинания со временем разрушались.

Вильгельм внимательно осмотрел арку.

— Это не обычный разлом. Его удерживает старая магия. Если просто закрыть проход, можно повредить саму границу.

— Поэтому эльбрийцы и ищут слабое место?

— Возможно. Если они научатся управлять этой трещиной, то смогут открывать проходы там, где им понадобится.

— Значит, они хотят попасть в Теньмир?

— Или получить возможность перемещаться через границу без разрешения её хранителей. Пока мы не знаем, что именно им нужно.

Джулия нахмурилась.

— Ты всегда так разговариваешь? Сначала говоришь загадками, потом запрещаешь делать выводы.

— А ты всегда торопишься с выводами, не имея достаточных сведений?

— Когда рядом кто-то, кто знает больше, но объясняет через слово, — да.

Вильгельм посмотрел на неё с лёгким раздражением.

— Я не обязан рассказывать тебе всё, что знаю.

— А я не обязана молча соглашаться со всем, что ты говоришь.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Затем Нара тихо зарычала.

Собака стояла возле обломка стены и смотрела в сторону зарослей. Её уши были настороженно подняты.

Джулия сразу повернулась.

— Что там?

Вильгельм проследил за её взглядом.

— Не знаю. Но, похоже, мы нашли то, ради чего сюда пришли.

Он сделал знак Джулии оставаться позади и осторожно двинулся к обломку. Девушка не стала спорить, но пошла следом на расстоянии, внимательно наблюдая за собакой.

За стеной обнаружилась небольшая площадка. На земле лежали обрывки серебристой ткани, а между двумя камнями был установлен металлический предмет, похожий на узкий трёхгранный штырь. От него к земле расходились тонкие светящиеся линии.

Вокруг устройства дрожало голубое свечение.

Джулия присела, рассматривая следы.

— Здесь кто-то был совсем недавно.

— Да.

— И не один. Смотри, следы уходят к деревьям.

Вильгельм взглянул на отпечатки.

— Эльбрийцы. Судя по глубине, двое или трое.

— Значит, они могут вернуться.

— Именно поэтому нам не стоит задерживаться.

Он подошёл к устройству, не касаясь его.

— Передатчик. Похоже, он отслеживает изменения в разломе.

— Он отправляет сведения в Эльбрию?

— Скорее всего. Каждый раз, когда граница меняется, устройство передаёт сигнал.

Джулия указала на тонкие линии, уходящие под камни.

— А это?

Вильгельм присел и внимательно осмотрел соединения.

— Сеть магических проводников. Они собирают энергию вокруг разлома и направляют её к передатчику.

— Значит, если уничтожить его, эльбрийцы перестанут наблюдать за границей?

— Если это единственное устройство — да.

— Тогда нужно его отключить.

— Не так быстро.

Джулия посмотрела на него, но на этот раз промолчала.

Вильгельм проследил взглядом за серебряными линиями. Одна из них уходила к корням старого дерева, где голубое свечение становилось заметно ярче.

Оттуда донёсся едва слышный писк.

Джулия повернулась.

— Ты слышал?

Вильгельм кивнул.

Они осторожно обошли дерево. За переплетением корней находилось небольшое существо, похожее на клубок тумана с двумя светящимися глазами. Тонкие серебряные нити оплетали его тело, удерживая в центре магического круга.

Существо попыталось вырваться, но нити вспыхнули и снова притянули его к земле.

— Лесной шептун, — тихо сказала Джулия.

Вильгельм внимательно осмотрел ловушку.

— Его используют как источник энергии. Передатчик питается не только от разлома.

Джулия нахмурилась.

— Они заставили живое существо поддерживать свою магию?

— Судя по всему.

Она посмотрела на шептуна. Тот слабо шевельнулся, словно почувствовал их присутствие.

— Мы должны его освободить.

— Знаю. Но эти нити связаны с передатчиком. Если оборвать их наугад, устройство может сработать.

— Значит, сначала отключим его.

Вильгельм бросил на неё взгляд.

— На этот раз ты хотя бы дослушала меня до конца.

— Не привыкай.

Он вернулся к устройству и опустился рядом с ним. Через несколько секунд на его ладони появилась тонкая полоса тени.

Она скользнула по земле, повторяя направление серебряных линий, и остановилась возле одного из узлов.

Голубое свечение дрогнуло.

Вильгельм нахмурился.

— Здесь три соединения. Два удерживают связь с разломом, третье питает ловушку.

— Какое нужно отключить первым?

— Третье. Но не руками.

Он указал на серебряную нить возле корня.

— Когда я ослаблю защиту, перережь только её. Остальные не трогай.

Джулия достала нож с изумрудной рукоятью.

— Поняла.

Вильгельм сосредоточился. Тень вокруг устройства стала гуще, но почти сразу дрогнула и рассыпалась несколькими чёрными искрами.

Демон резко втянул воздух.

— Проклятье.

Джулия посмотрела на него.

— Что случилось?

— Яд всё ещё мешает управлять силой. Придётся действовать осторожнее.

— Сможешь?

Вильгельм поднял на неё глаза.

— Не сомневайся в том, чего не понимаешь.

— Я не сомневаюсь. Я спрашиваю.

Он на мгновение задержал на ней взгляд, затем снова повернулся к устройству.

— Когда скажу — режь нить. И только её.

Джулия кивнула.

Вильгельм протянул руку. На этот раз тень легла на металлический предмет ровным плотным слоем. Голубые линии на земле замерцали, а серебряные нити натянулись.

— Сейчас!

Джулия одним движением перерезала нужную нить.

Раздался короткий звон, словно ударили по тонкому стеклу.

Свет погас.

Лесной шептун вырвался из круга и метнулся к Джулии. На мгновение он завис возле её плеча, затем коснулся лбом её ладони.

— Всё хорошо, — прошептала девушка. — Ты свободен.

Существо издало тихий звук и исчезло между корнями.

Джулия улыбнулась, но Вильгельм не разделил её облегчения.

Он всё ещё удерживал тень возле устройства.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь нужно убедиться, что передатчик действительно отключён.

Он попытался ослабить магическую защиту, но рана на боку отозвалась резкой болью. Тень на мгновение рассеялась.

Джулия заметила, как он напрягся.

— Вильгельм…

— Не сейчас.

Он снова сосредоточился на устройстве.

Металлический штырь внезапно задрожал.

На его поверхности вспыхнули тонкие знаки. Голубое свечение сменилось тёмно-красным.

— Джулия, отойди! — резко бросил Вильгельм.

Она уже открыла рот, чтобы возразить, но не успела произнести ни слова.

Вильгельм стремительно оказался рядом и заслонил её собой. В тот же миг металлический предмет вспыхнул ослепительным светом.

— Держись! — процедил он.

Воздух содрогнулся. По поляне прокатилась мощная волна энергии, подняв с земли камни и сухие ветви. Тени вокруг Вильгельма взметнулись, словно живые, обвивая его плечи и руки.

Ударная волна настигла их прежде, чем он успел полностью защитить себя. Вильгельм крепче прижал Джулию к себе, заслоняя её от вспышки, и вместе с ней рухнул на землю.

Разлом за устройством вспыхнул ослепительной синевой. Его края задрожали и начали стремительно сходиться, будто невидимая сила стягивала разорванную ткань мира.

Вильгельм, не поднимаясь, вытянул руку в сторону устройства. Тьма вокруг его пальцев сгустилась, накрывая металлический предмет.

Его лицо исказилось от напряжения. Рана снова дала о себе знать, а магия отзывалась болезненным сопротивлением. Но он не отпускал силу.

Раздался оглушительный грохот.

На мгновение всё вокруг исчезло в белой вспышке.

А затем наступила тишина.

Разлом закрылся. На месте устройства остались лишь почерневшие обломки металла.

Вильгельм ещё несколько секунд оставался неподвижен, прикрывая Джулию собой. Только убедившись, что опасность миновала, он медленно поднялся и помог ей встать.

Джулия посмотрела на обломки, затем на закрывшийся разлом.

— Что это было?

Вильгельм выпрямился и медленно выдохнул.

— Последняя попытка устройства передать сигнал. Или защитный механизм. Пока не могу сказать точно.

— Значит, эльбрийцы могли получить сообщение?

Он посмотрел на почерневший металл.

— Возможно. Если сигнал успел уйти до того, как передатчик разрушился.

Джулия нахмурилась.

— Значит, они могут узнать, что мы здесь были.

— Не исключено.

— И что теперь?

— Теперь будем считать, что они знают.

Вильгельм говорил спокойно, но Джулия заметила, как он осторожно придерживает бок. Его пальцы на мгновение сжались, а затем опустились.

— Ты снова ранил себя, — сказала она.

— Ничего нового.

— Лира будет недовольна.

— Это уже начинает звучать как угроза.

Джулия огляделась. Нара стояла неподалёку, настороженно наблюдая за лесом. Лесной шептун исчез, устройство было уничтожено, а разлом закрылся.

— Что ж, ловушку мы нашли, шептуна освободили, передатчик уничтожили. Не самый плохой результат, — произнесла она, отряхивая одежду.

Вильгельм бросил на неё взгляд.

— Особенно учитывая, что мне пришлось закрывать тебя собой.

Джулия нахмурилась.

— Я бы и сама справилась.

— Разумеется. Именно поэтому ты даже не успела понять, что произошло.

Она недовольно поджала губы, но спорить не стала. На этот раз возразить было нечего.

Вильгельм усмехнулся и отвернулся к обломкам устройства.

— Пойдём, малявка. На сегодня приключений достаточно.

ГЛАВА 8. ТО, ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ДВЕРЬЮ.

Алистер вернулся в Хэдэб за час до рассвета.

С того момента, как стало известно о надвигающейся угрозе, прошло три дня. Десять дней, отведённых на подготовку, стремительно сокращались: теперь до завершения инверсии оставалось не больше семи.

Старый тоннель вывел Алистера и Геральда к сторожевой башне на западной стене. Внутри пахло сыростью, камнем и остывшим пеплом. За узким окном медленно светлело небо, но город ещё спал.

У входа их ждал Кай.

— Совет собран в малом зале, — доложил он. — Мастер Элиан обнаружил новые изменения в барьере. Он настаивает, чтобы вы выслушали его немедленно.

— Насколько всё серьёзно?

— Достаточно, чтобы он не стал ждать утра.

Алистер снял дорожный плащ. На руках ещё оставались следы пыли Теньмира и чужой крови. Перед глазами вновь возникло увиденное в поселении: дети, делившие один кусок хлеба, старики, привыкшие обходиться без помощи, и люди, давно переставшие ждать, что кто-нибудь вспомнит об их существовании.

Он слишком долго считал Теньмир далёкой территорией, не заслуживающей особого внимания. Теперь эта уверенность казалась ему постыдной.

— Есть ещё кое-что, милорд, — произнёс Кай.

Алистер повернулся к нему.

— Говори.

— Прошлой ночью в покоях леди Селарии произошло колебание защитных чар. Печати на двери потемнели. Когда я вошёл, в комнате было холоднее, чем в остальном крыле. Одна из свечей погасла, хотя окна были закрыты.

— Ты кого-нибудь видел?

— Нет. Но кресло возле окна оказалось сдвинуто. Леди Селария сказала, что не трогала его.

Геральд нахмурился.

— А ты уверен, что это не обычный сбой чар?

— Нет, лорд Геральд. Но прежде подобного не случалось. И ещё… — Кай замялся. — Мне показалось, будто за моей спиной кто-то стоял. Я обернулся, но никого не было.

Алистер на мгновение задержал на нём взгляд.

— Усиль наблюдение возле её покоев. Незаметно. И никого не впускай без разрешения Селарии. О случившемся пока не рассказывай.

— Как прикажете.

— Передай ей, что после совета я хочу с ней поговорить.

Кай склонил голову и отошёл.

Геральд дождался, пока страж скроется за поворотом.

— Собираешься поговорить с ней?

— Да.

— Как правитель или как отец?

Алистер посмотрел на друга.

— Как отец. По крайней мере, попытаюсь.

Малый зал совета встретил их приглушённым светом. Над длинным столом висела карта Хэдэба и прилегающих земель. Красными линиями были отмечены участки, где барьер уже начал терять устойчивость.

У дальней стены стоял Элиан. Перед ним лежали раскрытые свитки, исписанные древними символами. Остальные члены совета уже собрались.

— Вы вернулись, — произнёс архивариус.

— Докладывай.

Элиан коснулся кристалла наблюдения. Над столом возникло изображение барьера. Его поверхность подрагивала, а в нескольких местах проступали тёмные разрывы, похожие на трещины в стекле.

— Наши расчёты изменились, — начал он. — До завершения инверсии осталось семь дней. Возможно, меньше.

Алистер внимательно всмотрелся в изображение.

— Что именно происходит?

— Барьер не просто истончается. Его структура перестраивается. Защитные потоки меняют направление и начинают обращаться против самих себя. Каждый новый всплеск ускоряет разрушение.

— Кто-то воздействует на него извне? — спросил Ионафиль.

— Вероятнее всего. Источник может находиться за пределами барьера либо быть связан с ним напрямую.

— Тартар? — предположил Малгрот.

— Это одна из возможностей, — ответил Элиан. — Но у меня нет доказательств.

Шепот тихо усмехнулся.

— Удобно. Семь дней до катастрофы, а мы всё ещё гадаем, откуда она придёт.

— Если у тебя есть более точные сведения, я с удовольствием их выслушаю, — сухо ответил Элиан.

— Довольно, — вмешался Алистер. — Продолжай.

Архивариус увеличил изображение. Один из участков барьера засветился багровым цветом.

— Три часа назад здесь произошёл сильный выброс. Защитный узел на западной границе на несколько мгновений перестал отвечать. Когда связь восстановилась, его энергия оказалась направлена не наружу, как должна, а внутрь.

Скорн склонился над картой.

— Значит, кто-то сумел обратить нашу защиту против нас самих?

— Или заставил её принять чужую энергию за собственную, — уточнил Элиан. — Пока мы не знаем, каким способом это сделано.

— И что ты предлагаешь? — спросил Малгрот.

— Изолировать повреждённые узлы. Если мы отключим их до следующего всплеска, возможно, удастся замедлить инверсию.

— А если отключение ускорит разрушение? — возразил Ионафиль. — Мы лишимся части защиты, даже не зная, что произойдёт дальше.

— Если ничего не предпринять, через семь дней мы можем лишиться всего барьера, — резко ответил Элиан.

В зале повисла тишина.

Фэйра первой нарушила её:

— Нам нужно не только удерживать защиту. Следует выяснить, что произойдёт с землями по другую сторону, если барьер падёт.

Скорн провёл пальцем по карте.

— Первым удар примет Теньмир. Его земли не выдержат подобного воздействия. Защитные источники там ослаблены, а многие поселения едва справляются с повседневными нуждами.

— Тогда мы должны отправить туда помощь, — сказал Геральд.

Малгрот резко повернулся к нему.

— Сейчас? Когда сам Хэдэб может оказаться под угрозой? Мы не можем распылять силы.

— Речь не о том, чтобы отправить туда всю армию, — возразил Геральд. — Но хотя бы предупредить жителей и передать им средства защиты.

— А если это ловушка? — спросил Ионафиль. — Мы отправим людей за барьер, а затем потеряем с ними связь.

— И что ты предлагаешь? Оставить их без предупреждения?

— Я предлагаю сначала подумать о безопасности королевства.

Алистер поднял руку, прекращая спор.

— Если барьер падёт, Теньмир примет первый удар. Его ослабленные защитные источники не выдержат, а последствия затронут и наши земли. Отказ от помощи не спасёт Хэдэб. Он лишь оставит нас без союзников, когда они понадобятся больше всего.

Малгрот нахмурился, но возражать не стал.

— Мы отправим небольшие группы с защитными амулетами и предупреждением, — продолжил Алистер. — Без лишнего шума и без попыток самостоятельно вмешиваться в работу барьера.

Фэйра кивнула.

— Я займусь подготовкой обоза и посланников.

— Малгрот подготовит резервные силы. Элиан определит, какие узлы можно изолировать без риска для остальных. Ионафиль займётся проверкой защитных печатей во дворце.

— А если источник находится внутри Хэдэба? — спросил Шепот.

Алистер перевёл на него взгляд.

— Тогда мы должны найти его прежде, чем он нанесёт новый удар.

Элиан перелистнул несколько записей.

— Есть ещё одна проблема. За последние сутки я обнаружил несколько всплесков неизвестной энергии внутри дворца. Они возникали в разных местах, но дважды — возле жилого крыла.

— Кто-то проник в защищённую часть дворца? — спросил Алистер.

— Возможно. Но я обнаружил кое-что ещё.

Архивариус развернул небольшой лист с начертанными на нём символами.

— После одного из всплесков защитная печать на восточном проходе изменила рисунок. Она не разрушена, однако несколько знаков оказались обращены в противоположную сторону.

— Это могло произойти случайно? — спросила Фэйра.

— Нет. Печать не меняется сама по себе. Кто-то коснулся её магией.

— Значит, враг уже внутри? — спросил Ионафиль.

— Не обязательно, — ответил Элиан. — Воздействие могло пройти через существующий канал. Но я пока не установил, какой именно.

Алистер поднялся.

— Усильте защиту дворца. Проверьте все проходы и печати, особенно в жилом крыле. О каждом новом колебании немедленно докладывать мне. И никто не должен входить в покои без разрешения их обитателей.

— Вы полагаете, враг уже рядом? — спросил Ионафиль.

Алистер посмотрел на него.

— Я полагаю, что мы слишком долго не замечали, как он стучится в наши двери.

Элиан медленно свернул один из свитков.

— И ещё, Алистер. Не всякую дверь, которую можно открыть, следует открывать. Иногда важнее понять, кто стоит по другую сторону.

— Я запомню.

Совет завершился вскоре после этого. Участники разошлись, получив новые поручения. Геральд задержался у стола, собирая записи.

— Ты изменился, — заметил он.

— Путешествие пошло мне на пользу?

— Не шути. Ты наконец увидел Теньмир таким, какой он есть.

Алистер посмотрел на друга.

— Там живут люди, Геральд. Не пешки и не расходный материал. Они хотят того же, чего хотим мы: спокойно прожить ещё один день.

— Я говорил тебе об этом.

— Знаю. И должен был услышать раньше.

Геральд отложил бумаги.

— Что теперь?

— Когда всё закончится, мы вернёмся туда. Не с армией и не ради очередного доклада. Мы исправим то, что позволили разрушить.

— Если барьер выдержит.

— Выдержит, — твёрдо произнёс Алистер.

Он направился к выходу, но на пороге остановился.

— Геральд, я иду к Селарии.

— Надеюсь, на этот раз ты найдёшь нужные слова.

— Я тоже.

Геральд помедлил, затем произнёс:

— Ты уверен, что мне место здесь, а не там? Я мог бы возглавить отряд в Теньмир.

Алистер обернулся.

— Именно поэтому ты нужен мне здесь. Если я потеряю контроль над ситуацией во дворце, мне понадобится человек, которому я могу доверять.

Геральд посмотрел на него, словно хотел возразить, но в конце концов кивнул.

— Хорошо. Но обещай, что не забудешь о Теньмире, когда эта угроза минует.

— Не забуду.

Селария не спала.

Она сидела у окна, поджав ноги, и смотрела на двор, постепенно наполнявшийся рассветным светом. На ладони лежал кулон с чёрным камнем в центре серебряной спирали.

Девушка провела пальцем по холодному металлу.

Ночью она снова слышала голос.

Он не угрожал и не приказывал. Напротив, говорил почти ласково, словно давно знал её и понимал лучше всех остальных.

Он обещал власть, признание и силу. Утверждал, что Селария заслуживает большего, чем роль наследницы, которой отводят место лишь тогда, когда это удобно правителю.

Но сильнее всего её задели слова об отце.

Незнакомец убеждал её, что Алистер никогда не увидит в ней никого, кроме будущей правительницы. Что его забота — всего лишь обязанность, а любовь всегда будет уступать место королевству.

Селария хотела назвать эти слова ложью. Но где-то глубоко внутри боялась, что в них есть доля правды.

Ей не нужны были власть или признание. Она хотела лишь, чтобы отец иногда видел в ней не наследницу Хэдэба, а дочь.

Кулон слегка потеплел.

Селария опустила глаза.

— Ты ведь знаешь, чего я хочу, — прошептала она.

Ответа не последовало.

Девушка положила кулон на подоконник. Ей не нравилось, что она ждёт ответа от безмолвного камня. Ещё меньше ей нравилось, что после ночного разговора собственные мысли стали казаться чужими.

Она закрыла глаза.

За спиной послышался слабый шорох.

Селария резко обернулась.

Комната была пуста. Дверь закрыта, занавеси неподвижны. Но возле порога, там, где лежал ковёр, на мгновение проступила тонкая полоса инея. Девушка моргнула — и её уже не было.

— Кто здесь?

Тишина.

Селария медленно поднялась. Подойдя к двери, она коснулась защитной печати. Та была холодной, но не повреждённой.

Вскоре снаружи раздался голос Кая:

— Миледи? Ваш отец желает вас видеть.

Селария замерла.

Первым желанием было отказаться. Сослаться на усталость, перенести встречу, снова спрятаться за привычной холодностью. Но слова ночного голоса вновь всплыли в памяти:

Он никогда тебя не услышит.

Девушка посмотрела на кулон.

— Передай, что я буду ждать его.

— Как прикажете.

Шаги удалились.

Селария подняла подвеску и спрятала её под ворот платья. Чёрный камень коснулся кожи, и она невольно вздрогнула.

Она не знала, с чего начать разговор с отцом. Не знала, сможет ли говорить спокойно. Но впервые за долгое время ей действительно хотелось, чтобы он её выслушал.

Не как наследницу.

Не как дочь правителя.

Просто как Селарию.

Она вернулась к окну и опустилась на край кресла. Встреча могла закончиться очередным спором. Возможно, Алистер снова заговорит о долге, опасности и необходимости соблюдать осторожность. Но теперь девушка хотя бы собиралась сказать ему то, о чём молчала слишком долго.

А далеко за пределами мира Ноксит наблюдала за происходящим.

На её лице появилась едва заметная улыбка.

Селария впервые сама захотела услышать ответ.

Ведь самые крепкие двери не всегда открывают силой. Иногда достаточно заставить того, кто стоит по другую сторону, поверить, что за дверью его наконец ждут.

ГЛАВА 9. МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ЛОЖЬЮ.

Селария сидела у низкого столика. Среди раскрытых шкатулок и рассыпанных украшений лежал кулон с чёрным камнем в центре серебряной спирали.

Девушка почти не смотрела на него. После ночного разговора с незнакомцем ей всё труднее было отличать собственные желания от тех, которые он так настойчиво пытался в ней пробудить.

Послышались шаги.

— Войдите, — произнесла она.

Дверь открылась. На пороге стоял Алистер.

Без короны и парадного плаща он выглядел непривычно. Под глазами залегли тени, которых Селария раньше почти не замечала.

Она подняла голову.

— Ты не стучал.

— Ты сказала войти.

— Я думала, это будет Кай.

— Разочарована?

— Ещё не решила.

Алистер прикрыл дверь. Несколько секунд они молчали, словно оба ждали, что другой первым нарушит тишину.

— Ты хотел меня видеть, — наконец произнесла Селария. — Я слушаю.

— Я хочу поговорить о том, что с тобой происходит.

Она усмехнулась.

— Как неожиданно. Обычно тебя интересует то, что происходит с Хэдэбом.

— Справедливое замечание.

Селария удивлённо посмотрела на него. Она ожидала возражений, приказа или очередного напоминания о долге. Но Алистер не стал защищаться.

— Ты слышишь голос, — продолжил он.

Её пальцы сомкнулись вокруг кулона.

— Кто тебе сказал?

— Кай заметил изменения в защитных печатях. Элиан обнаружил неизвестные магические колебания. Я тоже почувствовал чужое присутствие.

— Значит, вы все следите за мной.

— Мы пытаемся понять, что тебе угрожает.

— Опять угроза! — Селария поднялась. — Ты хоть раз можешь поговорить со мной не как с проблемой, которую нужно решить?

Алистер выдержал её взгляд.

— Попробую.

Она растерянно замолчала. Такой ответ оказался неожиданнее любого приказа.

— Он говорит, что ты меня не видишь, — произнесла она тише. — Что для тебя я всего лишь наследница. Удобная фигура, которую можно поставить на нужное место, когда придёт время.

— Кто говорит?

— Тот самый голос.

Алистер не перебивал.

— И знаешь, что хуже всего? Иногда я думаю, что он прав.

Правитель медленно приблизился, но остановился, заметив, как напряглась дочь.

— Я не стану утверждать, что всегда поступал правильно. И не попрошу тебя забыть всё, что причиняло тебе боль. Но ты никогда не была для меня украшением дворца.

— Тогда кем?

Он не сразу нашёл ответ.

— Человеком, которого я должен был защищать.

— От чего? От правды? От самой себя? От мира за стенами дворца?

— От того, что может прийти за тобой.

Селария горько усмехнулась.

— Снова загадки.

— Я слишком долго решал за тебя, что тебе следует знать, а что нет. Это было моей ошибкой.

— И ты когда-нибудь собирался её исправить?

Алистер опустил глаза.

— Нет. Я слишком долго откладывал этот разговор.

Селария отвернулась к окну.

— Ты почти никогда не говоришь о моей матери. Я даже не помню её голоса. Знаю только то, что ты сам рассказывал. Каждый раз, когда я спрашивала о ней, ты находил причину закончить разговор.

— Её отсутствие всегда было для меня болью. Я думал, что молчание поможет справиться с ней.

— А мне оно помогло? — спросила Селария. — Я росла, не зная, кем была моя мать. Не знала, почему она исчезла и почему ты не хочешь о ней говорить. Мне приходилось собирать её образ из обрывков чужих воспоминаний.

Алистер посмотрел на кулон в её руке.

— Я помню её лучше, чем ты можешь представить. И понимаю, что лишил тебя возможности узнать её такой, какой знал сам.

Селария повернулась к нему.

— Тогда расскажи.

Он выдержал её взгляд.

— Расскажу. Но мне нужно время, чтобы собрать всё, что я могу тебе открыть, и не утаить самое важное. Я больше не стану использовать твою неготовность как оправдание для собственного молчания.

— А если ты снова передумаешь?

— Тогда ты вправе напомнить мне об этом.

Девушка посмотрела на кулон.

— А этот голос? Ты знаешь, что ему нужно?

Алистер перевёл взгляд на чёрный камень.

— Пока нет. Но я не собираюсь делать вид, что опасности не существует.

— Значит, вы снова начнёте всё решать без меня?

— Нет. На этот раз я сначала спрошу, прежде чем принимать решение, которое касается тебя.

Селария некоторое время молчала.

— Он обещает мне силу, — наконец произнесла она.

— А чего ты сама хочешь?

Девушка растерялась.

— Что?

— Не чего хочет этот голос. Не чего ждёт от тебя Совет. Не чего требует Хэдэб. Чего хочешь ты?

Она долго молчала. Вопрос оказался простым лишь на первый взгляд. Ей редко приходилось задумываться о собственных желаниях отдельно от того, чего от неё ждали другие.

— Я хочу, чтобы меня перестали считать маленькой девочкой, — наконец ответила она. — Хочу сама принимать решения. Хочу знать правду о матери. И хочу, чтобы хотя бы один человек во дворце видел во мне не титул.

Алистер внимательно посмотрел на неё.

— Это не слишком много.

— Для тебя, возможно.

— Нет. Для меня тоже.

Он говорил непривычно спокойно, без привычной властности.

— Я не могу обещать, что все ответы тебе понравятся. Но могу обещать, что больше не стану отмахиваться от твоих вопросов.

Селария опустила взгляд.

— А если я уже сделала что-то, о чём ты не знаешь?

— Тогда мы разберёмся.

— Если я разговаривала с ним?

— Разберёмся.

— Если он предложил мне сделку?

Алистер заметно напрягся.

— Ты приняла её?

— Нет.

— Почему?

Селария посмотрела на кулон.

— Потому что не поверила ему. Он говорил красивые слова, но за ними было что-то неправильное. Будто ему нужна не моя помощь, а я сама.

Правитель медленно выдохнул.

— Ты правильно поступила.

— Я не нуждаюсь в похвале.

— Это не похвала. Я признаю, что ты сама приняла верное решение.

Впервые за разговор Селария немного смягчилась.

— И что теперь?

— Мы выясним, кто с тобой говорит и чего добивается. Но я не позволю никому распоряжаться тобой без твоего согласия. Даже Элиану.

— Он тоже будет участвовать?

— Только если ты позволишь.

Она долго изучала лицо отца, словно пыталась понять, не скрывается ли за этими словами очередное обещание, которое он забудет на следующий день.

Наконец Селария протянула ему руку.

Алистер принял её ладонь.

Это не было прощением. Между ними оставалось слишком много невысказанного, слишком много лет молчания и вопросов без ответов. Но впервые за долгое время они сделали шаг навстречу друг другу.

Когда Алистер вышел из покоев, Кай ожидал его у дальней стены коридора.

— Всё спокойно? — спросил страж.

— Пока да.

— Леди Селария согласилась встретиться с мастером Элианом?

— Я ещё не спрашивал.

Алистер остановился возле окна. Во внутреннем дворе сменялась стража. Солдаты двигались привычно и слаженно, словно ничто не могло нарушить установленный порядок.

— Кай, ты давно служишь в этом дворце.

— Достаточно давно, милорд.

— Ты видел, как она росла. Скажи честно: чего ей не хватает?

Страж не сразу ответил.

— Свободы.

Алистер повернулся к нему.

— Объясни.

— Ей не хватает права ошибаться. Права злиться, выбирать и быть неидеальной. Здесь все ждут от неё правильных слов и поступков. Даже когда она молчит, от неё чего-то требуют.

— А чего ждёшь ты?

— Чтобы она оставалась жива, милорд.

Алистер несколько секунд смотрел на него.

— Это не мудрость, — добавил Кай. — Просто правда.

— Иногда именно её нам и не хватает.

Правитель снова посмотрел в окно.

Возможно, он слишком долго пытался вырастить из дочери наследницу, забывая, что прежде всего она была человеком. Теперь чужая сила воспользовалась тем, чего он сам не замечал: одиночеством Селарии.

И исправить это одним разговором было невозможно.

— Я усилю наблюдение за её покоями, — сказал Кай. — Но постараюсь, чтобы она не чувствовала себя под охраной в собственной комнате.

Алистер повернулся к нему.

— Именно этого я и хочу.

— Тогда я буду неподалёку. Если ей понадобится помощь, она сможет позвать меня сама.

Правитель коротко кивнул.

В Тартаре не существовало рассветов.

Тьма не сменялась светом, а время текло иначе, чем в мирах живых. В глубине древнего святилища мерцали багровые отблески. Цепи, сковывавшие Ноксит, уходили в камень и терялись среди трещин.

Перед богиней дрожал крошечный огонёк.

— Значит, он наконец заговорил с ней, — прошептала она.

Пламя качнулось.

Ноксит улыбнулась.

— Как трогательно. Столько лет молчания, а теперь он решил стать заботливым отцом.

Она наклонилась ближе.

— Не торопись, дитя моё. Пусть они разговаривают. Пусть обещают друг другу правду и доверие.

В глубине святилища раздался скрежет цепей.

— Чем крепче человек держится за то, что любит, тем больнее ему терять.

Селария оказалась не такой податливой, как Ноксит предполагала. Девушка почувствовала чужую волю за обещаниями и отказалась принять сделку.

Это раздражало богиню, но не заставляло отступать.

— У каждого есть своя дверь, — произнесла она. — И не обязательно открывать её с той стороны, где стоит хозяин.

Огонёк погас.

Алистер вернулся в свои покои уже после полудня.

На столе лежали донесения из приграничных земель, отчёты о состоянии барьера и старые записи Элиана. Правитель снял перчатки и потёр переносицу.

Разговор с Селарией не принёс облегчения. Но впервые за долгое время он не пытался вырвать ответы силой — и, возможно, именно поэтому дочь вообще решилась говорить с ним откровенно.

В дверь постучали.

— Войдите.

Появился Геральд.

— Элиан просит разрешения встретиться с Селарией.

— Я поговорю с ней.

— Он также обнаружил кое-что в старых записях. Возможно, это связано с природой инверсии.

Геральд положил на стол свёрнутый пергамент.

— Упоминание о первой попытке изменить структуру барьера. Архивариус считает, что нынешняя инверсия повторяет её отдельные признаки.

Алистер развернул документ.

На пожелтевшей странице были изображены два круга, наложенные друг на друга. Между ними тянулась тонкая линия, пересечённая рунами.

Под рисунком стояла надпись на древнем языке:

«То, что было разделено, однажды будет призвано соединиться. Но соединение не всегда означает спасение».

Алистер перечитал её.

— Где Элиан это нашёл?

— В архиве, который был закрыт ещё до Войны Падения.

Правитель снова посмотрел на рисунок.

— Передай ему, что я хочу видеть его через час. Пусть подготовит всё, что известно об этом ритуале.

— Разумеется.

Геральд направился к двери, но Алистер остановил его.

— И ещё. Селарию не трогать. Не допрашивать и не пытаться выяснить что-либо без её согласия.

Геральд нахмурился.

— Ты уверен, что Элиан это примет? Он считает, что любую магическую аномалию нужно изучать немедленно.

— Пусть изучает её природу. Но моя дочь не станет для него очередным объектом исследования.

Геральд помолчал, затем ответил:

— Она не объект, Алистер. Я знаю. Просто Элиан привык видеть аномалию раньше человека.

— Поэтому я и прошу тебя проследить, чтобы он помнил, с кем имеет дело.

— Я поговорю с ним. Постараюсь объяснить, что здесь потребуется не только знание магии.

Алистер кивнул.

Геральд направился к выходу.

Когда дверь закрылась, правитель снова посмотрел на пергамент.

Барьер рушился. Враг находился ближе, чем они предполагали. А теперь в руках Элиана оказалось свидетельство, что подобное уже происходило.

Алистер медленно свернул пергамент.

Прошлое искало способ закончить то, что когда-то не сумело завершить.

ГЛАВА 10. ГОЛОС ЗА СТЕКЛОМ

Закат медленно стекал по стенам Хэдэба, окрашивая высокие окна в цвет старой меди. В покоях Селарии уже зажгли лампы, но их мягкий свет не прогонял тревогу, поселившуюся где-то под самой кожей.

Девушка сидела у окна, перебирая пальцами цепочку кулона. Металл нагрелся от прикосновений, и знакомая тяжесть на груди казалась почти успокаивающей.

После разговора с Алистером обиды никуда не исчезли, а прежнее доверие не вернулось в одночасье. Но между ними появилась возможность говорить иначе — без приказов, оправданий и привычных попыток скрыть чувства за титулами. Селария ещё не знала, надолго ли хватит этой перемены. И всё же ей хотелось верить, что отец действительно услышал её.

Три тихих удара в дверь прервали мысли.

— Войдите.

На пороге появился Элиан. Он снял капюшон, открыв лицо, испещрённое тонкими руническими линиями. Они тянулись от висков к подбородку, словно не были нанесены на кожу, а проросли сквозь неё из другого мира.

За его плечом стоял Алистер.

— Я не стану отнимать у тебя много времени, — произнёс архивариус. — Но прежде мне нужно кое о чём спросить. Ты всё ещё слышишь голос?

Селария медленно кивнула.

— Иногда. Чаще всего, когда остаюсь одна.

— Я хотел бы услышать его сам. Не пересказ и не следы магии. Сам голос. Ты позволишь?

Она посмотрела на отца.

Алистер стоял у стены, сложив руки на груди. Он не торопил её и не пытался принять решение вместо неё. В его взгляде читалась тревога, но окончательный выбор оставался за Селарией.

— Позволю, — ответила она.

Элиан достал из внутреннего кармана прозрачный кристалл размером с ноготь. Внутри него медленно двигалась тонкая серебристая нить.

Архивариус положил артефакт на стол.

— Он не откроет проход и не позволит существу проникнуть сюда. Его задача — уловить голос и определить, откуда тот доносится.

— А если оно попытается воспользоваться кристаллом? — спросил Алистер.

— Тогда я уничтожу его.

Элиан произнёс это совершенно спокойно.

Он коснулся кристалла двумя пальцами.

— Говори со мной, — обратился он к невидимому собеседнику. — Не с Селарией. Со мной.

Поначалу ничего не происходило.

Затем серебристая нить дрогнула.

Пламя в лампах вытянулось вверх, словно по комнате прошёл невидимый ветер. Селария почувствовала знакомый холод между лопатками.

И услышала шёпот:

«Ещё один мужчина. Ещё один, который пришёл решать за неё».

Элиан даже не моргнул.

— Я хочу понять, кто говорит с ней из-за границы мира.

«Разве это не одно и то же? Ты хочешь знать, что она такое. Хочешь измерить её, разобрать на составляющие, найти в ней то, что пригодится твоему господину».

— Я хочу понять, что именно пытается проникнуть в наш мир.

«Как осторожно ты подбираешь слова, архивариус».

— А ты слишком охотно прячешься за чужими страхами.

По поверхности кристалла пробежала тонкая тёмная полоска. Она медленно расползалась, словно чернила в воде.

«Ты не знаешь, с чем имеешь дело».

— Возможно. Но я знаю достаточно, чтобы не принимать тебя за божество.

Голос замолчал.

Элиан наклонился ближе.

— В древних анналах есть упоминания о первой инверсии. О попытке изменить саму ткань реальности, когда границы между мирами ещё не были такими прочными. Тогда исчезли целые области пространства. Одни существа погибли, другие оказались заперты между тем, что существовало, и тем, чего никогда не должно было быть.

Кристалл потемнел.

— Ты не богиня, — продолжил архивариус. — По крайней мере, не в том смысле, в каком мы привыкли понимать это слово. Возможно, ты — отголосок той попытки. Остаток силы, переживший разрушение мира.

«Отголосок… Ты даже не представляешь, насколько мало понимаешь».

— Я называю тебя тем, что могу доказать.

«А если твои книги ошибаются?»

— Тогда я найду другие свидетельства.

В голосе послышалась тихая усмешка.

«Ты привык верить тому, что можно записать, измерить и спрятать между страницами. Но меня не удержать впереплёте, Элиан».

— А тебя, похоже, не устраивает, что я пытаюсь разобраться в твоей природе.

«Меня не устраивает, что ты решил, будто имеешь на это право».

— Я защищаю этот мир.

«Нет. Ты защищаешь порядок, который понимаешь. А всё, что выходит за его пределы, стараешься подчинить».

По поверхности кристалла прошла новая трещина. Серебристая нить внутри резко изогнулась, словно её потянули в разные стороны.

Элиан выпрямился.

— Я хочу знать, почему ты обращаешься именно к Селарии.

«Ты уже знаешь ответ. Просто не хочешь его произносить».

— Тогда произнеси сама.

На несколько мгновений в комнате стало так тихо, что Селария услышала собственное дыхание.

Затем голос изменился. Насмешка исчезла, уступив место почти ласковой интонации.

«Ты слышишь его? Он говорит обо мне так, будто я чудовище. А ведь я всего лишь предложила тебе то, чего они никогда не давали».

Селария сжала кулон.

— И что же ты мне предложила?

«Быть увиденной».

Она замерла.

«Не как наследницу. Не как украшение при троне. Не как слабость, которую необходимо охранять. Ты хотела, чтобы кто-нибудь посмотрел на тебя и увидел именно тебя. Не титул, не обязанности и не чужие ожидания».

Эти слова попали в цель.

Селария вспомнила годы, проведённые в роскошных покоях, бесконечные уроки и разговоры о долге. Вспомнила, как часто её желания называли капризами, а страхи — детской слабостью.

И вспомнила, как однажды ей показалось, что этот голос действительно её понимает.

— Ты говоришь правду только затем, чтобы спрятать за ней ложь, — произнесла она.

«Разве это делает правду менее правдивой?»

— Делает, если ты используешь её против меня.

Элиан едва заметно повернул голову. В его взгляде мелькнуло одобрение.

— Она знает, куда направить удар, — заметил он. — Поэтому ты и выбираешь слова, которые она давно хотела услышать.

— Но я действительно хочу, чтобы меня видели, — тихо ответила Селария.

Алистер оттолкнулся от стены.

— Это не делает тебя слабой.

Она посмотрела на него.

— Ты говоришь так, будто раньше считал иначе.

Он не стал искать оправданий.

— Раньше я слишком часто думал о том, какой ты должна быть, и слишком редко спрашивал, какой ты хочешь стать.

Алистер сделал шаг вперёд, но остановился, не нарушая оставленного между ними расстояния.

— Желание быть любимой не делает тебя уязвимой для каждого, кто обещает любовь. А желание иметь собственный выбор не означает, что ты обязана принять первое предложение, которое тебе сделают.

Селария опустила глаза.

— Я не хочу, чтобы меня снова заперли.

— Тогда мы не будем запирать тебя, — ответил Алистер. — Но и притворяться, будто опасности нет, тоже не станем.

Кристалл внезапно вспыхнул.

«Как трогательно. Вы учитесь разговаривать друг с другом. Может быть, теперь научитесь и слышать?»

Серебристая нить резко ударилась о внутреннюю поверхность кристалла. По стеклу побежали тёмные прожилки, а пламя ламп одновременно погасло и вспыхнуло вновь.

Элиан поднял руку. Рунические линии на его лице засветились, сначала едва заметно, затем всё ярче.

— Довольно.

«Ты не сможешь удерживать меня вечно».

— Мне и не нужно. Достаточно понять, что ты оставляешь после себя.

Архивариус произнёс несколько слов на древнем языке.

Кристалл задрожал. Серебристая нить внутри него метнулась из стороны в сторону, а тёмная полоса разрослась, заполняя почти всё прозрачное пространство. На мгновение показалось, что поверхность артефакта не выдержит напряжения.

Элиан сжал пальцы. Свет рунических линий на его лице стал почти нестерпимо ярким.

Селария невольно поднялась.

— Элиан…

— Не подходи, — бросил он, не оборачиваясь.

Голос прорезал комнату, на этот раз без прежней мягкости:

«Ты даже не понимаешь, что сейчас закрываешь».

— Возможно, — процедил архивариус. — Но я не позволю тебе использовать её, чтобы открыть то, чего мы не сможем закрыть.

Он произнёс последнее слово на древнем языке.

По поверхности кристалла пробежали светлые трещины. Тёмная полоса сжалась в крошечную точку, но не исчезла. Она продолжала пульсировать, словно внутри артефакта билось чужое сердце.

На лице Элиана проступило напряжение.

Затем голос прозвучал в последний раз:

«Ты думаешь, что остановил меня. Но теперь ты знаешь, куда смотреть».

Кристалл резко потемнел.

Серебристая нить оборвалась, и артефакт раскололся на несколько частей.

Голос исчез.

В комнате снова стало тихо.

Элиан медленно опустил руку. На его лице погасли рунические линии, а дыхание стало ровнее.

Селария только теперь заметила, что всё это время сидела неподвижно, вцепившись пальцами в край кресла.

— Что ты узнал? — спросил Алистер.

Элиан не сразу ответил. Он продолжал смотреть на обломки кристалла, словно надеялся обнаружить в них ещё один след присутствия Ноксит.

— Она действительно связана с первой инверсией. Это не просто существо, нашедшее дорогу к нашему миру. Возможно, Ноксит — остаток события, которое когда-то едва не уничтожило границу между реальностями.

— Значит, она может открыть разлом? — спросил Алистер.

— Возможно. Но не самостоятельно. Ей нужен отклик с нашей стороны.

— И она считает, что Селария способна его дать?

— Судя по тому, как Ноксит обращается к ней, именно этого она и добивается. Она хочет, чтобы Селария сама согласилась стать частью процесса.

Алистер посмотрел на дочь.

— Этого не произойдёт.

— Не решай за меня, — тихо произнесла Селария.

Алистер уже открыл рот, собираясь возразить, но остановился. Его пальцы сильнее сжали спинку кресла. Он вспомнил данное ей обещание и медленно разжал руку.

Девушка поднялась с кресла.

— Я не собираюсь помогать ей. Но если мы хотим остановить Ноксит, я должна понимать, что происходит. Я больше не хочу узнавать обо всём последней.

Алистер помолчал, затем медленно кивнул.

— Хорошо. Ты будешь знать всё, что нам удастся выяснить.

Элиан тем временем собрал обломки кристалла и убрал их в футляр.

— Есть ещё кое-что.

Его взгляд остановился на кулоне Селарии.

— Когда голос обратился к тебе, я почувствовал странное колебание. Оно исходило не от тебя и не от кристалла. От этого украшения.

Селария инстинктивно накрыла кулон ладонью.

— Что с ним?

— Пока не знаю. В нём заключена древняя магия. И это не обычная защитная печать. Её устройство гораздо сложнее.

— Ты можешь снять её? — спросил Алистер.

— Не стану.

Король нахмурился.

— Почему?

— Потому что не понимаю, что именно она удерживает. Разрушать неизвестную печать из любопытства — занятие для безумцев.

Элиан протянул руку, но не коснулся украшения.

— Я могу исследовать её структуру, не нарушая защиты. Однако мне понадобится время.

Селария опустила взгляд на кулон.

Она носила его столько, сколько себя помнила. Иногда ей казалось, что без него на груди останется пустота, к которой невозможно привыкнуть. И всё же она никогда прежде не задумывалась, почему украшение так дорого ей и почему никто не позволял снимать его надолго.

— Хорошо, — сказала она. — Но если ты что-нибудь обнаружишь, я хочу знать.

— Обещаю.

Элиан направился к двери, однако на пороге остановился.

— Селария.

— Да?

Он задержал на ней взгляд.

— Я видел немало печатей, которые держались на страхе и зависимости. Ни одна из них не была вечной. Не позволяй кому-либо убедить тебя, что любовь нужно заслужить.

Он вышел, оставив после себя запах старой бумаги и холодного камня.

Алистер задержался.

— Ты устала?

— Немного.

— Тогда отдохни. Я распоряжусь, чтобы тебя не беспокоили.

Селария чуть улыбнулась.

— Только не присылай ко мне ещё троих стражников.

— Двух? — с притворной серьёзностью спросил он.

Она тихо рассмеялась.

И Алистер впервые за долгое время улыбнулся в ответ.

Тем же вечером, когда дворец постепенно затихал, в архивном крыле Хэдэба не зажигали верхних светильников.

Элиан сидел за столом, окружённый раскрытыми книгами, свитками и небольшими пластинами с руническими записями.

Перед ним лежали обломки кристалла.

Теперь они казались совершенно обычными: прозрачными, чистыми, лишёнными каких-либо следов присутствия Ноксит. Но архивариус знал, что это спокойствие обманчиво. Последние слова голоса не давали ему покоя.

Он открыл один из древних фолиантов и нашёл страницу, отмеченную чёрной нитью. На пожелтевшей бумаге был изображён круг, пересечённый несколькими линиями. Рядом стояли символы, которые Элиан видел лишь однажды — в записях о первой инверсии.

Он провёл пальцем по рисунку.

— Если ты действительно её отголосок… — пробормотал он, — значит, кто-то когда-то оставил тебе путь назад.

Архивариус перелистнул страницу.

Следующая была вырвана.

Не вырезана аккуратно и не уничтожена временем. Её вырвали с такой силой, что часть соседнего листа тоже исчезла.

Элиан нахмурился.

Кто-то намеренно убрал сведения о продолжении ритуала.

Но зачем?

Он поднялся, подошёл к запертому шкафу и достал связку старых ключей. В самом дальнем ящике, за описями времён Войны Падения, хранились документы, которые не открывали уже несколько столетий.

Элиан перебирал их, пока не наткнулся на тонкий пергамент без названия.

На нём была изображена та же фигура — два круга, наложенные друг на друга.

Под рисунком шла короткая надпись на языке, который давно перестали преподавать даже в королевских академиях.

Архивариус прочитал её один раз.

Затем второй.

И только после этого понял, что всё это время искал не там.

Ноксит не просто пыталась вернуться.

Она пыталась повторить то, что уже однажды было совершено.

Элиан медленно свернул пергамент.

Кто-то знал, что скрывается за этими символами. И позаботился о том, чтобы остальные не добрались до ответа.

За окном ударил колокол.

Один раз.

Потом второй.

Элиан поднял голову.

В одном из дальних коридоров дворца на мгновение погасла защитная руна. Архивариус не мог видеть её отсюда, но почувствовал короткий провал в магическом фоне Хэдэба — словно кто-то коснулся старой печати с другой стороны.

Он медленно положил ладонь на пергамент.

Ноксит не просто пыталась вернуться. И, похоже, первая инверсия была лишь началом того, что однажды уже произошло.

ГЛАВА 11. ЦЕНА ДЕСЯТИ ЛЕТ

В Хэдэбе давно не было такой тишины.

Даже стены дворца, казалось, прислушивались к происходящему за его пределами. За последние дни защитные печати ослабли, а энергия, прежде равномерно распределённая между узлами, теперь двигалась непредсказуемо. Иногда в коридорах ощущался едва заметный холод, иногда вспыхивали руны, которые не должны были реагировать на присутствие живых существ.

Алистер стоял у большого стола, на котором Элиан разложил старые карты и несколько раскрытых свитков.

— Западный узел больше не отвечает, — произнёс Элиан. — Восточный пока удерживается, но его структура меняется. Если инверсия завершится, граница перестанет выполнять свою функцию.

— Говори прямо, — потребовал Алистер. — Что произойдёт?

Элиан поднял взгляд.

— То, что находится по ту сторону, получит возможность воздействовать на наш мир без прежних ограничений. Мы не знаем, насколько далеко зайдёт этот процесс. Но если позволим ему завершиться, последствия могут оказаться необратимыми.

Геральд, до этого молча изучавший карту, провёл пальцем по обозначениям защитных узлов.

— Значит, нам нужно не просто укрепить печати. Нужно остановить сам процесс.

— Именно, — подтвердил Элиан. — И для этого нам понадобится древний артефакт.

Алистер посмотрел на него.

— Ты уверен, что он существует?

— В старых записях есть упоминание о хранилище, где находилось устройство, способное восстановить первоначальную структуру границы. Но сведения неполные. Я не могу утверждать, что артефакт сохранился или что мы сумеем его активировать.

— И ты только сейчас решил об этом сказать?

— Потому что раньше у нас не было достаточно оснований считать, что речь идёт именно о таком нарушении. Теперь они есть.

Алистер сдержал раздражение. Времени на споры не оставалось.

— Где искать хранилище?

— Я знаю лишь примерное направление. В записях упоминается старый путь, который исчез с карт задолго до основания нынешних королевств. Но описание самого артефакта слишком противоречиво. Мне нужен тот, кто разбирается в древних предметах лучше меня.

— Вильгельм, — произнёс Геральд.

Элиан кивнул.

— Он изучал артефакты, о которых большинство даже не слышало. И если кто-то способен узнать устройство по неполному описанию, то это он.

Алистер подошёл к окну. За стеклом сгущались тучи.

— Тогда я отправлю за ним.

Он вызвал слугу и приказал немедленно подготовить ворона с письмом. В послании было коротко сказано, что положение стало критическим и его помощь необходима.

Птица исчезла за окном.

Алистер вернулся к столу.

— Сколько у нас времени?

Элиан не сразу ответил.

— Я не могу назвать точный срок. Состояние узлов меняется быстрее, чем показывают расчёты. Но если инверсия продолжит развиваться с той же скоростью, ждать нельзя.

— Значит, будем действовать так, словно времени меньше, чем нам хотелось бы.

Геральд посмотрел на него.

— А если Вильгельм не ответит?

— Ответит.

Но уверенность Алистера не означала, что он действительно знал, где сейчас находится Владыка теней.

В Теньмире Вильгельм появился на рынке ближе к вечеру.

Лира попросила его купить кое-какие продукты и несколько трав, необходимых для приготовления лечебного отвара. После недавнего ранения она продолжала следить за его состоянием, хотя сам Вильгельм не испытывал ни малейшего желания соблюдать её предписания.

Рана ещё не затянулась до конца. Яд, оставшийся в организме после отравленного эльбарианского серебра, всё ещё давал о себе знать: временами возвращалась слабость, а боль напоминала о себе при резких движениях. Лира настаивала, что лечение нельзя прерывать, и Вильгельму пришлось уступить хотя бы в малом — отправиться за тем, что она внесла в список.

Он не собирался задерживаться на рынке. Ему нужно было лишь приобрести всё, что Лира внесла в список, и поскорее вернуться.

Однако, проходя мимо небольшого питейного заведения, он заметил двух существ, расположившихся за грубым деревянным столом. Перед ними стояли кружки с тёмным элем. Один, худощавый падший демон с обломанными рогами, что-то негромко рассказывал своему собеседнику — массивному грахту с серой бугристой кожей и костяными наростами вдоль черепа. Их разговор был непринуждённым, пока одно из произнесённых имён не заставило Вильгельма замедлить шаг.

— Говорят, король Хэдэба снова ищет Владыку теней, — произнёс падший демон, покручивая в пальцах кружку с тёмным элем.

Его собеседник — широкоплечий грахт с сероватой бугристой кожей и короткими костяными наростами вдоль черепа — хрипло рассмеялся.

— И что на этот раз? Вспомнил, что за пределами его дворца тоже существует мир?

— Похоже, дело серьёзное. Говорят, он уже отправлял воронов и посыльных. Только вот сам Владыка теней, кажется, не спешит отвечать.

— А с чего бы ему спешить? — грахт сделал большой глоток. — Королю Хэдэба всегда было плевать на Теньмир. Пусть теперь сам разбирается со своими неприятностями.

— Может, без Владыки теней не справится.

— Тогда тем хуже для него.

Вильгельм, до этого спокойно перебирающий травы на прилавке, чуть повернул голову.

— Вы сказали, Король разыскивает Владыку теней? — спросил он, не меняя тона.

Оба существа посмотрели на незнакомца. Ни один из них не узнал в нём того, о ком только что говорил.

— Так говорят, — неохотно ответил демон. — Хотя нам-то какое дело?

Вильгельм задержал на нём взгляд.

— Никакого, разумеется. Просто любопытно, насколько далеко зашли поиски.

— Этого мы не знаем, — буркнул грахт. — Да и знать не желаем.

Вильгельм едва заметно усмехнулся.

— Разумная позиция.

Он отошёл от прилавка, но услышанного оказалось достаточно. Алистер редко обращался к нему без веской причины. А если дело дошло до того, что его разыскивали через весь Теньмир, значит, происходило нечто действительно опасное.

Вильгельм остановился в стороне от людской толпы и открыл портал.

Прежде чем шагнуть в него, он на мгновение задержался. Старая травма всё ещё напоминала о себе, особенно после длительного напряжения. Яд эльбрианского серебра оставил след, который не исчезал так быстро, как ему хотелось бы.

Он раздражённо поправил перчатку.

— Надеюсь, у Алистера найдётся объяснение, достойное того, чтобы отрывать меня от дел.

Портал сомкнулся за его спиной.

В тот же вечер Джулия заметила, что Вильгельм всё ещё не вернулся с рынка.

Сначала она не придала этому особого значения. Он отправился за продуктами и травами по просьбе Лиры, и, возможно, просто задержался у какого-нибудь прилавка. А зная его характер, нельзя было исключать, что он нашёл компанию и теперь неспешно потягивает эль, совершенно забыв о времени.

Эта мысль даже вызвала у неё невольную усмешку. Вильгельм вполне мог позволить себе подобное.

Но вечер становился всё позднее, а его всё не было.

Джулия несколько раз прошлась по комнате, поглядывая на дверь. Он не предупредил, что собирается задержаться, не оставил никаких объяснений. И хотя его отсутствие само по себе ещё не означало беды, постепенно беспокойство вытесняло прежнее спокойствие.

В конце концов она решила, что ждать больше не намерена.

— Ты не пойдёшь его искать, — твёрдо сказал Торин, когда Джулия объявила о своём решении.

— Я не спрашивала разрешения.

— Джулия, уже темнеет.

— И что?

— Лес опасен даже днём. А ты не знаешь, куда он ушёл.

— Именно поэтому я и собираюсь выяснить.

Лира, стоявшая у двери, внимательно посмотрела на девушку.

— Ты уверена, что он вообще нуждается в поисках?

— Нет. Но это не значит, что я должна сидеть и ждать.

— Ты не знаешь, что там произошло, — продолжил Торин. — Нельзя просто уйти в лес из-за собственных догадок.

Джулия резко обернулась.

— А что мне ещё делать? Делать вид, что ничего не случилось?

Торин некоторое время молчал, потом произнёс уже тише:

— Ты ищешь не только его. Ты пытаешься понять, почему он исчез и почему никто не может сказать тебе, куда он направился.

Джулия отвела взгляд.

— А разве это не одно и то же?

— Нет. И именно поэтому я боюсь, что ты не остановишься, даже если поиски приведут тебя туда, куда идти не следует.

— Я не собираюсь сидеть сложа руки.

— Мы можем начать утром. Вместе.

— Утром будет потерян ещё один день.

Лира остановила Торина прежде, чем он успел возразить.

— Если она решила, мы её не удержим. Но, Джулия, пообещай: если найдёшь что-нибудь подозрительное, не станешь разбираться одна.

Джулия кивнула.

Она взяла плащ, небольшой фонарь и вышла.

Лес встретил её сыростью и почти полной темнотой. Джулия шла по знакомым тропам, прислушиваясь к каждому звуку. Несколько раз ей казалось, что впереди мелькнула чья-то фигура, но, когда она останавливалась, вокруг оставались только деревья и колышущиеся ветви.

Она искала следы Вильгельма, но не знала, какие именно следы могла обнаружить. Его присутствие не оставляло обычных человеческих примет. Поэтому приходилось проверять дороги, расспрашивать редких путников и обращать внимание на любые необычные детали.

К полуночи Джулия вернулась домой без результата.

Но на следующее утро снова отправилась в путь.

Прошло два дня.

Джулия обследовала несколько лесных троп, побывала у старого моста и расспросила жителей ближайшего поселения. Никто не видел Вильгельма. Некоторые вспоминали незнакомцев, появлявшихся на дороге в последние дни, но ни одно описание не подходило.

Постепенно её тревога сменилась подозрением.

Если Вильгельм не ушёл сам, его могли задержать. А если это произошло неподалёку от Теньмира, то к исчезновению могли иметь отношение эльбриане.

Она помнила их серебро. Помнила, насколько опасным оказалось даже небольшое ранение, и не могла исключить, что кто-то из них снова вышел на его след.

На второй день, ближе к полудню, Джулия заметила нечто странное.

Узкая тропа уходила в сторону от основного пути. Сначала она показалась ей обычной звериной дорогой, но потом девушка увидела следы сапог. Их пытались скрыть: поверх примятой земли лежали ветки, а на отдельных участках кто-то специально разровнял почву.

Джулия присела и осторожно коснулась края отпечатка.

Следы были свежими.

Она оглянулась. Никого.

Тропа привела её к небольшому углублению между скалами. За зарослями скрывались остатки старой постройки. Деревянная крыша обрушилась, стены местами осыпались, но было очевидно, что здесь недавно кто-то находился.

Джулия вошла внутрь.

На полу валялись обрывки ткани, несколько пустых фляг и сломанный ящик. На одной из стен сохранился выцветший знак. Она узнала его не сразу: похожий символ ей уже встречался в старых записях, которые она видела раньше.

Эльбрийский знак.

Девушка подошла ближе.

Под обломками стола обнаружился кусок пергамента. Он был разорван, края потемнели от времени, а большая часть рисунка отсутствовала. Но на сохранившемся фрагменте можно было различить несколько линий, обозначавших дорогу, и тот же знак, что был на стене.

Джулия развернула пергамент.

Это была не обычная карта. На ней отмечались какие-то точки, а рядом с одной из них стоял символ, напоминавший тот, что она видела в старых записях о древних сооружениях.

Она не знала, что именно искали эльбрийцы. Но теперь у неё появилось основание считать, что их интересовали не только люди.

Снаружи хрустнула ветка.

Джулия мгновенно замерла.

Звук повторился — на этот раз дальше от входа. Она выглянула из-за стены и заметила движение между деревьями. Чья-то фигура скрылась за стволом.

— Эй! — окликнула она.

Ответа не последовало.

Джулия вышла наружу, но не стала бросаться следом. Вспомнив предупреждение Лиры, она заставила себя остановиться. Если за ней действительно наблюдали, преследование могло привести к тому, что она сама окажется в ловушке.

Она спрятала фрагмент карты под плащ и внимательно осмотрела окрестности. Больше никого не увидела.

Теперь возвращаться без находки было бы глупо. Но и оставаться здесь дольше не имело смысла.

Джулия выбрала другую тропу и направилась обратно.

По дороге она несколько раз оглядывалась. Ей не давала покоя мысль, что кто-то следил за её поисками с самого начала. Возможно, эльбрийцы действительно находились поблизости. Возможно, они искали то же, что и она.

Но теперь у неё было нечто большее, чем догадки.

Она собиралась выяснить, куда вела карта.

В Хэдэбе Алистер получил второго ворона.

Птица вернулась без ответа.

Он снял с её лапы письмо, перечитал собственное послание и с раздражением положил его на стол.

— Никаких известий? — спросил Геральд.

— Никаких.

— Возможно, он ещё не получил первое письмо.

— Тогда почему вернулся второй ворон?

Элиан поднял глаза от свитка.

— Если Вильгельм находится в месте, где нарушена связь между пространственными потоками, птицы могут не достигать цели.

— Ты хочешь сказать, что он мог оказаться за пределами обычных путей?

— Я хочу сказать, что мы не знаем, где он.

Алистер сжал пальцы.

— Продолжайте искать. Мне нужен Вильгельм. Не потому, что я сомневаюсь в наших силах, а потому, что сейчас нельзя позволить себе ошибку.

Геральд кивнул.

— Я отправлю людей к северным дорогам.

— И проверьте старые переходы. Если он использовал портал, след может сохраниться.

Они ещё не знали, что искать его уже не нужно.

Вильгельм прибыл в Хэдэб тем же вечером, когда покинул Теньмир.

Портал открылся на окраине города. Он шагнул на каменную площадку и сразу почувствовал нарушение в окружающей магии.

Защитные потоки были нестабильны. Один из вспомогательных узлов работал с перебоями, словно пытался удержать давление, которое постепенно нарастало с другой стороны.

Вильгельм нахмурился.

— Значит, слухи не преувеличивали.

Он направился к дворцу.

Алистер находился в зале совета, когда двери распахнулись.

— Ты мог бы хотя бы иногда отвечать на письма, — произнёс он, увидев вошедшего Вильгельма.

— А ты мог бы иногда отправлять письма, в которых есть что-нибудь кроме приказов.

— Я отправил два.

— Возможно, поэтому я и решил явиться лично. Не хотелось проверять, сколько ещё птиц ты собираешься погубить.

Геральд едва заметно усмехнулся.

Алистер не стал продолжать перепалку.

— Граница разрушается. Элиан считает, что нам нужен древний артефакт, способный восстановить её структуру.

Вильгельм посмотрел на разложенные свитки.

— Какой именно артефакт?

Элиан подвинул к нему один из пергаментов.

— В записях он обозначен как Сердце Предела. Но это может быть не его настоящее название. Мы располагаем лишь описанием устройства и несколькими указаниями на местонахождение хранилища.

Вильгельм долго изучал рисунок.

— Откуда у тебя это?

— Из старого архива. Часть текста повреждена.

— Неудивительно. Это не описание обычного защитного предмета.

Он перевернул свиток и провёл пальцем по выцветшему знаку.

— Здесь говорится не о создании новой границы. Артефакт должен восстановить прежнюю структуру, возвращая разрозненные потоки к исходному состоянию.

— Значит, он способен остановить инверсию? — спросил Алистер.

— Возможно. Но не бесплатно и не навсегда.

Элиан подался вперёд.

— Ты знаешь, где находится хранилище?

— Я встречал упоминание о нём в одном из трудов по древним артефактам. Оно находилось за пределами старых поселений, в месте, которое когда-то считалось непригодным для жизни. Но точное расположение я не назову без карты.

— У нас есть приблизительное направление, — сказал Элиан.

Он развернул второй пергамент.

Вильгельм сравнил обозначения и нахмурился.

— Это оно. Но дорога давно исчезла. Если вход всё ещё существует, он должен быть скрыт защитным контуром.

— Сможем его открыть? — спросил Геральд.

— Если вы перестанете задавать вопросы, на которые пока нет ответа, возможно.

Алистер посмотрел на него.

— Сколько времени нам потребуется?

— Если повезёт, один день. Если нет — гораздо больше.

— У нас нет лишних дней.

— Тогда советую надеяться на удачу.

Вильгельм ещё раз посмотрел на карту.

— Собирайтесь. Мы отправляемся сейчас.

Дорога к предполагаемому хранилищу оказалась сложнее, чем рассчитывал Элиан.

Старые ориентиры почти исчезли. Некоторые участки тропы были завалены камнями, другие скрывались под густой растительностью. Магические следы, на которые надеялся Элиан, то появлялись, то исчезали, словно сама местность не желала выдавать своё прошлое.

К вечеру они добрались до скального уступа.

— Здесь, — произнёс Вильгельм.

Перед ними возвышалась гладкая стена камня. На первый взгляд она ничем не отличалась от окружающих скал, но Элиан заметил едва видимые линии, уходившие под землю.

— Вход? — спросил Геральд.

— Скорее, граница защитного контура, — ответил Вильгельм. — Хранилище скрыто за ней.

Алистер приблизился к камню.

— Открывай.

— Если бы всё было так просто, я бы уже это сделал.

Вильгельм провёл ладонью над поверхностью. Несколько знаков проступили из-под слоя пыли, но тут же погасли.

Элиан присел рядом, рассматривая их.

— Это последовательность из трёх символов. Первый отвечает за распознавание, второй — за допуск, третий…

— За возврат, — закончил Вильгельм. — Не трогай его.

Элиан остановился.

— Почему?

— Потому что это не часть открытия. Это защита от тех, кто попытается войти силой.

— Значит, если мы нарушим порядок…

— Хранилище может закрыться навсегда. Или сработает защита.

Алистер посмотрел на них обоих.

— Тогда не ошибайтесь.

Элиан начал восстанавливать последовательность по сохранившимся линиям. Вильгельм проверял каждое обозначение, сопоставляя их с известными ему древними системами. Несколько раз они расходились во мнениях, и каждый раз приходилось возвращаться к началу.

Наконец Элиан произнёс:

— Кажется, я понял.

Он коснулся первого символа, затем второго.

Камень отозвался низким гулом.

Третий знак вспыхнул сам собой.

— Отойди! — резко приказал Вильгельм.

Но было поздно.

Из поверхности вырвался поток магии. Ударная волна отбросила Элиана на несколько шагов, а Алистеру пришлось выставить защиту, чтобы удержать остальных. Вильгельм успел закрыться, однако резкое движение отозвалось болью в старой ране.

На мгновение всё вокруг озарилось белым светом.

Потом наступила тишина.

— Ты сказал, что понял последовательность, — произнёс Вильгельм, выпрямляясь.

Элиан поднялся, держась за бок.

— Я ошибся в одном знаке.

— В одном? Прекрасно. Значит, остальные были верны.

— Вильгельм, — предупредил Алистер.

— Что? Я должен похвалить его за то, что он едва не запечатал нас снаружи?

Элиан не ответил. Он снова подошёл к стене, но теперь не торопился.

Вильгельм заметил, что один из символов изменил положение.

— Подожди. Теперь я вижу, в чём дело.

Он указал на тонкую линию под третьим знаком.

— Это не возврат. Это подтверждение того, что хранилище приняло посетителя. Ты прочитал его как команду закрытия.

Элиан внимательно изучил обозначение.

— Ты прав.

— Я знаю.

Они снова принялись за работу. Но на этот раз, когда Вильгельм предложил изменить порядок символов, Элиан не согласился.

— Нет. Ты принимаешь эту линию за указание направления, но она обозначает связь между двумя контурами.

— Если бы это было так, первый знак не погас бы после твоей попытки.

— Он погас не из-за направления. Система распознала нас, но не получила подтверждения допуска.

— И ты предлагаешь подать подтверждение до того, как завершится распознавание?

— Я предлагаю не путать последовательность с одновременным действием.

Вильгельм посмотрел на него внимательнее.

— Покажи.

Элиан провёл пальцем по нижней части знака. Под слоем пыли обнаружилась тонкая дополнительная черта, почти незаметная на фоне остальных линий.

Вильгельм наклонился ближе.

— Вот почему схема не сходилась. Здесь два значения наложены друг на друга.

— Один символ обозначает допуск, второй — подтверждение связи, — продолжил Элиан. — Их нельзя активировать одновременно.

— Значит, ты был прав насчёт порядка, — нехотя признал Вильгельм. — Но не насчёт самого знака.

— А ты был прав насчёт защитного контура, но не заметил второй линии.

Геральд перевёл взгляд с одного на другого.

— Вы закончили выяснять, кто из вас умнее?

— Нет, — одновременно ответили оба.

Алистер устало прикрыл глаза.

— Просто откройте уже эту дверь.

Теперь они действовали согласованно. Элиан восстановил последовательность, Вильгельм проверил каждое значение, а Алистер удерживал внешний контур, не позволяя защитной системе снова набрать силу.

Первый знак вспыхнул и остался гореть.

Второй отозвался следом.

Третий появился последним — не яркой вспышкой, а ровным серебристым светом.

Каменная стена дрогнула и медленно разошлась, открывая проход вниз.

За ней находился узкий коридор, уходивший в глубину скалы.

— После вас, — произнёс Вильгельм.

— Ты ведь знаешь, что мы не поведём тебя впереди? — спросил Геральд.

— Разумеется. Просто хотел посмотреть, кто из вас первым проявит благоразумие.

Они вошли внутрь.

Хранилище оказалось небольшим, но его стены были покрыты сложной сетью древних знаков. В центре помещения находился каменный постамент, а над ним — прозрачная оболочка, внутри которой покоился предмет, напоминавший переплетение металла и кристалла.

Элиан остановился.

— Это он.

Вильгельм подошёл ближе.

— Сердце Предела.

Артефакт выглядел старым и повреждённым. На его поверхности виднелись трещины, а некоторые участки металла потемнели, словно устройство долго подвергалось воздействию чужой силы.

— Он разрушен, — заметил Геральд.

— Не полностью, — ответил Вильгельм. — Но его структура повреждена. Это объясняет, почему хранилище было запечатано.

Элиан осторожно осмотрел постамент.

— Если активировать его, он сможет восстановить границу?

— Да. Но только один раз.

Алистер повернулся к нему.

— Объясни.

Вильгельм не отрывал взгляда от артефакта.

— Он не уничтожает источник нарушения. Он собирает разрозненные потоки и возвращает их к прежнему состоянию. После этого устройство исчерпает свой ресурс. Повторно использовать его не получится.

— А насколько долго продержится граница?

— В старом описании указано десять лет.

— Десять? — переспросил Геральд.

— Именно. Не вечность. Не окончательное решение. Только отсрочка.

Элиан медленно выдохнул.

— Десять лет дадут нам время выяснить, что именно вызывает инверсию.

— Если мы сумеем пережить сам ритуал, — добавил Вильгельм.

Алистер посмотрел на повреждённый артефакт.

— Забираем его.

Элиан начал готовить защитную оболочку, а Вильгельм проверял, не осталось ли на постаменте дополнительных печатей. Когда артефакт удалось освободить, его поверхность на мгновение вспыхнула, словно отозвалась на присутствие тех, кто находился рядом.

Затем свет погас.

Они покинули хранилище и отправились обратно в Хэдэб.

К моменту их возвращения положение стало ещё хуже.

Один из защитных узлов почти перестал отвечать, а в главном зале дворца руны на полу периодически вспыхивали сами собой. Элиан сразу приступил к изучению артефакта, пытаясь определить, как соединить его с действующей системой защиты.

Вильгельм помогал ему, но работа продвигалась медленно.

— Нам нужно три источника силы, — сказал Элиан. — Иначе устройство не выдержит нагрузки.

— Три? — переспросил Геральд.

— Магия Алистера, сила Вильгельма и моя. Но даже этого может оказаться недостаточно, если граница начнёт сопротивляться.

Алистер внимательно посмотрел на артефакт.

— Тогда придётся удержать её.

— Не силой одной, — возразил Вильгельм. — Если попытаемся подавить сопротивление, устройство может разрушиться раньше времени. Нужно направить потоки так, чтобы они восстановили прежнюю структуру, а не пытались создать новую.

Элиан кивнул.

— Я подготовлю схему.

Они работали почти без перерыва. Элиан сверял древние знаки с записями, Вильгельм проверял порядок соединения потоков, а Алистер следил за состоянием защитных узлов.

Несколько раз приходилось начинать заново.

Однажды Элиан обнаружил, что часть формулы не совпадает с описанием на постаменте. Вильгельм заметил, что один из символов был повреждён не временем, а намеренно изменён. Кто-то когда-то пытался приспособить артефакт для другой цели.

— Значит, его уже использовали? — спросил Геральд.

— Или пытались использовать, — ответил Вильгельм. — Но результат нам неизвестен.

Элиан провёл пальцем по изменённой линии.

— Если это сделали намеренно, значит, кто-то понимал устройство артефакта достаточно хорошо, чтобы вмешаться в его работу.

— Сейчас не время разбираться в чужих ошибках, — сказал Алистер.

— Напротив, — возразил Элиан. — Если мы не поймём, что именно было изменено, можем повторить их.

Вильгельм указал на одну из линий.

— Здесь. Формула должна замыкаться не на внешнем контуре, а на внутреннем. Иначе артефакт начнёт вытягивать энергию из тех, кто его активирует.

— Это объясняет повреждения, — произнёс Элиан.

— И объясняет, почему предыдущая попытка могла закончиться неудачей.

Они исправили схему.

К ночи всё было готово.

Для ритуала выбрали зал, где сходились основные защитные потоки Хэдэба.

Хранители заняли свои места вокруг центрального круга. Элиан разместил артефакт в центре, а Алистер и Вильгельм встали по разные стороны от него.

Геральд оставался рядом с Алистером.

— Если что-то пойдёт не так, — тихо сказал он, — не пытайся удержать всё один.

— Я знаю.

— Нет. Ты всегда говоришь, что знаешь, а потом забываешь.

Алистер посмотрел на него.

— Сегодня я не собираюсь спорить.

— Хорошо. Тогда просто помни.

Элиан поднял руки.

— Начинаем.

Первые знаки вспыхнули один за другим. Потоки силы потянулись к артефакту, соединяясь над его поверхностью тонкими линиями света.

Некоторое время всё шло по плану.

Затем устройство задрожало.

Свет внутри него изменился, стал тусклым, а одна из трещин на поверхности начала расширяться.

— Давление растёт! — предупредил Элиан.

Алистер усилил поток своей силы. Вильгельм сделал то же самое, но повреждённая рана отозвалась резкой болью. Он едва заметно пошатнулся.

— Вильгельм! — окликнул его Элиан.

— Продолжай!

— Ты теряешь устойчивость!

— Я сказал, продолжай!

Граница сопротивлялась. Внутри артефакта возникло движение, будто устройство пыталось оттолкнуть направленную в него энергию. Защитные линии на полу вспыхивали и гасли, а воздух становился всё тяжелее.

Алистер почувствовал, как сила уходит из него быстрее, чем рассчитывал Элиан.

— Мы не удержим это долго!

— Не нужно удерживать! — крикнул Вильгельм. — Направьте поток внутрь, не позволяйте ему возвращаться по внешнему контуру!

Элиан посмотрел на схему.

— Я вижу. Но один знак…

— Что с ним? — спросил Алистер.

— Он не совпадает с остальными. Я не уверен, что правильно понял его значение.

Вильгельм резко повернул голову.

— Это не знак направления. Это знак согласования. Ты пытаешься заставить потоки двигаться одновременно, но они должны входить последовательно.

Элиан быстро изменил положение рук.

— Понял!

Потоки перестроились. На мгновение свет в зале погас почти полностью.

Геральд шагнул вперёд, но Алистер остановил его жестом.

— Не вмешивайся.

— Ты едва стоишь!

— Геральд!

Вильгельм сжал зубы, удерживая свой поток. Боль мешала сосредоточиться, но он не отступал. Если сейчас ритуал сорвётся, второго шанса не будет.

Элиан произнёс последние слова формулы.

Артефакт вспыхнул.

Свет поднялся к своду, разошёлся по залу и проник в защитные линии дворца. На несколько секунд всё пространство оказалось наполнено серебристым сиянием.

Затем раздался глубокий звук — не громкий, но такой, что его почувствовали даже те, кто находился за пределами зала.

Один за другим защитные узлы начали отвечать.

Западный вспыхнул первым. За ним — восточный. Потом остальные.

Потоки, которые прежде двигались хаотично, постепенно выровнялись. Давление исчезло. Артефакт в центре круга потемнел и раскололся на несколько частей.

Ритуал завершился.

Элиан опустил руки.

Некоторое время никто не произносил ни слова.

— Получилось? — наконец спросил Геральд.

Элиан проверил ближайший знак, затем другой.

— Граница восстановлена.

Алистер медленно выдохнул.

Вильгельм опустил руку. Его лицо оставалось спокойным, но по напряжённым чертам было ясно, насколько дорого далась ему эта работа.

— На сколько? — спросил Алистер.

Элиан посмотрел на остатки артефакта.

— На десять лет. Именно столько он мог дать. Теперь устройство окончательно исчерпано.

— Значит, у нас есть время, — сказал Геральд.

— Есть отсрочка, — поправил Вильгельм. — Не путай её с победой.

Алистер посмотрел на восстановившиеся защитные линии.

— Мы остановили инверсию. Этого достаточно на сегодня.

— Но источник нарушения остался, — напомнил Элиан. — И теперь мы знаем, что кто-то уже пытался изменить назначение артефакта.

Алистер повернулся к нему.

— Все записи, которые относятся к этому устройству, должны быть изучены. Ничего не упускай.

— Я займусь этим.

— И проверь архивы на предмет похожих изменений. Если это было сделано намеренно, мы должны понять кем и зачем.

Элиан кивнул.

Вильгельм отошёл от центрального круга.

— А теперь, если никто не возражает, я хотел бы заняться своей раной. В следующий раз, когда вы решите спасать мир, постарайтесь найти способ, который не требует от меня стоять посреди древней ловушки.

— Ты мог отказаться, — заметил Алистер.

— И пропустить возможность увидеть, как ты снова пытаешься командовать тем, чего не понимаешь? Ни за что.

Геральд покачал головой.

— Вы оба невозможны.

Но в его голосе впервые за долгое время прозвучало облегчение.

Джулия вернулась домой поздно вечером.

Торин встретил её у двери. По его лицу было понятно, что он собирался высказать всё, что накопилось за эти два дня, но, увидев выражение девушки, остановился.

— Ты что-то нашла?

Джулия достала из-под плаща обрывок пергамента.

— Возможно.

Лира подошла ближе и осторожно развернула находку.

— Где ты это взяла?

— В старой постройке в лесу. Там были следы. Их пытались скрыть. И я видела кого-то неподалёку.

Торин нахмурился.

— Ты была не одна?

— Не знаю. Но кто-то следил за мной.

— Джулия…

— Я не собиралась вступать в драку. Я просто забрала это.

Лира внимательно изучила знак.

— Похоже на эльбрианскую отметку.

— Я тоже так думаю.

— Ты уверена, что это связано с исчезновением Вильгельма? — спросил Торин.

Джулия покачала головой.

— Нет. Но я не могу исключить такую возможность. Они могли искать его. Или он сам вышел на их след.

— А что, если они ищут не его? — спросила Лира.

Джулия посмотрела на карту.

— Тогда мне нужно выяснить, что именно они ищут.

Торин долго смотрел на неё, затем осторожно забрал пергамент и положил на стол.

— Ты понимаешь, что теперь речь может идти не только о Вильгельме?

— Понимаю.

— И всё равно собираешься продолжать?

— Да.

— Тогда хотя бы не путай смелость с упрямством. Иногда отступить — единственный способ вернуться с ответами.

Джулия хотела возразить, но промолчала.

Она снова посмотрела на фрагмент пергамента. На нём сохранилась часть пути, ведущего к точке, отмеченной древним символом. Девушка не знала, что находилось в конце этой дороги, но теперь у неё была цель.

Она больше не собиралась просто искать пропавшего человека.

Она собиралась узнать, что скрывают эльбриане.

В Хэдэбе ночь прошла спокойно.

Защитные узлы больше не искажали потоки. Воздух во дворце перестал казаться тяжёлым, а древние знаки вернулись к прежнему свечению.

Но Элиан не спал.

Он сидел в архиве перед раскрытыми записями, пытаясь сопоставить сведения об артефакте с теми документами, которые обнаружил ранее. На одном из старых пергаментов были

изображены два круга, наложенные друг на друга. Рядом сохранилась часть текста, смысл которого он прежде не мог понять.

Теперь некоторые слова приобретали иное значение.

Элиан провёл пальцем по выцветшей строке.

Артефакт восстановил границу. Но он не устранил причину, по которой она начала разрушаться.

И если кто-то однажды уже изменил назначение древнего устройства, значит, происходящее могло быть частью гораздо более старого замысла.

Где-то далеко от Хэдэба, в месте, куда не проникал свет земного мира, Ноксит стояла перед высоким зеркалом.

Его поверхность была тёмной и неподвижной. В отражении не было ни её лица, ни очертаний зала — только бесконечная глубина, в которой медленно двигались тени.

Она подняла руку.

На тонком пальце сверкнуло кольцо. Ноксит повернула его, и в глубине зеркала на мгновение вспыхнул едва различимый знак.

Затем всё исчезло.

Богиня опустила руку.

— Десять лет, — произнесла она негромко.

В её голосе не было ни разочарования, ни удивления.

Она повернулась к выходу, оставив зеркало позади. А на его поверхности ещё несколько мгновений сохранялся слабый серебристый след — тот самый знак, который Элиан видел в древних записях.

ГЛАВА 12. ТО, О ЧЁМ МОЛЧАТ.

Два дня Джулия провела в поисках.

Лес вокруг Тенемира оказался куда обширнее, чем ей представлялось. Старые дороги давно заросли, тропы то исчезали среди корней, то выводили к заброшенным постройкам. Несколько раз девушка замечала следы чужого присутствия, но каждый раз они обрывались прежде, чем удавалось установить, куда направлялись незнакомцы.

И всё же поиски не оказались напрасными.

На второй день, ближе к полудню, Джулия обнаружила укрытие. Оно располагалось в стороне от основной дороги, за густой полосой деревьев. Снаружи постройка казалась давно заброшенной, однако примятая трава и свежие следы у входа говорили об обратном.

Девушка остановилась, внимательно осматривая окрестности. Лишь убедившись, что поблизости никого нет, она приблизилась к строению.

Внутри оказалось темно и прохладно. На полу виднелись следы недавнего пребывания незнакомцев, а на одной из стен темнел вырезанный знак — тот самый, который Джулия уже видела прежде.

Она подошла ближе.

Рядом с символом лежал небольшой обрывок пергамента. Края были неровными, словно его вырвали из большой карты. На пожелтевшей поверхности сохранились тонкие линии, несколько отметок и ещё один знак, который девушка не смогла разобрать.

Джулия осторожно подняла находку.

— Что же вы ищете? — пробормотала она.

Ответа, разумеется, не последовало.

Она ещё раз осмотрела помещение, надеясь обнаружить что-нибудь, что помогло бы понять назначение этого места. Но больше ничего примечательного не нашлось.

Покидать укрытие следовало как можно скорее.

Уже на обратном пути Джулия почувствовала, что за ней наблюдают.

Она остановилась и оглянулась. Между деревьями никого не было. Только ветви слегка покачивались от ветра.

Девушка постояла ещё несколько секунд, прислушиваясь к лесу, но не обнаружила ничего подозрительного. Продолжать поиски в одиночку она не стала. На этот раз осторожность оказалась важнее любопытства.

Вильгельм прибыл в Хэдэб вечером того же дня, когда покинул Теньмир.

Алистер хотел получить ответы немедленно. Элиан — разобраться в происходящем до мельчайших подробностей. Геральд, судя по его выражению лица, предпочёл бы, чтобы оба сначала позволили Вильгельму хотя бы войти.

Но времени на препирательства не оставалось.

Обнаруженное ими Сердце Предела требовало внимания, а восстановление границы оказалось далеко не простой задачей. Ритуал отнял немало сил и вновь дал о себе знать старому ранению Вильгельма.

Яд эльбрийского серебра всё ещё оставался в его организме. Повреждение, которое прежде удалось сдержать благодаря противоядию Лиры, не зажило окончательно. После ритуала боль усилилась, и Вильгельм, сколь бы неприятно ему ни было это признавать, нуждался в лечении.

Когда дела в Хэдэбе были завершены, он вернулся в Теньмир.

Лира встретила его без особого удивления.

— Садись, — распорядилась она, указав на свободный стул.

— Рад видеть, что гостеприимство здесь по-прежнему на высоте.

— А я рада, что ты наконец вспомнил о собственном здоровье.

Она осмотрела рану и принялась за лечение. Вильгельм молча наблюдал за её работой, хотя по выражению его лица было ясно, насколько ему не нравится происходящее.

— Ты снова довёл себя до этого состояния, — произнесла Лира.

— У меня были дела поважнее.

— Удивительно, как часто ты находишь такие дела.

— Ты закончила?

— Почти. И на этот раз постарайся не усугублять своё состояние.

Лира закончила обработку раны и убрала использованные материалы. Вильгельм поднялся, но её взгляд заставил его задержаться.

— Джулия искала тебя. Два дня.

Он поднял глаза.

— Глупый ребёнок.

Лира посмотрела на него с явным неодобрением.

— Возможно, она и ребёнок. Ей всего шестнадцать, и не стоит забывать об этом. Но не смотри на её возраст. Джулия мудра не по годам. Жизнь заставила её повзрослеть раньше времени, и ей пришлось научиться справляться с тем, с чем не каждый взрослый справился бы.

— Ты говоришь так, будто я собираюсь недооценивать её.

— Иногда ты ведёшь себя именно так. Ты хоть раз задумывался, почему она искала именно тебя?

Вильгельм задержал на ней взгляд, но не ответил.

Лира взяла со стола корзину и начала разбирать собранные травы. Несколько мгновений она молчала, отделяя свежие листья от сухих, а затем продолжила:

— Она могла бы решить, что ты просто исчез. Могла бы оставить всё как есть. Но вместо этого два дня ходила по лесу, пытаясь выяснить, что с тобой случилось. Не называй её глупой только за то, что она беспокоится о других.

Вильгельм отвёл взгляд.

— Ты закончила читать мне наставления?

— На сегодня — да. Но рану всё равно придётся беречь.

Она переложила травы в небольшую миску и добавила:

— Джулия ушла за ними. И, зная её, вернётся не раньше, чем найдёт что-нибудь ещё, требующее её внимания.

— В этом я не сомневаюсь.

— Тогда тебе придётся немного подождать.

Вильгельм устроился на веранде с книгой, которую выбрал скорее для вида, чем для чтения.

Джулия вернулась ближе к вечеру.

Она вошла во двор, поставила корзину с травами у двери и только потом заметила Вильгельма. На мгновение девушка замерла. Усталость после долгого дня уступила место удивлению, а затем — раздражению, которое она явно пыталась сдержать.

— Значит, ты всё-таки вернулся.

Вильгельм перевернул страницу.

— Как видишь.

— Я два дня тебя искала.

— Надеюсь, прогулки пошли тебе на пользу.

Джулия скрестила руки на груди.

— Ты всегда так благодаришь людей за беспокойство?

— Только тех, кто предпочитает искать неприятности вместо того, чтобы заниматься собственными делами.

— Я искала не неприятности.

— Разумеется. Просто случайно оказалась в лесу, вдали от дома, без сопровождения.

— Откуда ты знаешь?

Вильгельм наконец поднял взгляд.

— Лира рассказала.

Джулия недовольно выдохнула. Она и не сомневалась, что Лира не станет скрывать от него подробности.

— Я хотела понять, куда ты исчез.

— У меня были дела.

— Можно было хотя бы предупредить.

— Я не обязан отчитываться о каждом своём шаге.

— Я знаю, — резко ответила она. — Но это не значит, что мне всё равно.

На несколько мгновений между ними повисла тишина.

Вильгельм внимательно посмотрел на девушку. В её голосе не было прежней вспышки гнева. Скорее усталость и плохо скрываемое беспокойство.

Он отвёл взгляд первым.

— Ты нашла что-нибудь интересное за эти два дня?

Джулия не сразу ответила. Затем достала из кармана сложенный пергамент и положила его на стол.

— Возможно.

Вильгельм отложил книгу.

— Где ты это взяла?

— В старом укрытии к северу от дороги. Похоже, там недавно кто-то был. Я нашла этот обрывок внутри.

Он развернул пергамент и внимательно изучил изображённые линии. Взгляд задержался на одном из символов.

Знак показался ему знакомым.

Не полностью. Не во всех деталях. Но сходство было слишком явным, чтобы его игнорировать.

Вильгельм вспомнил повреждённое Сердце Предела и изменённый символ, который они обнаружили на поверхности артефакта.

Он снова посмотрел на карту. Несколько линий сходились возле отметки, расположенной рядом со знаком. Теперь ему бросилось в глаза то, чего он не заметил сначала: расположение этих линий напоминало не обычную разметку местности, а схему, в которой каждая отметка имела определённое значение.

Возможно, перед ним был не просто фрагмент карты.

Возможно, он держал в руках часть более сложной схемы — той, что могла иметь отношение к прежней попытке изменить границу.

Но пока это оставалось лишь предположением.

— Ты знаешь, что это? — спросила Джулия.

Вильгельм медленно сложил пергамент.

— Пока нет.

— Но ты узнал знак.

— Я сказал, что пока не знаю, что он означает.

— Это не одно и то же.

— Рад, что ты способна различать очевидные вещи.

Джулия закатила глаза.

— Иногда с тобой невозможно разговаривать.

— И всё же ты продолжаешь пытаться.

Она не стала отвечать. Вместо этого указала на отметку в центре пергамента.

— Вот это место. Я думаю, оно обозначает что-то важное. Но не могу понять, что именно.

— Возможно, потому, что у тебя не вся карта.

— Я и сама догадалась.

Вильгельм поднял на неё глаза.

— Где именно находилось укрытие?

Джулия описала дорогу, деревья и заброшенную постройку. Он слушал внимательно, не перебивая, стараясь запомнить каждую подробность.

— Ты была там одна? — спросил он, когда она закончила.

— Да.

— Больше так не делай.

— Не начинай.

— Это не просьба.

— А я не собираюсь сидеть дома только потому, что тебе так спокойнее.

Вильгельм посмотрел на неё долгим взглядом.

— Дело не в моём спокойствии. Ты не знаешь, кто оставил этот знак и зачем. Если за тобой действительно наблюдали, возвращаться туда в одиночку было бы глупо.

Джулия нахмурилась.

— Ты думаешь, за мной следили?

— Я думаю, что тебе следует относиться к этому как к возможности, а не ждать, пока она превратится в очевидную опасность.

Она помолчала, затем кивнула. Неохотно, но всё же.

— Хорошо. В следующий раз я буду осторожнее.

— Постарайся, чтобы до следующего раза дело не дошло.

— Не обещаю.

— Я и не рассчитывал.

Джулия забрала корзину и направилась к дому. Уже у двери она остановилась.

— И ещё, Вильгельм.

— Что?

— В следующий раз, когда решишь исчезнуть, хотя бы оставь записку.

Он не ответил сразу.

— Я подумаю.

— Для тебя это уже почти обещание.

— Не привыкай.

Джулия скрылась в доме.

Вильгельм остался на веранде. Он снова развернул пергамент и положил рядом с книгой. Теперь сходство символов казалось ещё более очевидным. Знак на карте и изменённый знак на Сердце Предела могли быть частями одной системы.

Если это так, эльбрийцы искали нечто, связанное с прежним вмешательством в границу. Возможно, они пытались отыскать место, где оно началось. Или то, что осталось после него.

Вильгельм провёл пальцем над линиями, не касаясь пергамента.

Он не собирался рассказывать Джулии о Сердце Предела. По крайней мере, не сейчас. Сначала следовало проверить собственные догадки и понять, насколько тесно связаны найденная ею карта и повреждённый артефакт.

За окном темнело. Ветер шевелил кроны деревьев, а из дома доносились негромкие голоса. Вильгельм ещё раз посмотрел на символ, затем аккуратно сложил пергамент.

Завтра ему предстояло вернуться к записям Элиана.

Теперь у него была зацепка, которой не существовало ещё несколько часов назад.

ГЛАВА 13. ЧУЖОЕ МЕСТО РЯДОМ.

Рассвет ещё не успел окончательно рассеять ночную темноту, когда в дверь дома Торина постучали.

Стук был торопливым, почти отчаянным.

Лира первой поднялась со своего места и направилась к входу. На пороге стояла Элвира. Её серебристые волосы растрепались, лицо побледнело, а в глазах застыл такой страх, что Лира сразу поняла: случилось что-то серьёзное.

— Элвира? Что произошло?

Женщина попыталась ответить, но голос сорвался.

— Сильвана… Её забрали.

Лира осторожно взяла её за руку и провела в дом.

— Сядь. Не торопись. Расскажи, что случилось.

На шум вышел Торин. Следом появилась Джулия, уже успевшая накинуть куртку. У камина сидел Вильгельм. Он поднял глаза на вошедших, и выражение его лица сразу изменилось.

— Кто забрал? — спросил Торин.

Элвира с трудом сглотнула.

— Эльбрийцы. Я уверена, что это были они. Ночью я услышала шум во дворе. Когда выбежала, Сильваны уже не было. Остались только следы.

Джулия подошла ближе.

— Ты видела их?

— Нет. Всё произошло слишком быстро. Но несколько дней назад их замечали неподалёку от поселения. Они расспрашивали о моей дочери.

— О чём именно? — спросила Джулия.

— Я не знаю. Сильвана не успела мне ничего рассказать.

Джулия нахмурилась и подошла к столу, где лежала карта окрестностей.

— Если они хотели просто избавиться от неё, не стали бы забирать живой. Значит, им что-то нужно.

Вильгельм поднялся.

— И где, по-твоему, они её держат?

Джулия провела пальцем по восточной части карты.

— В старой крепости. Она давно заброшена, но эльбрийцы иногда используют её как временное убежище. Оттуда есть несколько выходов к склонам.

Торин посмотрел на неё.

— Это только предположение.

— Да. Но другого у нас нет.

Элвира подняла на Джулию заплаканные глаза.

— Пожалуйста… Найдите её.

Джулия присела рядом.

— Мы вернём её домой.

Она произнесла это уверенно, хотя прекрасно понимала, что обещает больше, чем может гарантировать.

— Я пойду с тобой, — сказал Вильгельм.

Джулия обернулась.

— Ты ещё не до конца восстановился.

— Моё состояние не нуждается в обсуждении.

— Я просто…

— Я понял, что ты хотела сказать. Но решение уже принято.

Торин усмехнулся:

— В таком случае спорить бесполезно.

— Рад, что хоть кто-то здесь способен делать выводы, — сухо ответил Вильгельм.

Лира тем временем собрала небольшой медицинский свёрток и передала его Джулии.

— Возьми. Там всё необходимое. И не забывай, что осторожность — не трусость.

— Не забуду.

— Торин останется здесь. Если вы не вернётесь к вечеру, он сообщит Алистеру.

Торин кивнул.

— Я подготовлю всё необходимое. И постарайтесь не задерживаться.

Джулия направилась к двери. За ней поднялась Нара, но девушка остановила собаку.

— Нет. Ты остаёшься.

Нара недовольно опустила голову.

— Не смотри на меня так. Я вернусь.

Вильгельм уже стоял на крыльце.

— Ты закончила прощаться?

— Да.

— Тогда пойдём.

Старая крепость возвышалась над скалистым склоном. Её стены потемнели от времени, башни частично разрушились, а узкие окна казались пустыми глазницами.

Джулия остановилась за каменным выступом и внимательно осмотрела ворота.

— Двое у входа. Ещё один на башне.

— Четверо, — поправил Вильгельм.

Она проследила за направлением его взгляда и заметила едва различимое движение между камнями.

— Хорошо спрятался.

— Не настолько хорошо.

Джулия достала несколько тонких металлических шипов.

— Я займусь воротами. Ты — башней.

— А четвёртый?

— Не дай ему поднять тревогу.

Вильгельм посмотрел на неё с лёгкой усмешкой.

— Какой решительный приказ.

— Если тебе не нравится, можешь придумать другой.

— Оставим твой. Не хочу лишать тебя удовольствия командовать.

Джулия закатила глаза и приготовилась.

Всё произошло быстро.

Первый стражник рухнул после точного броска. Второй успел обернуться, но Джулия уже оказалась рядом. Несколько мгновений спустя оба лежали на земле.

На башне мелькнула тень.

Вильгельм исчез из поля зрения, а затем появился наверху. Последний охранник потянулся к сигнальному рожку, но демон перехватил его руку.

— Не советую, — произнёс он.

Стражник не успел ответить.

Когда Вильгельм спустился, Джулия уже направлялась к воротам.

— Ты мог бы предупредить, что собираешься исчезнуть.

— Я не исчезал. Просто переместился.

— Какая существенная разница.

— Для тех, кто умеет различать подобные вещи, — да.

Джулия бросила на него недовольный взгляд, но спорить не стала.

Они вошли в крепость.

Внутри пахло сыростью и старым камнем. Вдоль стен стояли ящики, на полу валялись обрывки верёвок и куски ткани. Крепость была заброшена лишь на первый взгляд: пыль на полу пересекали свежие следы.

Джулия присела и коснулась одного из них.

— Здесь недавно проходили.

— И не один человек, — добавил Вильгельм.

Из глубины здания донёсся слабый звук.

Они одновременно замерли.

Повторившийся стон окончательно развеял сомнения.

Джулия двинулась по коридору. Вильгельм следовал за ней, внимательно осматривая проходы.

За поворотом находилась небольшая камера.

Сильвана сидела у стены. Её руки были связаны, волосы спутались, на щеке виднелась царапина. Услышав шаги, она резко подняла голову.

— Кто здесь?

— Тише, — прошептала Джулия. — Мы пришли за тобой.

Сильвана несколько секунд смотрела на неё, словно не могла поверить собственным глазам.

— Джулия?

— Да. Сейчас освободим тебя.

Джулия опустилась рядом и принялась перерезать верёвки.

Вильгельм тем временем осматривал дверной проём.

— Не торопись.

— Что?

— Защитный контур.

Джулия подняла голову. На камне проступали едва заметные линии, соединённые небольшими знаками.

— Он активен?

— Пока нет. Но если задеть его неправильно, крепость может оповестить остальных.

Джулия достала металлическую пластину.

— Тогда постараюсь ничего не задеть.

Она осторожно провела пластиной вдоль первого знака. По металлу прошла слабая дрожь. Джулия повторила движение, пока серебристое свечение на камне не начало угасать.

Последний знак погас с короткой вспышкой.

В глубине крепости что-то щёлкнуло.

Вильгельм поднял голову.

— Теперь они знают, что кто-то проник внутрь.

— Значит, пора уходить.

Джулия освободила Сильвану и помогла ей подняться.

Но за камерой их ждала ещё одна преграда — тяжёлая железная дверь, покрытая защитными символами.

Вильгельм приблизился к ней и коснулся поверхности. По его пальцам скользнула тень, но знаки вспыхнули, заставив его отступить.

— Не поддаётся? — спросила Джулия.

— Эта печать устроена сложнее предыдущей. Силой её открывать не стоит.

Сильвана внимательно посмотрела на дверь.

— Я видела, как они открывали её.

Вильгельм повернулся к ней.

— Что именно они делали?

— Один из эльбрийцев нажимал на знаки. Три подряд. Я не помню точно, но сначала он касался верхнего справа, потом нижнего слева, а затем среднего.

Джулия подошла ближе.

— Ты уверена?

— Не совсем. Но я несколько раз наблюдала за ним.

Вильгельм изучил символы.

— Печать реагирует на определённую последовательность. Ошибка может её заблокировать.

— Значит, нужно вспомнить правильно, — сказала Джулия.

Она внимательно осмотрела дверь. Несколько знаков были похожи друг на друга, но один отличался едва заметной чертой.

— Вот этот?

Сильвана наклонилась.

— Да. Кажется, он.

Джулия нажала на первый символ, затем на второй и третий.

На мгновение ничего не произошло.

Потом дверь дрогнула и медленно отворилась.

— Получилось, — выдохнула Сильвана.

— Не задерживаемся, — произнёс Вильгельм.

За дверью начинался узкий коридор. Внизу виднелась лестница, ведущая к подземному выходу, но проход оказался завален обломками камня.

Сильвана покачала головой.

— Там не пройти. Но есть другая лестница. Она ведёт к внешней стене.

— Покажешь? — спросила Джулия.

— Да.

Девушка указала на боковой проход, почти скрытый за выступом стены.

Они последовали за ней.

Лестница была старой и узкой. На стенах сохранились изображения звёзд, созвездий и странных линий, соединявших отдельные символы.

Джулия остановилась.

— Это похоже на записи Жрицы Луны.

Сильвана провела пальцами по камню.

— Да. Но некоторые обозначения мне незнакомы. Они гораздо старше тех, что я изучала.

Вильгельм задержал взгляд на одном из рисунков.

— Здесь есть изменения.

— Ты знаешь эти знаки? — спросила Джулия.

— Некоторые.

— И что они означают?

— Пока ничего, что помогло бы нам выбраться отсюда быстрее.

Джулия недовольно посмотрела на него, но промолчала.

Сверху послышались голоса.

— Они идут, — прошептала Сильвана.

— Тогда продолжим разговор снаружи, — сказал Вильгельм.

Лестница вывела их к узкому проходу за внешней стеной. Джулия первой выбралась наружу и помогла Сильване. Вильгельм вышел последним.

Они оказались на склоне за крепостью. До леса оставалось несколько десятков шагов.

Джулия обернулась.

В одном из верхних окон стояла неподвижная фигура.

Она не могла разглядеть лица, но чувствовала на себе чужой взгляд.

— Вильгельм…

Он посмотрел туда же.

Фигура исчезла.

— Не останавливайся, — произнёс он.

И они направились к лесу.

Обратная дорога оказалась нелёгкой.

Сильвана быстро уставала, и несколько раз им приходилось останавливаться. Вильгельм шёл рядом, поддерживая её на крутых участках тропы.

— Простите, что задерживаю вас, — произнесла девушка.

— Не извиняйся за то, что тебе нужно передохнуть, — ответил он.

Сильвана благодарно улыбнулась.

Через некоторое время она заговорила:

— Они задавали мне много вопросов.

— О чём? — спросила Джулия.

— О звёздных картах. О небесных сочетаниях, старых обозначениях и записях, которые отличаются от современных. Их интересовало, чему меня учила Жрица Луны.

Вильгельм нахмурился.

— Ты рассказала им что-нибудь?

— Нет. Я не собиралась помогать им.

— Правильно.

Сильвана посмотрела на него.

— Но я не понимаю, зачем им понадобились мои знания.

— Возможно, они ищут нечто, что не могут обнаружить самостоятельно.

— Что-то связанное со звёздами?

— Не исключено.

Джулия шла впереди, прислушиваясь к разговору.

— Ты ведь ученица Жрицы Луны? — спросила она.

— Да. Я изучаю старые карты и движение небесных тел. Но пока знаю далеко не всё.

— Значит, тебе есть чему учиться.

Сильвана улыбнулась.

— Очень многому.

Вильгельм взглянул на неё.

— Знания редко бывают лишними. Особенно если умеешь сомневаться в том, что написано в древних книгах.

— Вы тоже изучали подобные вещи?

— Достаточно давно.

— И много знаете о старых картах?

— Достаточно, чтобы понимать: иногда одна неверная линия способна изменить смысл всей записи.

Сильвана задумалась над его словами.

Джулия отвернулась.

Ей было неприятно замечать, насколько легко Вильгельм разговаривает с Сильваной. Он отвечал ей терпеливо, задавал вопросы, интересовался её знаниями. Ничего особенного в этом не было. Сильвана только что пережила похищение, и естественно, что Вильгельм старался поддержать её.

Джулия понимала это.

Но от понимания чувство не исчезало.

Элвира увидела дочь ещё издалека.

Она выбежала навстречу, не обращая внимания на холод и неровную дорогу.

— Сильвана!

Девушка едва успела сделать шаг, прежде чем мать заключила её в объятия.

Они обе плакали. Элвира гладила дочь по волосам, касалась её лица, словно хотела убедиться, что та действительно вернулась.

Джулия остановилась чуть поодаль.

— Спасибо, — прошептала Элвира, наконец подняв глаза. — Я никогда не смогу отблагодарить вас за это.

— Не нужно, — ответил Вильгельм. — Главное, что она дома.

Сильвана посмотрела на него.

— Я не забуду того, что вы сделали.

— Надеюсь, в следующий раз мы встретимся при более приятных обстоятельствах.

Девушка улыбнулась.

Элвира увела дочь в дом, продолжая обнимать её за плечи.

Джулия проводила их взглядом.

Она была рада, что всё закончилось благополучно. И всё же ей почему-то хотелось поскорее уйти.

В последующие дни Сильвана постепенно приходила в себя.

Лира помогала ей восстановить силы, а Элвира почти не отходила от дочери. Джулия несколько раз навещала их, но надолго не задерживалась.

Вильгельм тоже приходил.

Сначала он интересовался самочувствием Сильваны, затем разговоры всё чаще переходили к её занятиям. Девушка рассказывала о звёздных картах, старых обозначениях и наблюдениях Жрицы Луны. Вильгельм слушал внимательно, иногда задавая вопросы, которые заставляли её задумываться.

Однажды Сильвана принесла несколько старых рукописей.

— Я не уверена, что здесь всё правильно, — сказала она, раскладывая листы на столе. — Некоторые обозначения отличаются от тех, которым меня учили.

Вильгельм наклонился над записями.

— Покажи.

Он внимательно изучил первую страницу, затем положил рядом вторую.

— Здесь положение звёзд указано иначе.

— Именно. Но я проверяла несколько раз. Если верить этой карте, созвездие должно находиться в другом месте.

— Возможно, дело не в созвездии.

Сильвана подняла глаза.

— А в чём?

Вильгельм указал на одну из линий.

— В том, что одна из записей могла быть изменена.

— Намеренно?

— Пока рано делать выводы.

Сильвана задумалась.

— Значит, кто-то мог переписать карту так, чтобы она показывала другое расположение звёзд?

— Или чтобы скрыть первоначальный смысл.

Джулия, сидевшая неподалёку, подняла голову.

— Зачем кому-то это понадобилось бы?

Вильгельм перевёл на неё взгляд.

— Если бы я знал, вопрос уже не стоял бы перед нами.

Сильвана улыбнулась.

— Но теперь у нас есть направление, в котором можно искать.

Вильгельм вернул ей рукописи.

— Не выбрасывай эти записи. Они могут оказаться важнее, чем кажется.

Джулия промолчала.

Она вспомнила обрывок карты, найденный в убежище эльбрийцев, и знак, который Вильгельм заметил на Сердце Предела. Возможно, между ними существовала связь. Но пока она не собиралась делиться догадками.

Слишком многое оставалось непонятным.

К концу месяца присутствие Сильваны в доме Торина перестало казаться чем-то необычным.

Она часто приходила к Лире, иногда приносила старые записи, а порой задерживалась за разговором с Вильгельмом. Они могли часами разбирать карты звёздного неба, спорить о значении отдельных символов и сравнивать разные рукописи.

Джулия привыкла видеть их вместе.

Но привыкнуть не означало перестать замечать.

Однажды вечером она вошла в комнату, когда Сильвана показывала Вильгельму очередную запись. Девушка сидела рядом с ним и, объясняя что-то, легко коснулась его руки.

Вильгельм не отстранился. Он лишь перевёл взгляд на страницу, которую она держала.

Джулия остановилась на пороге.

— Я помешала?

Сильвана обернулась.

— Нет. Мы как раз закончили.

Она собрала листы и поднялась.

— До завтра, Вильгельм.

— До завтра.

Сильвана вышла, оставив их вдвоём.

Джулия подошла к столу.

— Вы хорошо ладите.

Вильгельм поднял на неё глаза.

— Мы обсуждаем карты.

— Я заметила.

Он отложил рукопись.

— Ты хотела что-то спросить?

— Нет.

Джулия направилась к двери.

Она ждала, что Вильгельм скажет что-нибудь ещё, но он вернулся к своим записям.

И именно это заставило её почувствовать себя ещё более чужой.

За ужином Сильвана рассказывала Лире о новых рукописях, которые собиралась изучить.

— Кажется, я наконец начинаю понимать, почему некоторые карты отличаются друг от друга. Возможно, их переписывали в разные времена. И каждый раз кто-то менял отдельные обозначения.

— Это объясняет расхождения, — заметил Вильгельм.

— Но не объясняет, зачем это делали.

— Для этого понадобятся другие источники.

Сильвана улыбнулась.

— Хорошо, что теперь у меня есть с кем их искать.

Она положила ладонь на стол рядом с рукой Вильгельма. Он не отодвинулся, но и не ответил на этот жест.

Джулия опустила взгляд на тарелку.

Ей вдруг стало трудно оставаться за столом.

— Простите, — произнесла она, поднимаясь. — Мне нужно выйти.

Лира посмотрела на неё, но не стала удерживать.

Джулия вышла на крыльцо.

Вечерний воздух был прохладным. Она остановилась у перил и положила ладони на деревянную поверхность.

Через некоторое время за спиной послышались шаги.

— Ты снова уходишь, когда разговор становится интересным? — спросил Вильгельм.

Джулия не обернулась.

— Не всё, что интересно тебе, интересно мне.

— Это я уже заметил.

Она повернулась.

— Тогда зачем пришёл?

— Хотел узнать, что с тобой происходит. Последнее время ты ведёшь себя так, словно я чем-то тебя оскорбил.

— Возможно, ты просто не замечаешь, когда это делаешь.

Вильгельм слегка приподнял бровь.

— Весьма загадочно.

Джулия отвела взгляд.

— Неважно.

— Как пожелаешь.

Он уже собирался вернуться в дом, но она заговорила:

— Ты когда-нибудь задумывался о том, что кто-то может ждать твоего внимания?

Вильгельм остановился.

— Вряд ли это редкое явление.

— А если этот человек ждёт не просто внимания?

Он медленно повернулся к ней.

Джулия почувствовала, как внутри всё сжалось. Ещё можно было промолчать. Сделать вид, что разговор ничего не значит, и уйти. Но она устала прятать то, что давно стало очевидным для неё самой.

— Я думала о тебе больше, чем следовало, — произнесла она. — Ждала, когда ты появишься. Искала тебя взглядом. Иногда мне казалось, что между нами есть что-то особенное.

Вильгельм молчал.

— Я понимаю, что ты можешь не чувствовать того же, — продолжила Джулия. — Но мне хотелось знать, дорога ли я тебе хоть немного.

Несколько секунд он смотрел на неё, не меняя выражения лица.

А затем усмехнулся.

Не той привычной короткой усмешкой, за которой обычно скрывалась язвительность. На этот раз в его голосе прозвучал откровенный смешок.

— Вот оно что.

Джулия нахмурилась.

— Что?

— Значит, всё это время ты строила подобные предположения?

— Я не…

— И что же ты успела себе придумать? — Он чуть склонил голову. — Что я смотрю на тебя иначе? Что задерживаюсь рядом потому, что не могу уйти? Или, быть может, ты уже решила, что однажды я непременно признаюсь тебе в своих чувствах?

Лицо Джулии постепенно побледнело.

— Я просто хотела…

— Чего? Услышать, что твоя мечта взаимна?

Он снова усмехнулся.

— Джулия, ты действительно считаешь, что понимаешь, о чём говоришь?

Она сжала пальцы.

— Не нужно издеваться.

— А что мне остаётся? Ты приходишь ко мне с признанием, будто мы с тобой герои какой-нибудь романтической баллады.

— Я не просила тебя смеяться!

— Тогда не стоило ждать, что я отнесусь к этому серьёзно.

Эти слова ударили сильнее, чем она ожидала.

Джулия смотрела на него, пытаясь найти в его лице хоть что-то, что позволило бы усомниться в услышанном. Но Вильгельм не отводил взгляда.

— Я думала, что ты хотя бы уважаешь меня, — тихо произнесла она.

— Уважение не означает, что я обязан отвечать на каждую твою прихоть.

— Это не прихоть.

— Для тебя, возможно, нет. Но со стороны это выглядит именно так.

Он сделал небольшую паузу.

— Ты слишком торопишься придавать значение обычным вещам. Я разговариваю с тобой, помогаю тебе, иногда беспокоюсь о том, чтобы ты не натворила глупостей. И ты решила, что за этим скрывается нечто большее?

Джулия опустила глаза.

— Я ничего не решила.

— Тогда хорошо. Потому что тебе не стоит питать никаких надежд.

Она снова посмотрела на него.

— Совсем никаких?

— Именно.

Вильгельм произнёс это почти равнодушно.

— Не путай мою привычку терпеть твоё присутствие с чувствами, которых нет. И не пытайся увидеть в каждом моём поступке то, чего тебе хочется.

Джулия почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Я поняла.

— Надеюсь.

Он отвернулся.

— А теперь, если разговор окончен, я хотел бы вернуться в дом.

Джулия не ответила.

Вильгельм прошёл мимо неё и скрылся за дверью.

Она осталась стоять на крыльце.

Ей казалось, что ещё минуту назад она была готова к любому ответу. К отказу, к равнодушию, даже к раздражению.

Но не к насмешке.

Она не ждала обещаний. Не требовала взаимности. Ей хотелось лишь услышать правду.

И теперь она её услышала.

Лира нашла Джулию позднее.

Девушка сидела у окна своей комнаты, глядя в темноту. Услышав шаги, она быстро вытерла лицо.

— Можно войти?

— Конечно.

Лира присела рядом.

— Вы поговорили?

Джулия кивнула.

— И как всё прошло?

Некоторое время она молчала.

— Он смеялся надо мной.

Лира не сразу нашлась с ответом.

— Что он сказал?

— Что я всё придумала. Что приняла обычное внимание за что-то другое. И чтобы я не питала надежд.

Лира осторожно взяла её за руку.

— Джулия…

— Я знаю, что он не обязан меня любить. Я ведь не этого требовала. Но зачем было так?

Лира не стала оправдывать Вильгельма.

— Не знаю.

— Наверное, я действительно выглядела глупо.

— Нет.

— Он так и сказал.

— А я говорю тебе, что нет.

Джулия опустила голову.

— Мне стыдно, что я вообще заговорила об этом.

— Не должно быть стыдно за то, что ты была искренней. Но теперь ты знаешь, что он не хочет отвечать тебе взаимностью. И тебе придётся принять это, как бы больно ни было.

— Я не собираюсь больше ничего ему говорить.

— Хорошо. Только не заставляй себя делать вид, будто тебе всё равно.

Лира осторожно погладила её по руке.

— Ты не обязана никого менять, Джулия. И никто не обязан становиться таким, каким ты хочешь его видеть.

Джулия кивнула.

— Я просто больше не хочу выглядеть дурой.

— Тогда не позволяй чужим словам определять, кем ты себя считаешь.

За окном шумел ветер. В комнате было тихо.

Лира осталась рядом, не пытаясь заполнить молчание ненужными утешениями.

Вильгельм вернулся в свою комнату.

Он не стал зажигать свечи и некоторое время стоял у окна, глядя на тёмный лес.

В доме постепенно стихали голоса. Где-то внизу закрылась дверь, затем послышались удаляющиеся шаги.

Он снял перчатки и положил их на стол.

Разговор с Джулией закончился именно так, как он и хотел.

Теперь она не станет ждать от него того, чего он не собирался ей давать.

Вильгельм отвернулся от окна и подошёл к столу, где лежали записи Сильваны.

Ему предстояло разобраться в странных обозначениях, прежде чем они окончательно потеряют след эльбрийцев.

Он развернул первую рукопись.

Но сосредоточиться удалось не сразу.

В старой цитадели было тихо.
В глубине каменного помещения один из эльбрийских символов медленно потемнел.
По его поверхности пробежал слабый отблеск.
Он задержался всего на несколько мгновений, а затем исчез.
Страж остался перед стеной.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.